

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный институт
Научно-образовательный и культурный центр «Институт Конфуция»
Кафедра востоковедения

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию юбилею профессора М. В. Крюкова

“丝绸之路：传统与当代”

祝贺 Mikhail V. Kryukov 诞辰 90 周年
国际学术及实践研讨会
论文摘要集

14-15 ноября 2022 г.
г. Новосибирск

2022 年 11 月 14–15 日
俄罗斯新西伯利亚市

УДК 94(315)+811.581(082)

ББК ТЗ(54)-7я431

В273

Великий Шелковый путь: традиции и современность = 丝绸之路: 传统与当代: Сборник тезисов международной научно-практической конференции 14–15 ноября 2022 г., г. Новосибирск, посвященной 90-летию юбилею профессора М. В. Крюкова = 祝贺 Mikhail V. Kryukov 诞辰 90 周年国际学术及实践研讨会论文摘要集 / Новосиб. гос. ун-т; под ред. Ю. А. Азаренко, С. А. Комиссарова. Новосибирск, 2022. 144 с.

The Great Silk Road: Tradition and Modernity: Collections of reports theses of the International science-practical conference, dedicated to the 90th anniversary prof. Mikhail V. Kryukov, held on November 14–15, 2022 at Novosibirsk State University, Russia / Novosibirsk State University; ed. by, Yu. A. Azarenko, S. A. Komissarov. Novosibirsk, 2022. 140 p.

Сборник тезисов содержит тезисы научно-исследовательских и учебно-методических докладов на русском, английском и китайском языках по четырем направлениям работы конференции: «Археология, этнография и эпиграфика Восточной и Юго-Восточной Азии»; «Проблемы новейшей истории и историографии Китая. Российско-китайские отношения»; «Изучение и преподавание китайского языка. Роль вэньяня»; «Вопросы экономики и политики в рамках инициативы “Один пояс, один путь”». Адресован китаеведам, студентам.

Организаторы конференции: Научно-образовательный и культурный центр «Институт Конфуция» и кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Институт археологии и этнографии СО РАН, при финансовой поддержке Синьцзянского университета в рамках международного проекта «Институт Конфуция НГУ»

Conference organizers: Research and Educational Cultural Center “Confucius Institute” and Oriental Studies Department of Institute for the Humanities at Novosibirsk State University, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, with financial support of Xinjiang University (China) for Confucius Institute project at NSU.

Конференция состоялась в рамках празднования 60-летия гуманитарного образования в НГУ.
The conference is held as part of 60th anniversary celebration of humanities education at Novosibirsk State University.

**60 ЛЕТ
ГУМАНИТАРНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ В НГУ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	9
Пленарное заседание	
Plenary Meeting	
全体会议	10
Крюков М. В. Приветствие участникам конференции.....	10
刘克甫 (Kryukov M. V.) 致“丝绸之路：传统与当代”国际会议与会者的欢迎辞	10
Комиссаров С. А. Слово о юбиляре: 90 лет Михаилу Васильевичу Крюкову	11
Дацышен В. Г., Дай Цзяньбинь. Документы архива А. Х. Нилуса из фондов Гуверовского института как источник по истории советско-китайских отношений	11
Datsyshen V. G., Dai Jianbin. Ye. Ch. Nilus' Documents Collection from Hoover Institution Archives as a History of Soviet-Chinese Relations Source	12
Родионов А. А. Акью в России: к 100-летию знаменитой повести Лу Синя.....	13
Rodionov A. A. Ah Q in Russia: commemorating centennial of a famous novel by Lu Xun.....	13
傅守祥. 论人类命运共同体共建与 New Civilization 开创	14
Fu Shouxiang. On Community of Human Destiny and Creation of New Civilization.....	14
Петровский В. Е. «Ледяной Шелковый путь» и российско-китайское сотрудничество в Арктике	14
Petrovskiy V. E. Polar Silk Road and Russian-Chinese Cooperation in the Arctic Region	15
 Археология, этнография и эпиграфика Восточной и Юго-Восточной Азии	
Archaeology, Ethnography and Epigraphy of the East and South-East Asia	
东亚和东南亚国家考古学、民族学及铭文学研究	16
Трубникова В. Б. Сяньбэй и отечественная археология: малоизвестная страница научной биографии М. В. Крюкова	16
Некраш А. А. Сейминско-турбинская проблематика в трудах академика В. И. Молодина: восточный аспект.....	16
Liu Xuetao. A multidisciplinary study of the prehistoric remains of the ancient Loulan region .	17
刘学堂. 古楼兰地区史前遗存的多学科研究	17
Renaguli Yusufu. The communication patterns of prehistoric people on the Eastern Tianshan Mountains from the perspective of tombs.....	18
热娜古丽·玉素甫. 从墓葬看东天山地区史前人群的交往模式	19
Ульянов М. Ю. Исторические реалии периода Чуньцю (771–453) в сочинении <i>Чуньцю Цзочжуань</i> (гл. 1-8): военная сфера	20
方笑天. 考古所见汉至南北朝时期中国的西南边疆	20
Wang Anqi, Zhang Quanchao, Zou Ruiqi, Wang Long. A study on the behavior patterns within Bronze-Early Iron Age population from Jiayi cemetery, Xinjiang, China.....	21
王安琦、张全超、邹睿奇、王龙. 新疆吐鲁番加依墓地青铜—铁器时代人群行为模式研究	22
Шульга П. И. О происхождении бабочковидных бляшек в Северном Китае	23
Шульга П. И., Хорват В. Конструкция узды из <i>чэмакэна</i> в Мэйюаньсжэуане	23
Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Кудинова М. А. Гробница жужаньской принцессы Линь Хэ в Дачжуаньин (уезд Цысянь, пров. Хэбэй, КНР)	24

Гирченко Е. А. Могильные комплексы периода Вэй и Западной Цзинь в округе Цзюцюань	25
Кудинова М. А. Погребальные памятники эпохи шестнадцати варварских государств в районе Ляоси	25
Селин Д. В. Изображения колесниц на петроглифах долины Тимна (юг Иорданской впадины, Израиль)	26
Шульга Д. П., Шульга А. А. О соотношении «феодалной лестницы» с количеством погребаемых колесниц (эпоха Чжаньго)	26
Zhao Wenqi. Tubo tomb plate painting research	27
赵文琪. 吐蕃墓葬棺板画考辨	27
Cai Hongyu. The Last National Treasure: A probe into the current sSituation and development of the security waist knife	28
蔡鸿宇. 末落的民族瑰宝：保安腰刀的现状与发展问题的探究	28
张 鹏. 异域传习与模件嵌套 ——由康业墓石棺床支脚反思北朝晚期粟特人石棺床葬具形式	28
Николаева Н. Ш. Бронзовые барабаны Гуанси.....	29
Luo Lingling. A study on the raft culture of Zhongwei	30
罗玲玲. 中卫皮筏文化的非遗保护与传承	30
Ван Ицзин. Исследование образа согдийцев на основе китайских археологических находок.....	31
王艺静. 基于中国考古发现的粟特人形象研究	33
Potselueva D. S. Treasures mined in the sands. 114 years of research into the legacy of Hara-Khoto	34
Поцелуева Д. С. Сокровища, добытые в песках: 114 лет исследований наследия Хара-Хото	34
Шульга Д. П. Возможны ли находки ромейских монет в раннесредневековых памятниках Сибири	35
Титова А. В. Импорт из Китая в материалах памятников раннего железного века на территории Западной Сибири и Алтая	36
Станьева В. В. Народные приметы и гадания в монгурском эпосе «Гэсэр»	36
Ван Цзюньчжэн. Буддизм на побережье Амура в эпоху домонгольской империи	37
Namkha Tsering. “Tales of a Cosmopolitan Traveler”	37
那尕才让. 艺术与视野:根敦群培《智游列国漫记》的图像学价值	38
Денисенко В. Л. Буддийское искусство школы Гандхары на Шелковом пути в эпоху Восточной Хань	38
Войтишек Е. Э., Яо Сун, Рябышев П. Д. Сутра «Ритуал печати бодхисаттвы Гуаньинь» в контексте региональных связей Восточной Азии.....	39
Gao Xing, Cui Mengze. A Study on Ethnic Group Factors, Materiality and the Text Exists in Context in the “Paratexts” of the Tai Tham Script in Southeast Asia	40
高 兴、崔梦泽. 东南亚地区经典傣文手稿“副文本”中的族群因素、材质与情境化研究....	41
Xin Wei. A Study of Medieval Altai Historical Philology: A New Argument on Khitan Large Script “Yuanshuai Zuo Dujian Yin” (元帅左都监印) and “Yuanshuai You Dujian Yin” (元帅右都监印) : To Commemorate the 100 th Anniversary of the Discovery of the Khitan Script by Belgian Priest Louis Kervyn ..	42
辛 蔚. 中世纪阿尔泰历史语文学研究：契丹大字“元帅左都监印”与“元帅右都监印”新证——纪念比利时神父梅岭蕊先生 (Louis Kervyn) 发现契丹文字 100 周年	44

Дмитриев С. В. Термины родства в тангутско-китайском глоссарии «Своевременный перл в ладони» тангутского и китайского языков (1190)	45
Varova E. I. Taoist Palace TAIQING In The Context Of The History Of The City Of Shenyang	45
Сеитов Р. М. Роль конфуцианства в японской колонизации Эдзо в эпоху Токугава	46
Пермякова Е. В. Буракумины в Японии – истоки и их современное положение	46
Мубинов М. А. Специфика ремесла Бухарского эмирата и русско-европейское влияние (в XIX–XX веках)	47
Хэ Сюйхун. Нефритовые сюжеты в древних китайских исторических источниках	47
何旭红. 中国古典文学中的玉石情结	48
 Проблемы новейшей истории и историографии Китая. Российско-китайские отношения Issues in the contemporary history and historiography of China. Sino-Russian relations 中国现当代史和史料研究; 俄罗斯和中国的关系	
Zhang Daokui. The Historical Question and Contemporary Thought about "Where China is Going" in Recent 100 Years	50
张道奎. 近百年来“中国向何处去”的历史之问与当代之思	50
Wang Zhiwei. Being Chinese Online – Discursive (Re)production of Internet-Mediated Chinese National Identity	50
王志威. “中国人在线”——以互联网为媒介的中国国族认同的话语（再）生产	52
Cheng Xiujin. Xinjiang Modern History (1759–1949) in the West: since 1950	54
程秀金. 七十年来西方新疆史研究	54
Глазунов Д. А. Этапы эволюции Синьцзянского производственно-строительного корпуса (вторая половина XX века)	56
Варёнов А. В. Откуда в КНР коллекции средневековой живописи?	57
赵志军. 川藏茶马古道与藏地文学的现代新变	57
Чжан Шицай. Сравнительное исследование проявлений и исторического влияния монгольской правовой системы в период Золотой Орды и династии Юань	58
张世才. 蒙古法律制度在金帐汗国及元朝的表现形态和历史影响比较研究	59
Guo Jiahe. The Translation and Introduction of “The Art of War” in the Russian World: Origin, Evolution and Prospect	60
郭佳贺. 《孙子兵法》在俄语世界的译介：源流、嬗变与前瞻	60
Li Lei. From Moscow to Nanjing —Nanjing writing by Ye Zhaoyan under the influence of Russian literature	61
李 蕾. 从莫斯科到南京—俄罗斯文学影响下叶兆言的南京书写	63
Zhong Zuli. On the epic and folk character of Chinese bottom narrative under the influence of Russian literature — centered on “History of peasant entrepreneurship”, “The Ordinary World” and “A Lifelong Journey” ..	64
钟祖流. 论俄罗斯文学影响下中国底层叙事的史诗性与民间性 —— 以《创业史》《平凡的世界》与《人世间》为中心	65
Nazemtseva E. N. The Russian Diaspora in Xinjiang in modern Russian historiography: achievements, specifics, research problems	66
Наземцева Е. Н. Русская диаспора в Синьцзяне в современной российской историографии: достижения, специфика, проблемы исследований	67
Бармин В. А. О степени влияния контрреволюционного переворота Чан Кайши на характер взаимоотношений Синьцзяна и СССР	68

Карпенко Е. В. Советско-китайский конфликт на КВЖД в 1929 году в освещении газеты «Советская Сибирь»	68
Zhou Qian. Russo-soviet factors in the course of modern and contemporary Chinese history: Taking Guo Moruo's literature and historical materials as an example.....	69
周 倩. 中国现当代历史进程中的俄苏因素——以郭沫若相关文史材料研究为例	70
Kulebyakina D. E. Romanization of Chinese writing in the USSR	72
Кулебякина Д. Е. Латинизация китайской письменности в СССР	72
Hasnulina K. A. Visiting the “elder brother”: everyday life of Chinese trainers in Kharkiv (1957-1958)	73
Wei Jianxun. Analysis of the Characteristics of the China-Russia Partnership.....	74
魏建勋. 中俄伙伴关系的特色分析	74
Чжан Вэй. Перспектива сотрудничества Китая и России в рамках ШОС.....	76
张 伟. 中俄在上海合作组织框架下的合作前景	77
Айтурсун Судан. Рассмотрение китайско-российских отношений под влиянием распространения пандемии COVID-19.....	77
阿依吐松·苏旦. 新冠肺炎疫情影响下中俄关系的检视	79
Хайригуль Нияз. Сотрудничество между Китаем и Россией в области традиционной медицины в контексте «Одного пояса-одного пути» и перспективы развития	81
海里古力·尼牙孜. “一带一路”背景下中国与俄罗斯在传统医学领域的合作及其发展前景....	82
Hou Yu. A study on the role of women’s work in China-Russia relations from the perspective of building a Community with a Shared Future for Mankind	84
侯 钰. 人类命运共同体视角下妇女工作在中俄关系中的作用研究	85
Изучение и преподавание китайского языка. Роль вэньяня	
Teaching and studying Chinese. The role of classical Chinese (Wenyan) learning	
中文教与学研究	87
An Lirong. The role of Classical Chinese in Chinese learning and teaching.....	87
安丽荣. 文言文在汉语学习和讲授中的作用	87
Chen Wei. A Comparative study of language learning standards in surrounding countries of Xinjiang.....	89
陈 魏. 新疆周边国家语言学习标准对比研究	90
Voroshilova V. A. Potential of self-organization during studying Chinese for the professional purpose..	91
Ворошилова В. А. Возможности самоорганизации при изучении китайского языка для профессиональных целей	92
Peng Lemei. The History of Chinese Language teaching at Moscow Institute of Oriental Studies in USSR and its impact.....	92
彭乐梅. 苏联莫斯科东方学学院的汉语教育史及其影响	93
Карманова Е. С. Письмо как объект овладения при обучении школьников китайскому языку	94
Репнякова Н. Н. Переводной метод при обучении китайскому языку студентов-экономистов	96
Платонов В. Н., Азаренко Ю. А. Китайский язык за партой и вне класса: опыт партнерства школы № 112 города Новосибирска с Новосибирским государственным университетом	96
Ван Личжун. Сопоставительный анализ в преподавании китайского языка в российской аудитории	97
Выбойщик А. В. Сравнительные аспекты преподавания китайского языка студентам и группам среднего возраста	98

Елецкая А. С. Способы обеспечения непрерывной рециркуляции изученного материала на примере работы со школьниками	98
Шилова Ю. А. «Дрилл» как один из способов формирования языковых навыков школьников.....	99
Заставенко А. М. Использование информационных технологий на уроках лексики китайского языка.....	99
Ээрбаота Нуэрпулати. Сравнительный анализ фонетики русского и китайского языков.....	100
叶尔宝塔·努尔普拉提. 俄汉语音对比分析	101
Wang Yingying, Wang Wei. An experimental study on disyllabic neutral tone production of Russian intermediate students	103
王莹莹、王 玮. 俄罗斯中级留学生双音节轻声产出实验研究	103
Zhou Qiqi, Wang Wei. The tone production of Mandarin disyllabic words by intermediate level Russian learners	105
周琪琪、王 玮. 中级水平俄罗斯学生汉语双音节词声调产出浅析	106
熊 芮. 基于 Praat 语音分析软件的国际汉语语音教学研究 ——以越南南北部汉语学习者习得汉语韵母为例	107
张晓静. 汉语教材《华俄合璧》(第六版) 研究	107
Ли Линси. Разработка модели микроуроков по китайской каллиграфии для русскоговорящих... 李灵兮. 面向俄语学习者的中国书法教学微课设计研究	109
Вопросы экономики и политики в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	
Economy and politics within Belt and Road Initiative	
“一带一路”倡议框架下的经济和政治问题	111
Козлов В. А., Коробкова Н. П. Великий Шелковый путь: анатомия упадка.....	111
Матвеев Е. В. Китай и его вызов мировому порядку	112
Селезнёва Н. В. Ледяной Шелковый путь и перспективы его развития	112
Пластун В. Н. Афганистан без войны	113
Wei Xiongsheng. Language Policy and Nation-Building in Kazakhstan.....	113
魏熊生. 哈萨克斯坦的语言政策与民族国家构建	114
Wang Xiaokun. The Economic Cooperation of China's Xinjiang and Asian Countries and Regions under the Framework of Belt and Road Initiative.....	115
王晓坤. “一带一路”倡议框架下中国新疆与中亚国家和地区的经济合作.....	117
Li Yanzhuo. Government-Business Relationship under the BRI: A study on industrial capacity cooperation of Zhejiang firms in Africa.....	119
李妍卓. “一带一路”倡议下的政企关系: 以浙企出海的产能合作实践为例.....	120
Li Ning, Ma Xiaoyun. On Anhui Province's Open Economy Development under the BRI.....	120
Li Jiixin. Research on the development and innovation of silk culture and silk industry in Zhejiang province under the “Belt and Road” Initiative	121
李嘉欣. “一带一路”倡议下浙江省丝绸文化产业发展与创新研究.....	122
Liu Sai. Анализ и исследование предыстории и текущей ситуации экономического сотрудничества между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс и один путь»	123
刘 赛. “一带一路”倡议下中国与俄罗斯经济合作的背景、现状分析研究.....	125

Цяо Цзинвэнь. Фоновый анализ китайско-российского сотрудничества в области сельскохозяйственной торговли в рамках ОПОП	126
乔静雯. “一带一路”框架下中俄农产品贸易合作背景分析.....	127
李 航. 试论二十世纪九十年代以来俄罗斯对中国的军事贸易	129
Лю Мэнци. Анализ нового прогресса в экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и странами в рамках «Пояса и пути»	130
刘梦琪. 浅析中国在“一带一路”框架下与沿线国家在经贸合作方面取得的新进展.....	131
Цяо Ян. Текущая ситуация и проблемы торгового сотрудничества между Китаем и странами вдоль «Пояса и пути»	132
乔 阳. 中国与“一带一路”沿线国家贸易合作现状及存在问题.....	133
Su Xiaoling. Research on the development of logistics industry in Xinjiang under the BRI	134
苏晓玲. “一带一路”倡议下中国新疆物流业发展研究.....	135
Ли Линьэ. Железнодорожная магистраль «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» вливает новую жизненную силу в «Пояс и Путь».....	137
李玲娥. 中吉乌铁路为“一带一路”注入新活力.....	138
Чжан Пэнъянь. Исследование развития выставочной индустрии Синьцзяна в контексте инициативы «Один пояс, один путь».....	140
张鹏燕. “一带一路”背景下新疆会展业发展研究.....	141
Cai Yao. Analysis of the path of the digital economy to contribute to the high-quality development of the "Belt and Road"	142
蔡 尧. 数字经济助力“一带一路”高质量发展的路径探析.....	143

ОТ РЕДАКТОРОВ

Поскольку во многих странах, включая Китай, жесткие ограничения на внешние контакты, связанные с пандемией ковида, сохраняются, то и эту конференцию, как и предыдущую, мы проводим в смешанном, очно-дистанционном режиме. Тем более, что данный способ научного общения доказал свою эффективность, да к тому же позволил существенно увеличить число участников, в первую очередь, зарубежных. В этом году у нас рекордное число представителей Китая (пятьдесят докладов), к которым добавились представители Казахстана, Узбекистана, Венгрии, Германии. Кроме того, прислали свои заявки представители академического и преподавательского сообщества из десяти городов России: Москвы и Санкт-Петербурга, Барнаула, Благовещенска, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Томска, Челябинска и, конечно же, Новосибирска. Всего за два дня работы конференции будут заслушаны 108 докладов и сообщений. Так российские и зарубежные китаеведы дружно отметили 90-летний юбилей одного из столпов отечественной синологии, профессора Михаила Васильевича Крюкова, чему и была посвящена данная конференция.

Не все участники, приславшие заявки, сопроводили их тезисами. В то же время, многие коллеги, в том числе и по просьбе оргкомитета, прислали два варианта своих докладов / тезисов, используя два из трех рабочих языков конференции: русский, китайский и английский. Мы поместили эти варианты рядом друг с другом как отдельные публикации, поскольку они могут охватить разные аудитории.

По итогам двух конференций (2021 и 2022 гг.) будет издан сборник статей; те, кто участвовал в обоих форумах, могут представить два доклада. Текст следует прислать до середины декабря, тогда до конца года мы сможем подготовить оригинал-макет и сдать его в издательский центр НГУ. Поскольку предполагается индексировать сборник в базе данных РИНЦ, то оформлять статьи надо в соответствии с правилами подготовки статей, предлагаемых к публикации в «Вестнике НГУ» (востоковедные выпуски), с которыми можно подробно ознакомиться по адресу: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/Oriental-requirements>.

Ю. А. Азаренко,
директор Института Конфуция ГИ НГУ
С. А. Комиссаров,
профессор Института Конфуция ГИ НГУ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Дорогие коллеги! Разрешите мне обратиться с приветствием к вам, участникам конференции, приславших заявки из разных регионов России, а также из других стран. Особый привет участникам из Китая – великой страны, изучению истории и культуры которой мы посвятили свою жизнь. Современные средства связи позволили объединить более сотни докладчиков. Всем им, решившим представить свои новейшие достижения на конференции, приуроченной к моему скромному юбилею, выражаю свою глубокую признательность!

Желаю нашей конференции заслуженных успехов – интересных докладов, оживленных дискуссий, важных итоговых документов, обладающих как большой научной, так и практической значимостью!

祝大家事业有成、身体健康、生活幸福!

М. В. Крюков

致“丝绸之路：传统与当代”国际会议与会者的欢迎辞

亲爱的各位同仁：

请允许我向你们、所有来自不同国家及俄罗斯不同地区的与会者们致以诚挚的问候！特别的问候送给来自中国的与会者。中国是一个伟大的国家，我们倾注一生心血研究其历史和文化的国家。现代通讯手段使我们一百多名与会者相聚在一起。本届国际会议安排在我的 90 岁生日，我向所有将在本届国际会议上介绍他们最新研究成果的报告人表示最深切的感谢。

祝愿我们的国际会议圆满成功——报告有趣、讨论热烈、形成具有重大学术意义和实践意义的重要成果性文件！

祝大家事业有成、身体健康、生活幸福！

刘克甫 (M. V. Kryukov)

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ: 90 ЛЕТ МИХАИЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КРЮКОВУ

С. А. Комиссаров ¹

В истории отечественной науки профессор Михаил Васильевич Крюков един в трех лицах: он достиг выдающихся результатов как китаевед, как этнограф и как этнограф-китаевед. Впрочем, следует упомянуть и «четвертое лицо» – увлечение археологией Китая, определившееся еще в годы учебы в Пекинском университете, на раскопках Аньяна.

Как китаевед, он освоил историю Китая на всем ее протяжении – от «Исторических записок» Сыма Цяня до миссии генерала Попова. Как этнограф не только организовывал изучение материальной культуры азиатских этносов (жилище, пища), но и анализировал такое вполне метафизическое явление как представление о счастье у разных народов. А как этнограф-китаевед он сначала разобрался в системе родства древних китайцев – в чем никто ни до, ни после него разобраться не мог; а затем проследил этническую историю китайского народа от первых предпосылок этногенеза и вплоть до современного состояния. Что касается археологии, то М. В. Крюков отстаивал представление об автохтонном характере китайского неолита, иной раз в острой полемике с коллегами. И широко использовал археологические материалы для палеоэтнографических реконструкций.

Говоря об огромном вкладе М. В. Крюкова в отечественную синологию, нельзя не вспомнить и о вкладе его близких, сына Василия Михайловича и супруги Хуан Шуин, тем более, что ряд книг они создавали совместно. В. М. Крюков был ведущим в России (и не только) специалистом по иньско-чжоуской эпиграфике, писал глубокие исследования по русской классической литературе. А Хуан Шуин совместно с Т. П. Задоевко создала лучший учебник современного китайского языка. А лучший учебник по древнему китайскому языку она написала совместно с мужем.

Пожелаем же Михаилу Васильевичу творческого долголетия, новых успехов и достижений в науке!

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА А. Х. НИЛУСА ИЗ ФОНДОВ ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. Г. Дацышен ², Дай Цзяньбин ³

В 2015 г. в российской науке произошло эпохальное событие, в свет вышли два тома обобщающего исследования «Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае». Выдающийся российский синолог М. В. Крюков завершил первую часть начатого еще его сыном исследовательского проекта под названием «Документальная история советско-китайских отношений (1917–1929 гг.)». Представленная на суд профессионалов и любителей истории работа, объемом около 1200 страниц текста, богато проиллюстрированных документами, не только вывела на качественно новый уровень степень изученности проблемы, но и стала образцом современного исследования по истории международных отношений. Предваряя исследование, М. В. Крюков указывал: «авторы берут на себя смелость утверждать, что достоверная история раннего этапа взаимоотношений между Советской Россией и Китаем до сих пор еще не написана». И с этим сложно не согласиться, в XX в. М. В. Крюков отмечает, что лишь «окончание холодной войны и нормализация российско-китайских отношений создали условия» для такого полноценного научного исследования, но оно пока не могло состояться из-за ограниченности источниковой базы, доступной для исследователей. Предваряя свою работу, М. В. Крюков пишет:

¹ Канд. ист. наук, доц., проф. каф. востоковедения и НОКЦ «Ин-т Конфуция» Гуманит. ин-та Новосиб. гос. ун-та, ст. науч. сотр. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

² Д-р ист. наук, проф. Сибир. федер. ун-та, г. Красноярск, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН, г. Москва, Россия.

³ Проф. Хэбэйского педагогич. ун-та, г. Шицзячжуан, Китай.

«Достоверная история раннего этапа советской политики в Китае еще не написана. Но авторы этой книги просят читателя не рассматривать ее как попытку восполнить этот пробел. Наша задача гораздо скромнее – мы публикуем свои комментарии к соответствующим источникам и приглашаем желающих принять в дискуссии на эту важную тему». Мы с удовольствием присоединяемся к приглашению выдающегося русского синоведа М. В. Крюкова принять участие в работе по расширению круга источников по истории советско-китайских отношений. Авторы исследования «Весна и осень революционной дипломатии» пишут, что в основу работы положены «четыре категории документов: официальные дипломатические ноты; личную переписку участников; переговорного процесса и его современников; их мемуары и дневники; материалы текущей прессы». Мы предлагаем добавить еще один важный и интересный источник – неопубликованные труды одного из самых известных и авторитетных исследователей КВЖД Е. Х. Нилуса – участника, современника и одновременно исследователя истории советско-китайских отношений. Собранные Е. Х. Нилусом для второго, но так и не опубликованного тома «Исторического обзора КВЖД» документы и материалы сегодня хранятся в архиве Гуверовского института Стенфордского университета США.

**YE. CH. NILUS' DOCUMENTS COLLECTION
FROM HOOVER INSTITUTION ARCHIVES AS A HISTORY
OF SOVIET-CHINESE RELATIONS SOURCE ⁴**

Vladimir G. Datsyshen, Dai Jianbing

2015 marked the milestone in Russian scholarship as the two volumes of synthetic research titled *Spring and Fall of Revolutionary Diplomacy: First Decade of Soviet Policy in China* was published. It became the follow-up to the project known as *History of Soviet-Russian Relations in Documents (1917–1929)* first initiated by the son of the prominent sinologist M. V. Kryukov. Presented to the broad audience, this lavishly illustrated publication of about 1,200 pages set high standards in modern studies of international relations. M. V. Kryukov admonishes in its introduction that “authors take the liberty of contending that true-to-fact history of the early period in relations between Soviet Russia and China has not been described yet.” It is hard to disagree, especially in comparison to his viewpoint that was put forward as recently as in the 20th century: it was only after the Cold War and normalization of Russian-Chinese relations that it made possible to set forth into academic scrutiny with wider accessibility to sources. The attempt made by the authors in the current work is to present their commentary to “everyone who is eager to debate on this important topic.” We are pleased to accept this invitation and would like to expand the scope of suggested sources. Originally, there were used diplomatic notes, private correspondence, documents accompanying negotiation processes, recollections and diaries of their participants, materials from contemporary press. A new, both important and interesting, source might be added from our point of view, that is writings of one of the most well-known and reputable researchers of Chinese Eastern Railway Ye. Ch. Nilus. His yet unpublished works meant to be part of the second volume of *Historical Survey of Chinese Eastern Railway* which remain deposited in the archives of Hoover Institution at Stanford University, USA.

⁴ Перевод ст. преп. каф. английского языка Гуманит. ин-та Новосиб. гос. ун-та А. А. Азаренко.

АКЬЮ В РОССИИ: К 100-ЛЕТИЮ ЗНАМЕНИТОЙ ПОВЕСТИ ЛУ СИНЯ

А. А. Родионов⁵

На 2021–2022 гг. выпадает столетие со времени публикации повести Лу Синя (1881–1936) «Подлинная история Акью» (1921–1922) – одного из наиболее значимых текстов в истории современной китайской литературы. Наряду с признанием в Китае, повесть получила высокую оценку за рубежом, включая и Россию. Среди 407 произведений Лу Синя, переведенных и опубликованных на русском языке, начиная с 1929 г., «Подлинная история Акью» чаще всего переводилась (пять переводов) и издавалась (22 публикации). Каноническим можно считать перевод, подготовленный журналистом-китаеведом В. Н. Роговым (1906–1988), он публиковался 18 раз в период между 1945 и 2016 гг.

Между тем, точность и художественные достоинства перевода В.Н.Рогова являются не единственной причиной забвения иных переводов, в частности, более ранних. К сожалению, в этом просматривается и негативное влияние политики на китаеведение в советский период. Авторы двух первых переводов, опубликованных еще в 1929 г., М. Д. Кокин (1906–1937) и Б. А. Васильев (1899–1937), были признаны врагами народа и расстреляны в 1937 г. Переиздание их переводов было невозможным вплоть до реабилитации. В докладе рассматриваются пять переводов «Подлинной истории Акью» с точки зрения точности и стилистики, а также литературные и исторические обстоятельства, повлиявшие на перевод повести Лу Синя в нашей стране.

AH Q IN RUSSIA: COMMEMORATING CENTENNIAL OF A FAMOUS NOVEL BY LU XUN

Aleksei A. Rodionov
St Petersburg State University, Russia

2021 and 2022 mark a centennial since publication of “The True Story of Ah Q” (1921–1922) by Lu Xun (1881–1936) – one of the most influential texts in modern Chinese literature. At the same time this story was highly praised abroad, and Russia was no exception. Among 407 texts of Lu Xun translated and published in Russian language since 1929 till today “The True Story of Ah Q” is most often translated (5 translations: 1929, 1929, 1938, 1945 and 1955) and most often published (22 editions). The translation made in 1945 by Soviet journalist Vladimir Rogov (1906–1988) gained a status of a canonized version, published 19 times between 1945 and 2016. However, the accuracy and stylistic excellency of Rogov’s version were not the only reasons why other translations were sent to oblivion. Unfortunately, the politics interfered sinology too much in the Soviet times – two earliest translations, published in 1929 by Mikhail Kokin (1906–1937) and Boris Vasiliev (1899–1937), came under ban, after both translators were arrested and shot as “enemies of the people” in 1937. The paper compares the five translations of “The True Story of Ah Q” in terms of accuracy and stylistic features, as well as analyzes the literary and historical circumstances behind the publication of Lu Xun in Russia.

⁵ Канд. филол. наук, доцент, доцент Вост. фак. Санкт-Петербург. гос. ун-та, Россия.

论人类命运共同体共建与新文明开创

傅守祥⁶

在全球化遭遇前所未有的阻力和挑战时，中国发出“人类命运共同体共建”的倡议并以“一带一路”等举措为抓手身体力行。同时，党的十九大明确中国特色社会主义进入“新时代”，意味着中国进入新的更高水平的发展阶段。新时代首先是强调坚持以人民为中心的、长远的联动发展与优良的国内发展，其次是国际间的整体合作与多层次共赢。倡导人类命运共同体共建，是中国扩大开放、深化改革的新突破，它超越种族、文化、国家与意识形态的界限，为思考地球村时代的人类未来、注重整体发展提供了全新视角，为纠正现有文明缺陷、开创新型文明做出有益探索，为全球化调整、人类文明发展提供了中国智慧，体现了包容共进、互鉴共存、造福世界的天下情怀和中国担当。

ON COMMUNITY OF HUMAN DESTINY AND CREATION OF NEW CIVILIZATION

Fu Shouxiang
Xinjiang University, Urumchi, China

While globalization encounters unprecedented resistance and challenges, China advocates to build "Community of Human Destiny" and practice with the "One Belt, One Road" and other measures. Meanwhile, the 19th national congress of the Communist Party of China clearly defines that Chinese characteristics socialism has entered the "new era". It means that China has entered a new and higher level of development. In the "new era", China will have a long-term linkage and excellent domestic development, will have more international cooperation and multi-level win-win. To build "Community of Human Destiny" is beyond the boundaries of race, culture, state and ideology, it is Chinese wisdom to Correct existing globalization defects and creat a new civilization, it also provids a new perspective for thinking about the future of mankind and focuses on overall development.

«ЛЕДЯНОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ

В. Е. Петровский⁷
Академия военных наук, Институт Китая и современной Азии РАН

В условиях антироссийских санкций Запада из-за кризиса вокруг Украины и снижения мировых цен на нефть, Россия и Китай становятся все более близкими стратегическими партнерами, и Арктика, в числе прочих сфер, постепенно превращается для них в арену потенциального долгосрочного сотрудничества. Арктическое сотрудничество России и Китая обладает большим потенциалом, и в системе его приоритетов, особенно в контексте китайской «инициативы пояса и пути» (ИПП), главное место занимает Северный морской путь (СМП). В июне 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ Владимир Путин пришли к договоренности о сотрудничестве по развитию Арктики, строительстве «Ледяного Шелкового пути». Стороны договорились, что это сотрудничество станет важным направлением в рамках сопряжения концепции «Один пояс, один путь» и ЕАЭС.

Россия рассматривает маршрут не столько как коммерческий проект, который должен быть

⁶ 新疆大学教授、博导、天山学者。傅守祥，博士，新疆大学，新疆大学国际问题研究所，新疆大学欧亚研究中心主任，新疆大学丝绸之路经济带研究中心主任，新疆大学“一带一路”研究中心主任，新疆大学“一带一路”研究中心主任。

⁷ Д-р полит. наук, действ. чл. Академии воен. наук, гл. науч. сотр. Ин-та Китая и соврем. Азии РАН.

выгоден в настоящее время, сколько как стратегический, способный стать долгосрочным фактором экономического роста прилегающих территорий. КНР рассматривает Арктику как более короткий и безопасный путь, связывающий материковый Китай с Европой. СМП и Северо-Западный морской проход могут стать важным стратегическим дополнением проекта ИПП, который объединяет «Экономический пояс Шелкового пути» (через Среднюю Азию в Европу), «Морской шелковый путь XXI века» (через Южно-Китайское море в южную часть Тихого океана и Европу), а также ряд других геополитических проектов КНР в Евразии.

В январе 2018 г. была обнародована Белая книга по арктической политике Китая. Как говорится в документе, инициатива «Один пояс – один путь» является важным проектом сотрудничества, предложенным Китаем, он должен принести новые возможности для сторон, заинтересованных в создании «Арктического шелкового пути», устойчивого экономического и социального развития Арктики.

В обозримом будущем главным стимулом для развития «Ледяного пути» в этой части Арктики станут экономические проекты на Севере России. Они предполагают строительство инфраструктуры по линиям «юг–север» для обеспечения освоения прибрежного арктического пространства. Реализация китайских планов будет порождать растущую потребность в дорогах, ведущих к российским арктическим портам.

Все вопросы российско-китайского сотрудничества в Арктике могут быть урегулированы совместными усилиями сторон. Соответствующими полномочными ведомствами двух стран созданы рабочие группы. Идут переговоры по меморандуму о сотрудничестве КНР и РФ в сфере освоения Арктики, который предоставит институциональную базу для дальнейшего развития в этой сфере.

POLAR SILK ROAD AND RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE ARCTIC REGION ⁸

**Vladimir E. Petrovskiy
Academy of Military Science; China and Modern Asia Institute of RAS**

Russia and China are becoming strategic allies amid Western anti-Russian sanctions that Ukrainian crisis and following decline of international oil prices sparked. The Arctic region is a future scope of the long-term partnership where the Northern Sea Route is placed on top. Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin agreed to build Polar Silk Road together and prioritize this engagement in the framework of connection between One Belt, One Road concept and Eurasian Economic Union.

For Russia, it is not so much a commercial project at the present time as an economy booster of adjacent territories in the long run. For China, the Arctic region is the shortest and safest way to link its mainland to Europe. Northern Sea Route and the Northwest Passage should complement Belt and Road Initiative, which by now connects Europe with, for example, the Silk Road Economic Belt via Middle Asia, or Maritime Silk Road via South China Sea and the southern part of Pacific Ocean.

China's Arctic Policy white paper was made public in January 2018. According to the document, One Belt, One Road is the major cooperation project aimed at sustainable economic and social growth of the Arctic region revealing new opportunities for those who are interested in Polar Silk Road.

It is economic projects in the north of Russia that can evolve Polar Silk Road. In order to develop coastal areas, construction of North-South corridors is suggested. As China's plans are implemented, there will be growing demand in routes to follow along for Russian Arctic ports.

All matters of Russian-Chinese cooperation in the Arctic region may be settled mutually. Working groups to deal with them have been created by the entitled authorities. Negotiations on a memorandum of cooperation between China and Russia are underway.

⁸ Перевод ст. преп. каф. английского языка Гуманит. ин-та Новосиб. гос. ун-та А. А. Азаренко.

**СЯНЬБЭЙ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ:
МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М. В. КРЮКОВА**

В. Б. Трубникова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

На протяжении XIX и первой половины XX в. знакомство отечественных исследователей с сяньбэй ограничивалось сведениями из хроник, которые в том момент активно осмыслялись, и поисками лингвистической прародины кочевников. И только с середины XX в. начались попытки выявления непосредственно археологического компонента сяньбэй в рамках двух научных дискуссий: о косах и седлах. Первая – в связи с находками кос в Оглахтинском могильнике и известном названии сяньбэй как племени косоплетов – завершилась признанием своей несостоятельности. Однако в ходе второго диалога в попытках выявить место происхождения ранних стремян в 1984 г. у в «Советской этнографии» была опубликована статья С. И. Вайнштейна в соавторстве с китаистом Михаилом Васильевичем Крюковым. В статье впервые были введены в советский научный оборот археологические данные по сяньбэйскому погребению, этническое определение которого сделали археологи из КНР. Предметы конской упряжи, найденные в Аньяне, считались на тот момент самыми ранними из известных. Открытие для отечественных археологов первого археологического памятника сяньбэй позволило в дальнейшем сменить вектор поиска сяньбэйского археологического компонента с территорий Южной Сибири на Китай непосредственно через привлечение китайских археологических материалов и их переосмысление.

**СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ
АКАДЕМИКА В. И. МОЛОДИНА: ВОСТОЧНЫЙ АСПЕКТ**

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Россия

В. И. Молодин в своих исследованиях огромное внимание уделяет проблемам, связанным с «сейминско-турбинским транскультурным феноменом». Он был выделен в 80-х гг. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых. Исследователи считали, что традиции сейминско-турбинского феномена формировались на территории Рудного Алтая или Забайкалья. В настоящий момент В. И. Молодин связывает происхождение его с территорией Синьцзяна.

Считается, что волна носителей с-т традиций двигалась вверх по Иртышу на север, часть ушла на запад, другая часть направилась на восток. Изделия с-т типа распространяются на большой территории: встречаются крупные могильники периода бронзы и множество единичных находок. Самой насыщенной территорией является – Прииртышье. Бронзолитейное производство зафиксировано у носителей одиновской и кротовской культур. В своей статье про сейминско-турбинские бронзы В. И. Молодин отмечал, что изделия одиновской культуры являлись предметом импорта в результате миграций непосредственно от носителей данного транскультурного феномена при их продвижении по Иртышу. Существует еще мнение, что в конце существования одиновской культуры было периодическое проникновение разных групп на территорию своих соседей, а это привело к культурному и технологическому обмену. В свою очередь, бронзолитейное производство кротовской культуры включает в себя традиции одиновской культуры, и производство приобретает ремесленный характер.

Таким образом, В. И. Молодин внес значительный вклад в изучение данной проблематики: расширил представления о историко-культурных процесса, ввел в научный оборот изделия с территории Западной Сибири и частично опубликованные с Китая (частично – из-за языкового барьера), по новому рассмотрел проблему хронологии и территориальных рамок изделий сейминско-турбинского типа.

A MULTIDISCIPLINARY STUDY OF THE PREHISTORIC REMAINS OF THE ANCIENT LOULAN REGION

Liu Xuetao
Xinjiang University, Urumchi, China

The ancient Loulan region, represented by the remains of the Xiaohe culture, has yielded important academic results in multidisciplinary research.

Liu Xuetao's academic group explores the general characteristics, origins and evolution of the Xiaohe culture. They have also studied the primitive beliefs and religious phenomena of the Xiaohe culture people. Wu Xiaohong's academic team has dated 30 samples from the Xiaohe cemetery. Zhou Hui's research group, which sequenced the mitochondrial DNA of 58 human individuals from the Xiaohe cemetery, found that the early Xiaohe populations were groups with an eastern Eurasian ancestry and a western Eurasian ancestry. And that these populations arrived in the Eastern Tianshan region at least 4,000 years ago from eastern and western populations. In recent years, an important breakthrough has been made in the study of ancient DNA surrounding the ancient human corpses of Xiaohe culture. Through analysis of genetic data from the Xiaohe population, genetic anthropologists have found that the early Xiaohe culture population (Stratum IV and V) genetically belonged to an ancient ancestry that was widespread in the Eurasian steppe region. This ancient ancestry of populations, dated to 9,000 years ago, pre-Neolithic or earlier, has been widely distributed in the region and its genetic structure is characterized by a mixture of ancient North Asian and ancient East Asian components. Tang Zhuowei Research Group did morphological and statistical analysis of bone samples from Xiaohe cattle and sheep, and the results showed that Xiaohe cattle and sheep have more phenotypic similarities with European yellow cattle and sheep. Zhou Hui, Xu Yue and Japanese scholar Kamaji Kato have analysed the species and origin of wheat and millet through ancient DNA studies, and their hexaploid wheat first originated in the Near East. The genetic analysis of millet grown in the Xiaohe shows that its genetic structure is identical to that of millet of Chinese origin. Mo Duowen's research team selected two Holocene sedimentary profiles near the Xiaohe cemetery to collect samples for analysis of palaeoenvironmental target. Mei Jianjun's research team examined 14 copper pieces: tin bronze, pure copper, copper lead alloys, copper-tin-arsenic ternary alloys, one pure tin piece was found, and seven were gold and silver alloys. This is the earliest dated example of tin and gold-silver alloys ever found in China. It is of particular importance to the study of early Chinese metallurgical history. Yang Yimin's research team, using proteomics and other approaches, has analysed the residues excavated from the Xiaohe and Gumugou cemeteries. From the test results, it was found that the residual yellowish-brown granular material in the grass basket from Xiaohe cemetery contained bovine casein, which in turn was presumed to be a solid bovine milk product.

古楼兰地区史前遗存的多学科研究

刘学堂
新疆大学历史学院

古楼兰地区，以小河文化为代表的遗存的多学科研究，取得了重要的学术成果。

吴小红的学术团队，对取自小河墓地不同层位的植物种子、动物毛皮等近 30 个样品进行了测年，并结合墓葬所在层们，对这些数据进行了拟合，所得的小河墓地使用年代的结论，其范围在 1950BC~1400BC 间，前后延续 500 年。小河墓地早晚期的分界，大体在 1700BC 前后。克里雅北方墓地所测的 5 个样本，年代的结果为 1880BC-1700BC；采自罗布泊北岸小河文化遗存的 4 个样本测年，年代结果为 2200BC-1880BC。周慧的科研团体，成功获得了小河墓地 58 个人类个体的线粒体 DNA 序列，古 DNA 研究结果表明，小河早期人群是分别带有东部欧亚谱系和西部欧亚谱系的群体，这些人群至少在 4000 年前东西方人群就已到达新疆，进入塔里木盆地塔里木河流域，其基因混合最初发生的地区则可能是在南西伯利亚某地。近年来，围绕着小河古代人类尸体的古 DNA 研究，取得重要突破。通过对小河人群的遗传数据的分析，遗传人类学家发现小河文化早期人群（四五层）在遗传上属于欧亚草原地区广泛存在有一支古老的谱系。这一古老谱系的人群，距今 9000 年的新石器时代前或更早，已经广泛地分布在这一地区，其遗传结构特

征上表现为古北亚成分与古东亚成分的混合型特征。当时，这一区域还不存在以颜那亚人群所代表的欧亚西部草原人群遗传成分的混入现象。距今 5300 年前后，欧亚大陆西侧颜那亚文化为代表的草原牧业人群，从里海-黑海北岸向东扩张，在西西伯利亚地区与当地原居人群发生了混血，形成了以南西伯利亚阿凡纳谢沃文化人群为代表的人群集团。阿凡纳谢沃文化人群的分支，很快进入到阿尔泰山南麓和伊犁河谷，但这支人群并未进入塔里木盆地。汤卓炜科研团体，等对小河牛、羊骨样本做了形态及统计学分析，结果表明小河牛与欧洲黄牛有更多的表型特征相似性。小河文化发现的羊的骸骨，有绵羊和山羊，两者的数量基本接近。蔡大伟科研团队，通过 DNA 分析探讨小河牛的遗传构成及其来源，结果显示小河牛和西部欧亚地区的驯化黄牛非常接近，而与中原黄牛有别。周惠、许月及日本学者加藤镰司等通过古 DNA 研究对小麦、黍的种属及来源做了分析，结果显示小河墓葬丧葬过程中，使用的小麦为普通六倍体小麦。学术界公认，六倍体小麦最早起源于近东地区。小河人群种植的黍，其的基因分析结果则显示其遗传结构特征与中国来源的黍完全一致。莫多闻的科研团队，选择了小河墓地附近两处全新世沉积剖面采集样品，进行了古环境指标分析。初步的研究结果表明：距今 4000 年前小河区域环境较差，认为更多地在这里发现更早的人类活动遗迹的可能性很小；距今 4000 年至 3500 年间，这一区域的湖泊较为发育、风沙相对较弱，较为适宜人类生存活动，正是这一时期，较为密切的古人类在河湖之间的绿洲上生产生活，他们创造了小河文化；距今 3500 年至 2500 年间，孔雀河流域来水减少，气候变得更为干旱，湖泊退化，不太发育，环境也不利于人类活动。正是这一时期，小河文化衰落，走向消失。梅建军的科研团队对 14 件铜片进行检测：结果是其中的 9 件为锡青铜，3 件纯铜，1 件铜-铅合金（含少量砷、锡），1 件铜-锡-砷三元合金。检测的 8 件耳环中，1 件为纯锡器，7 件为金银合金。这是迄今为止，中国境内，发现的年代最早的锡制品和金银合金制品。对中国早期冶金史的研究，具有特殊重要意义。研究发现，小河文化存在的金属器，其工艺皆以锻造成型为主。小河文化金属器的分析结果再次表明，锡青铜在西北早期铜器中的占有主导地位，同时多种金属材料并存，这也可能暗示着小河文化金属器的来源的多样性。杨益民的科研团队，利用蛋白质组学等方法，对小河、古墓沟两墓地出土残留物进行了分析。检测结果发现，小河墓葬中随葬的草窠内，残存的黄褐色颗粒状物，其中含有牛酪蛋白，进而推测这些残留物为固体的牛乳制品；在古墓沟草窠底及内壁上见有片状残留物，检测结果其为液体牛奶的干化遗迹。科研人员对小河墓主人身体周围散置的块状残留物进行分析，结果显示：其中一类乳黄色块状物为除去乳清的牛奶凝结物，个别还掺有山羊奶；还有一类除含有牛酪蛋白外，还含有乳酸杆菌、酵母等微生物，推测是一种发酵后的奶酒凝结形成的奶酪（开菲尔奶酪）。史前人类食谱研究，是近年来科技考古领域，备受科技考古界重视的课题。杨益民的科研团队，选取小河、古墓沟、克里雅北方墓地部分干尸的头发为标本，进行了碳、氮稳定同位素的分析。分析的结果显示，小河人群食谱中的主食，主要是位于 C3 植物（小麦）的食物链上，大量发现的 C4 类即黍（小米）的食用比例似乎很低；而克里雅北方墓地居民食谱中则含有相当多的 C4 植物，该墓地草窠中也发现由黍和普通小麦粉碎后混合加工制作而成的点心食品；古墓沟样品中氮同位素很高，暗示当地居民还存在对鱼的食用。小河出土大量羊毛服饰，毛纤维颜色有红、黄、黑、棕色。刘剑等采用高效液相色谱质谱联用技术检测，结果显示红色为茜草染色，其他为羊毛本色。

THE COMMUNICATION PATTERNS OF PREHISTORIC PEOPLE ON THE EASTERN TIANSHAN MOUNTAINS FROM THE PERSPECTIVE OF TOMBS

Renaguli Yusufu
School of History, Xinjiang University, Urumchi, China

The East Tianshan area of Xinjiang is rich in prehistoric burial remains, ranging from the earliest known Tianshanbeilu Cemetery (about 2000 BC), to the Yanghai cemetery (Phase IV) around 100 BC and the Heigoliang

Cemetery, Dongheigou Cemetery, and the Hanqigou Cemetery have developed continuously for nearly 2,000 years. From the earliest period when people were mainly relied on agricultural, supplemented by hunting, animal husbandry and gathering, through to the injection of early pastoral nomadic culture around 1300 BC, the development of prehistoric burials in the East Tianshan Mountains area showed a diversity of cultural aspects, which reflect the social development model was of harmonious coexistence, exchange and integration between different population.

Based on the basis of the original data of prehistoric tombs in the East Tianshan region and previous research, combined with the excavation report of "Xinjiang Yanghai Cemetery" and "Xinjiang Baiqier Cemetery", this paper uses archaeological stratigraphy and typology to refine the prehistoric staging of tombs in the East Tianshan area, and enriches the original staging system of tombs. The method of cultural factors was used to summarize and sort out the crowd communication reflected in the prehistoric tombs in the Eastern Tianshan region.

The first phase is 2000 BC-1300 BC, prehistoric burials began to appear in the area, they are only distributed in Hami basin, Balikun basin and in the southern foothills of the eastern Tianshan Mountains. During this period, the tombs were influenced by the Machang culture and the Xichengyi culture in Hexi Corridor, and the physical characteristics of the people in the tombs were closer to the residents of the Ganqing area.

The second phase is 1300BC-500 BC, the prehistoric burial in the area entered a period of development, it is abundant in Tuha Basin, Balikun-Yiwu Basin and the east Tianshan piedmont are distributed. In this period, the tombs were influenced by Siba culture, Xindian culture and Cayue culture. At the same time, the people in the northern and southern foothills of the Eastern Tianshan Mountains began to communicate mainly, with a small movement of early nomads, and the physical characteristics of the people also showed the characteristics of the integration between the Mongolian race and the Europa race.

In the third stage, from 500 to 100 BC, the number of prehistoric tombs in this area decreased compared with that in the early stage, and only distributed in the Balikun-Yiwu Basin and Turpan Basin. In this period, the pottery in the tombs was influenced by the Tang Wang pottery and a small amount of Xiaohe culture, while the bronze ware type and decoration were influenced by the factors of northern bronze culture, Eurasian steppe bronze culture and early nomadic culture. People are more directly affected by external factors.

From the three stages of the development of the prehistoric tombs in the Eastern Tianshan Mountains, the the people's communication showed a "stable" trend from 2000BC to 1300 BC, and they had relatively close contacts with the prehistoric people in the Hexi Corridor. From 1300 BC to 500 BC, the communication of people showed a trend of "fusion", mainly between the northern and southern foothill basins of the Eastern Tianshan Mountains, and a small number of foreign people flowed. From 500 BC to 100 BC, the communication of people in the southern foothill of the Eastern Tianshan Mountains showed a trend of "harmony", and the communication of people in the northern foothill of the Eastern Tianshan Mountains was dominated by "harmony" mode, and a small-scale "conquest" mode appeared.

Throughout 2000 years of east Tianshan Mountain region of prehistoric human interaction model, from the early communication between material heritage, to represented by customs to the communication between the spirit of heritage, to race the communication on genetics, enough to see east Tianshan area harmonious coexistence between the prehistoric society people, communication and fusion of social development mode.

从墓葬看东天山地区史前人群的交往模式

热娜古丽·玉素甫

新疆大学历史学院

新疆东天山地区拥有丰富的史前墓葬遗存，由目前已知年代最早的天山北路墓地（约公元前 2000 年），至公元前 100 年左右的洋海墓地（四期）及黑沟梁墓地、东黑沟墓地、寒气沟墓地等，前后连续性发展近 2000 年之久。从最早生业结构以农业为主，狩猎、畜牧、采集为辅的人群，至公元前 1300 年左右早期游牧文化的注入其中，东天山地区的史前墓葬发展开始呈现出多元化、多样性的文化面貌，反映了不同人群之间和谐共生、交流融合的社会发展模式。

本文在东天山地区史前墓葬原始资料和前人研究的基础上，结合《新疆洋海墓地》和《新疆拜其尔墓地》发掘报告的分期，运用考古地层学和类型学进而完善东天山地区的史前墓葬分期，充实了原本的墓葬分期体系。并运用文化因素法，归纳梳理出东天山地区史前墓葬所反映的人群交往情况。

第一阶段为公元前 2000 年-公元前 1300 年，该地区史前墓葬开始出现，墓葬仅分布在哈密

盆地、巴里坤盆地以及东天山南麓山前地带，这一时期的墓葬受到了河西走廊的马厂文化和西城驿文化的影响，同时墓葬人群的体质特征同甘青地区居民更为接近。

第二阶段公元前 1300 年-公元前 500 年，该地区史前墓葬进入发展期，数量较多，在吐哈盆地、巴里坤-伊吾盆地以及东天山山前地带均有分布；这一时期的墓葬受到了四坝文化、辛店文化和卡约文化因素的影响，同时开始出现东天山南北两麓区域内的人群交流为主，有少量早期游牧人群的流动，并在人群体质特征上也表现出蒙古人种与欧罗巴人种间融合的特征。

第三阶段公元前 500 年-公元前 100 年，该地区史前墓葬数量较前期有所减少，且仅分布在巴里坤-伊吾盆地和吐鲁番盆地。这一时期的墓葬内陶器受到了唐汪式陶器因素及少量小河文化的影响，青铜器器型及纹饰则受到北方系青铜器文化、欧亚草原青铜文化以及早期游牧文化因素的影响。人群受到外来因素的影响更为直接。

从东天山地区史前时期墓葬发展的三个阶段来看，公元前 2000 年-公元前 1300 年，人群的交往体现出“稳定”的趋势，同河西走廊史前人群有着较为密切的往来；公元前 1300 年-公元前 500 年，人群的交往体现出“融合”的趋势，以东天山南北两麓盆地之间的人群交流为主，且有少量外来人群的流动；公元前 500 年-公元前 100 年，东天山南麓区域人群的交往体现出“和谐”的趋势，东天山北麓区域人群的交往以“和谐”模式为主，并出现了小规模“征服”的模式。纵观历时 2000 年之久的东天山地区史前人类的交往模式，从早期的物质遗存之间的交流，到以风俗习惯为代表的精神遗存之间的交流，再到人种遗传学上的交流，足以见得东天山地区史前社会人群之间和谐共生、交流融合的社会发展模式。

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ПЕРИОДА ЧУНЬЦЮ (771–453) В СОЧИНЕНИИ ЧУНЬЦЮ ЦЗОЧЖУАНЬ (ГЛ. 1-8): ВОЕННАЯ СФЕРА

М. Ю. Ульянов

Ин-т стран Азии и Африки МГУ, г. Москва, Россия

В докладе подводятся промежуточные итоги изучения особенностей содержания важнейшего источника по истории Древнего Китая периода Чуньцю (771–453) – «Комментария господина Цзо к “Веснам и осеням”». В частности, рассматриваются те исторические реалии, которые имеют отношение к военной сфере (в основном на примере царств Цинь, Чу и Цзинь): описываются мероприятия, связанные с подготовкой войска к походу, рассматриваются сохранившиеся в памятнике тексты указов о сборе войска и назначениях командующих, говорится о подразделениях различных родов войск и о вспомогательных службах (плотники и проч.), а также о перемещениях войск до и после ведения боевых действий.

考古所见汉至南北朝时期中国的西南边疆

方笑天

北京大学考古文博学院

云南、贵州地区是中国秦汉以来的西南边疆。这里与我国西藏、新疆、青海、甘肃、内蒙西部一起，构成了中原的西部屏障。正如童恩正先生在四十年前就敏锐指出的，青藏高原东北部的祁连、贺兰、阴山、大兴安岭一组山脉，西南部的横断山脉这“一北一南的两列山峰及其邻近的高地，在地理上如同一双有力的臂膀，屏蔽着祖国的腹心地区——黄河中下游和长江中下游肥沃的平原和盆地；在文化上，这一地带则自有其渊源，带有显著的特色，构成了古代华夏文明的边缘地带”。只有将西南地区放在古代华夏文明的边缘-中心互动这一结构关系之中，才能深入阐释它的文化性质以及在中国历史中的地位。不过，童先生的论述侧重于“半月形文化带”的文化相似性，它们如何与中原地区共同形成统一的多民族国家结构，有待进一步深化，而汉晋时期，正是其中的关键阶段。

秦汉以前，云贵地区地方政权林立，留下了丰富灿烂的青铜文化。汉武帝开西南夷，将之纳入王朝版图，但采取的是较为优容的管理方法，行政上将郡县管辖与以滇、夜郎等王羁縻两套制度并行，文化上对当地的文化传统不强行干涉。在目前的考古学发现中，西汉时期滇、夜郎等文化墓葬排布有序、规模宏大、器物精美，而汉文化墓葬主要见于区域边缘，如北部的昭鲁盆地、南部的个旧等地，与控制西南夷地区的主要根据地成都、宜宾，以及两广的关系密切，且在等级规模上缺少大中型墓葬，器物组合及序列也并不完整。

东汉时期，本地的考古学文化面貌产生较为剧烈的变化，此前繁盛的青铜文化基本不见，小砖墓及陶俑、模型器等典型汉式器物在各地频繁发现，其中不乏精美器物出土。蜀郡业已成熟繁盛的青铜铸造模式延及昭通地区，使这里成为仅次于蜀郡的青铜铸造产业基地，带有朱提堂狼刻铭的洗等铜器输往全国，在四川、湖南、山东均有发现。无论在政治、经济还是文化上，西南地区均已融入以中原为中心的统一政治体结构之中。

正是在这种基础之上，在通常被视为“分裂”的魏晋南北朝时期，华南的整体发展为西南地区提供了更多的契机，得以出现昭通后海子东晋壁画墓、清镇平坝六朝墓等一系列考古发现。他们所表现出的文化面貌，与西北的敦煌嘉峪关、东北的辽阳等边疆地区的魏晋壁画墓一样，是中央王朝影响力衰落后，其文化在四野的深度保留与发展。这充分表明，即便是在魏晋时期，中原政权虽然影响较弱，但西南地区依然受到来自中心区域文化的深远影响，这种影响为后来隋唐新的大一统局面的形成与发展奠定了文化和认同的基础，也在实践层面为铸牢中华民族共同体意识提供了坚实的考古佐证。

A STUDY ON THE BEHAVIOR PATTERNS WITHIN BRONZE-EARLY IRON AGE POPULATION FROM JIAYI CEMETERY, XINJIANG, CHINA

Wang Anqi^{1,2}, Zhang Quanchao^{2,3}, Zou Ruiqi^{2,3}, Wang Long⁴

¹ School of History, Xinjiang University, Urumqi, China;

² Bioarchaeology Laboratory, Jilin University, Changchun, China;

³ School of Archaeology, Jilin University, Changchun, China;⁴ Turpan Academy, Turpan, China

The Jiayi cemetery is a Bronze-Early Iron Age cemetery belonging to Subeixi culture, located on the Gobi platform 3 kilometers south of Jiayi village, Yar Township, Turpan City, Xinjiang, China. In this study, we combine analysis of Enteseal changes and degenerationoint, intending to discuss the sexual division of labor and social structure within this ancient population.

Previous studies indicated that enteseal changes and degenerationoint are activity-related. The individuals we choose are below their prime (18~35 yrs), observation item including joints, long bones and vertebrae. Enteseal changes are recorded using the new Coimbra method.

Results provide evidence for sexual division of labour in Jiayi ancient population. Compared to female individuals, more male individuals were suffering from osteoarthritis. Enteseal changes also suggest a heavier labor in males.

Combines with the relevant research of paleopathology, the male individuals in Jiayi cemetery might bear heavy physical labor, including grazing, hunting. Women's workplace might near the residences, according to their burial articles, the work could be spinning and weaving. Previous studies inferred that the Jiayi population was mainly engaged in animal husbandry, men provided food while women managed a household, our research support this conclusion.

Turpan Basin is regarded as a critical channel connecting Central Asia and Northern-southern Xinjiang. The population exchange in this area is frequent and complex. However, there are few records before the Han Dynasty. A comprehensive and systematic understanding of the physical characteristics, dietary structure, and health status of the Jiayi population can contribute to the exploration of the life and health history of the prehistoric populations along the Silk Road.

新疆吐鲁番加依墓地青铜—铁器时代人群行为模式研究

王安琦^{1,2}、张全超^{2,3}、邹睿奇^{2,3}、王龙⁴

¹ 新疆大学历史学院, 乌鲁木齐; ² 吉林大学生物考古实验室, 长春

³ 吉林大学考古学院, 长春; ⁴ 吐鲁番学研究院

古代人群内部的行为模式差异是我们了解其社会分工、结构的重要方式。与行为重建有关的议题近来是人类骨骼考古学研究的热点, 一些骨骼上的特征被认为与行为模式有关, 比如起止点变化、关节的退行性改变和长骨横截面的几何形态改变等。本文拟通过新疆吐鲁番加依墓地出土的人类骨骼遗存来探讨该处青铜—铁器时代人群的行为模式。

加依墓地位于吐鲁番市亚尔乡加依村南 3 公里的戈壁台地上, 北距吐鲁番市 6 公里, 是一处苏贝希文化早期的大型墓地, 其年代大致为公元前 10~公元前 2 世纪。2013-2014 年, 吐鲁番学研究院、吐鲁番市文物局、新疆维吾尔自治区文物与考古研究所对墓地进行了联合考古发掘, 共清理墓葬 244 座。墓地以单人葬为主, 兼有少量合葬墓, 墓葬形制主要为竖穴土坑墓, 又可分为椭圆形竖穴土坑墓和方形竖穴土坑墓, 葬式以仰身向上屈肢葬为主, 兼有部分仰身侧屈肢、仰身直肢和侧身屈肢葬。

本文的观察项目选取关节退行性变化和肌腱、韧带起止点改变。关节退行性变化通常与繁重、重复性的体力劳动有关, 为了排除年龄因素的影响, 观察个体的年龄均在壮年期以内 (小于 35 岁)。肌腱、韧带在骨骼上都有相应的附着点, 若遭受长期或者过度的肌肉活动, 附着点处的骨骼表面就会产生不规则、粗糙的斑点, 它们在骨骼中的位置和大小显示了涉及特定肌肉或肌肉群的习惯性活动。根据骨骼附着部位的组织类型可以将附着点分为纤维性附着点和纤维软骨性附着点, 而纤维软骨附着点被认为更能够反映人的行为习惯, 因此, 本文选用对纤维软骨附着点进行分区的科英布拉法进行观察记录。两个项目的主要观察部位为与日常活动关联较大的四肢骨骼和椎骨, 为了探讨的分工, 将数据分为男性组和女性组进行比较。

结果显示, 在关节退行性变化方面, 男性罹患骨关节炎的个体 ($n=21$) 多于女性 ($n=13$), 并且在脊椎的退行性变化 (椎体边缘骨赘、黄韧带骨化) 上较女性严重。肌腱、韧带起止点改变方面, 整体来看, 男性的记分高于女性, 两性之间应当存在分工差异, 但因为两性评分变化趋势基本相同, 这种分工差异可能较多地体现在劳动强度方面; 此外, 男性在右侧肩胛下肌起止点评分较高, 可能较多进行外展的动作, 推测这种行为与射箭和谷物加工有关。

结合古病理学的相关研究, 加依墓地的男性个体应当承担了较为繁重的体力劳动, 其日常活动可能包含了放牧、狩猎等。女性应当多在居住地附近劳动, 虽然男性在椎骨的退行性变化中较女性严重, 但女性在腰椎区域发现了较多压缩性骨折和椎弓峡部裂的状况, 可能与生育和腰部承受较大压力的活动有关。此前的研究根据陪葬品和墓地布局推断: 加依人群以畜牧业为主, 社会整体等级差异较小, 社会紧密度和组织程度较低, 男性多事生产, 女性多主生活。本文的研究亦支持了这种观点。

作为丝绸之路上连接中亚地区以及南北疆的重要通道, 吐鲁番盆地人群交流频繁且复杂, 但汉以前关于此地的记录较少, 往往靠考古材料补充。对该人群的行为模式研究有助于解读该地区史前人群的劳动分工、经济模式和社会结构, 从而进一步复原古代人群的生活图景。

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАБОЧКОВИДНЫХ БЛЯШЕК В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

П. И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Бабочковидные бляшки относятся к поясной фурнитуре, позволяющей решать вопросы датирования и культурной принадлежности. В некоторых работах их появление в Южной Сибири объясняется влиянием Северного Китая [Килуновская, Фролов, 2020]. Однако, анализ поясной фурнитур VII–III вв. до н. э. позволяет утверждать обратное. На территории Тувы полностью прослеживается эволюция накладных бабочковидных бляшек от обойм наборных поясов VII в. до н. э. В Китае этот ранний этап формирования бляшек отсутствует. В культурах маоцингоу, янлан и шацзин (вторая половина VI–III вв. до н. э.) представлены только накладные бляшки, сохранившиеся в некоторых районах до II в. до н. э.

Судя по материалам из Тувы, примерно в первой половине VI в. до н. э. одновременно с традиционными обоймами, на поясах появляются пристегиваемые к поясу накладки с двумя запонковидными выступами на обороте. На лопастях этих блях уже появляются фигуры типа стилизованных хищных птиц, а по центру – спираль в окружности. Тогда же устанавливается и два основных типа формы изделий: бабочковидная и S-образная.

В конце VI–V вв. до н. э. в Южной Сибири и Северном Китае их заменяют нефункциональные накладные бабочковидные бляшки. Обычно они пришивались к поясному ремню тонкими ремешками. По ряду причин в Китае бляшки намного разнообразней по форме и орнаментации, что возможно связано с их длительным использованием до II в. до н. э.

Литература

Килуновская М. Е., Фролов Я. В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // *Вещь в контексте погребального обряда*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2020. С. 126–138. (на рус. яз.)

КОНСТРУКЦИЯ УЗДЫ ИЗ ЧЭМАКЭНА В МЭЙЮАНЬСЖЭУАНЕ ⁹

П. И. Шульга ¹, В. Хорват ²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

² Научно-исследовательский институт истории и культуры Венгрии, г. Будапешт, Венгрия

Реконструкция устройства ранней уздечки лошади во II тыс. до н. э. на территории степной и лесостепной Евразии представляет особую и пока не разрешимую проблему. Образцов уздечек с ремнями и богатой фурнитурой для этого времени не известно. Фактически, уздечные детали раннего этапа в степях представлены только роговыми (костяными) щитковыми псалиями, которые могли использоваться с разными вариантами уздечек [Усачук, 2010, рис. 3–7]. Между тем, в Северном Китае имеются захоронения лошадей XIII–XI вв. до н. э. с уздечками, где бронзовые псалии раннего типа еще использовались с мягкими удилами.

Лучше всего сохранились уздечки с многочисленными бронзовыми деталями в захоронениях колесниц с лошадьми (M40, M41) из Мэйюаньчжуана (около XI в. до н. э.). Ременная основа этих уздечек подобна хорошо изученным уздам в степной Евразии скифского времени. Прослежены суголовные, а также наносный и наносно-подбородный ремни, установлены места крепления бронзовых деталей. Однако, в имеющейся реконструкции допущено много неточностей, в частности, не указаны щечные ремни и подгубный ремень [Цзин Чжунвэй, 2013, рис. 8. 11, 12]. Последний представляет особый интерес. Он крепился к особой рамке внизу псалия.

По всей видимости, посредством этого ремня мягкие псалии притягивались к беззубому участку на нижней челюсти, чтобы лошадь не могла их закусить или разгрызть. Вполне вероятно, что аналогичные подгубные ремни использовались и с имеющими особые отверстия роговыми щитковыми псалиями II тыс. до н. э. в степях Евразии.

⁹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Литература

Усачук А. Н. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Коллективная монография. Екатеринбург; Самара; Донецк. 2010. С. 238–291. (на рус. яз.)

Цзин Чжунвэй. Чоцэ, динчи бяо юйдисянь и гунюань цянь эр цянь цзи чжи цянь сань шицизи чжун си фан юй мацзи бицзяо яньцзю [井中伟。輟策、钉齿镢与镔銜—公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究 // 考古学报 2013 年 第 3 期] Стрекала, псалии с шипами и удила – исследование средств управления лошадей в Китае со второго тысячелетия до н. э. по 3 в. до н. э. // Каогу сюэбао. 2013. Вып. 3. С. 297–324. (на кит. яз.)

ГРОБНИЦА ЖУЖАНЬСКОЙ ПРИНЦЕССЫ ЛИНЬ ХЭ В ДАЧЖУАНЬИН (УЕЗД ЦЫСЯНЬ, ПРОВ. ХЭБЭЙ, КНР)

С. А. Комиссаров^{1,2}, А. И. Соловьев¹, М. А. Кудинова¹
¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,²
Новосибирский государственный университет, Россия

Могила принцессы Линь Хэ была открыта в 1979 г. в уезде Цысянь пров. Хэбэй, в районе городища Ечэн, бывшей столицей нескольких «варварских» государств Из сохранившейся эпитафии и довольно скудных летописных данных мы знаем, что в этой могиле была захоронена жужаньская принцесса Юйцзюлюй Чидилян, дочь последнего кагана жужаней Аньлочэня. В 542 г. ее выдали замуж за Гао Чжана (Гао Даня), сына влиятельного милитариста Гао Хуаня из государства Восточная Вэй. Ей тогда было пять лет, а жениху – восемь [Чжу Цюаньшэн, Тан Чи, 1984]. Это был дипломатический брак, поиск союзников для противостояния усиливающимся тюркам, в первую очередь. Отсюда, думается, и китайское имя принцессы Линь Хэ, которое иногда переводят напрямую как «соседний мир», но, на наш взгляд, в нем можно видеть более точное благожелательное значение – «гармония с соседями». В 550 г., в возрасте 12 или неполных 13 лет она умерла – и в том же году клан Гао отстранил последнего восточно-вэйского императора и создал собственную династию Северная Ци. Поскольку Чидилян умерла за более чем 10 лет до вступления на престол ее супруга (император Учэн-ди правил в период 561–565 гг.), то ее похоронили как принцессу, а не императрицу, но, все равно, весьма роскошно.

Хотя ее могила, так же как и большинство других, была ограблена, но в ней сохранилось свыше 1000 терракотовых статуэток, бытовые вещи и ювелирные изделия, а также большая площадь фресок. Поскольку она жила в клане Гао, который считался китайским (хотя и с бохайскими связями), то в росписи стен преобладают ханьские традиции. Набор погребальной пластики (слуги, воины, придворные дамы, животные) типичен для Северных династий, однако сам процесс формирования этого набора требует специального изучения. В эпоху Наньбэйчао, несмотря на ожесточенные войны, продолжал довольно активно функционировать Великий Шелковый путь, поэтому вполне закономерно появление в репертуаре фигурок верблюдов и их бородатых погонщиков-согдийцев. Привлекают внимание фигуры быков, по поводу которых вспоминается тучный скот, многократно упоминаемый в «Авесте», тем более, что прослеживаются и другие связи с зороастризмом. На сохранившуюся связь с родными кочевьями, по мнению китайских ученых, указывает фигурка танцующего шамана, вероятно, с трещоткой в руках (аналог бубна)

В целом, могила девочки-принцессы может считаться еще одним свидетельством того, как очередные кочевники постепенно растворяются в насыщенном растворе китайской культуры, но при этом вносят в ее состав некоторые новые компоненты.

Литература

Чжу Цюаньшэн, Тан Чи. Хэбэй цысянь дунвэй жужжу гунчжу му фацзюэ цзяньбао [朱全升、汤池。河北磁县东魏茹茹公主墓发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках могилы жужаньской принцессы династии Восточная Вэй в уезде ысянь, пров. Хэбэй // Вэньбу. 1984. № 4. С. 1–9. (на кит. яз.)

МОГИЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПЕРИОДА ВЭЙ И ЗАПАДНОЙ ЦЗИНЬ В ОКРУГЕ ЦЗЮЦЮАНЬ ¹⁰

Е. А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

На рубеже нового тысячелетия китайское правительство запустило проект экономического развития западных районов КНР. Строительные работы на северо-западе Китая в районе функционирования древнего Шелкового пути открыли множество памятников, в особенности, на территории коридора Хэси, горного прохода, тянущегося на протяжении 1000 км на северо-запад от центра провинции Ганьсу.

После падения Хань и начала периода раздробленности часть регионов попала под влияние кочевников, другая же стала более самостоятельной. В рамках исследования привлечены материалы могильных комплексов, датируемых периодами царств Вэй (220–266 гг.) и Западной Цзинь (266–317 гг.) в районе округа Цзюцюань. Могильные сооружения Западной и Восточной Хань представляли собой как могилы аристократии, так и небогатые захоронения воинов и земледельцев, переселенных в эти районы в рамках системы туньтянь, но в новую эпоху начинают появляться гробницы другого типа, отличающиеся большим художественным разнообразием. Общая планировка с длинным дромосом и двумя камерами сохраняется еще с ханьского времени, но в других аспектах наблюдаются изменения: например, фасад в виде сторожевых башен выполнен из расписного и резного кирпича; чжаоби, экран над входом, украшен сочетанием апотропных и мифологических образов; наличие миниатюрной двери как небесных врат тяньмэнь и т. д. Оформление гробниц близ г. Гаотай в 150 км к востоку похоже на найденные в Цзюцюане, однако применяется менее сложная технология (используются высушенные кирпичи вместо обожженных), детали менее проработаны, но общий облик указывает на то, что изначальным ориентиром являлся Цзюцюань. Появление нового типа гробниц могло быть связано с тем, что семьи со средствами и влиянием, спасаясь от войн и восстаний в центральном Китае, начали переезжать в коридор Хэси, где шла перестройка из совокупности военно-земледельческих колоний в относительно самостоятельный регион, в котором земледелие и животноводство дополнялись торговлей, образовывался центр буддизма.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ШЕСТНАДЦАТИ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ В РАЙОНЕ ЛЯОСИ ¹¹

М. А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Эпоха Шестнадцати варварских государств (304–439) – период в китайской истории, когда северные районы страны оказались во власти преимущественно не китайских народов – хунну, цзе, ди, цянов и сяньби, объединенных в традиционной историографии под наименованием у ху – «пять варваров». Известные в настоящее время погребальные памятники этого периода сконцентрированы, в основном, в трех регионах: Ляоси (в зап. части совр. пров. Ляонин), Гуаньчжуне (в центр. части пров. Шэньси) и в Хэсийском коридоре и Турфане (на территории пров. Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района) [Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь, 2022. С. 25–32].

На территории Ляоси в указанный период существовали государства Ранняя Янь (348–370), Поздняя Янь (384–409) и Северная Янь (409–436), из них Ранняя и Поздняя Янь были основаны представителями одного из сяньбийских племен – *мужунами*, во главе Северной Янь стоял китайский (*ханьский*) род Фэн, однако сяньби сохраняли в нем высокий социальный статус.

Важнейшие погребальные памятники «трех Янь» включают: погребение в Юаньтайцзы, погребение 88M1 на могильнике у кирпичного завода в волости Шиэртай, могильник Ламадун, погребения Ли Вэй, Цуй Юя, Фэн Суфу и его супруги. Конструкции и сопроводительный инвентарь этих комплексов весьма разнообразны, что обусловлено их принадлежностью к разным этно-культурным и социальным группам. Могут быть выделены погребения *ханьцев*, *мужунов-сяньби*, *фуэи* (*пуэ*). Причем погребения этнических китайцев (*ханьцев*) (Фэн Суфу и супруги, Цуй Юя) сочетают элементы ханьской и сяньбийской традиций.

¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 22-78-10121).

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>.

Литература

Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь. Миньцзу цзяожун шиесядэ Шилного муцзан [韦正、辛龙、宁琰。民族交融视野下的十六国墓葬 // 中原文物]. Погребения Шестнадцати государств с точки зрения межэтнических переплетений // Чжунъюань вэнь. 2022. № 4. С. 24–37 (на кит. яз.).

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЕСНИЦ НА ПЕТРОГЛИФАХ ДОЛИНЫ ТИМНА (ЮГ ИОРДАНСКОЙ ВПАДИНЫ, ИЗРАИЛЬ) ¹²

Д. В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Долина Тимна располагается на самом юге Иорданской впадины и входит в границы одноименного парка. На территории этой долины сконцентрировано большое количество археологических и геологических памятников. В XII–XIV вв. до н.э. в долине на месте действовал египетский лагерь по производству меди. На расстоянии ок. 0,65 км к северо-востоку от этих медных приисков в 1960 г. Бено Ротенбергом обнаружены петроглифы, называемые «Колесницы». Существует несколько точек зрения по культурной принадлежности этих петроглифов и времени их создания, но, в целом, все исследователи указывают на их связь египетским Новым Царством и/или «Народами моря». Однако, особенности облика этих петроглифов позволяют предположить иную интерпретацию.

На плоскости изображено не менее девяти колесниц, фигуры людей с оружием в руках и на поясе, фигуры горных козлов. Колесницы изображены в плановой проекции с одним или двумя фигурами на платформе. Можно подразделить изображения по количеству и виду деятельности фигур на платформе: 1) одна фигура стреляет из лука; 2) одна фигура поднимает руки вверх; 3) две фигуры поднимают руки вверх; 4) две фигуры – одна фигура погоняет лошадей, вторая поднимает руки вверх; 5) две фигуры – одна фигура стреляет из лука, вторая поднимает руки вверх

Похожие по стилю изображения колесниц были распространены на территории Южной Сибири, Центральной Азии, Монголии, Китая в эпоху бронзы. Схожесть между этими петроглифами и изображениями колесниц из долины Тимна проявляется не только в стилистике изображения самих колесниц, но и в передаче фигур возничих и лучников. Возможно, распространение колесничных сюжетов в петроглифах охватывал несколько большую территорию, чем представлялось ранее.

О СООТНОШЕНИИ «ФЕОДАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЫ» С КОЛИЧЕСТВОМ ПОГРЕБАЕМЫХ КОЛЕСНИЦ (ЭПОХА ЧЖАНЬГО) ¹³

Д. П. Шульга ¹, А. А. Шульга ²

¹ Сибирский институт управления РАНХиГС,

² Центр межкультурной коммуникации, г. Новосибирск, Россия

В ходе дискуссии об универсальности формационного подхода нередко идет указание на наличие в Китае феодальных взаимоотношений. Авторы в целом согласны с подобными оценками. В настоящей работе рассмотрим любопытную особенность погребальной традиции нобилитета Восточной Чжоу.

Одним из наиболее полных и сохранившихся археологических объектов с колесницами и лошадьми середины Чжаньго является могильник Цзюляньдунь (九連墩, городской округ Цзаоян в провинции Хубэй, Китай). Яма с лошадьми и колесницами № 1 (52,7 м на 9,5 м) содержала 33 колесницы и 72 лошади. Одна из колесниц запрягалась шестеркой лошадей. Погребенный по некоторым данным имел статус «дафу» (大夫) [Wan Xiang, 2013. С. 62]. В то же время знаменитый чжуншаньский царь Цо (правил в 327–310 гг. до н. э.), имевший куда более высокий феодальный статус (諸侯), был похоронен всего с десятком колесниц.

Возможно, это указывает на то, что помещение колесниц в погребения в период Чжаньго утратило строгую регламентацию (особенно на северной и южной периферии чжоуского мира) и скорее зависело от

¹² Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

¹³ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX-III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Литература

Wan Xiang. The Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013. 265 p.

TUBO TOMB PLATE PAINTING RESEARCH

Zhao Wenqi

Tibet University, Lhasa, China

What the coffin plate displays is the life scene of the ancient ethnic minorities, which concentrates on the features of the western ethnic groups, the folk customs of the Han nationality in the Central Plains and the current situation of the cultural exchanges of various ethnic groups. The coffin plate paintings found by Guo Limu are mainly famous for the large scenes, rich contents, vivid plots and numerous characters painted on the side panels. There are colorful paintings on all four sides of the three wooden coffins in the two tombs. They all show Tibetan painting's own style and regional characteristics. Xizang "still red" custom origin can be traced back to the Neolithic Age, "still red" crowd that is the so-called "ochre meat" when originated in the central Belly of Tibet, for the tubo region's name, also known as "red face country" གདོང་དམར་གྱི་ཡུལ།. Tubo people call "predatory ChiMian" ཤ་ཟན་ག་དོང་དམར་ཡུལ། called king "ChiMian king" རྒྱུལ་བོ་ག་དོང་དམར་གཞི་རིགས།. This article through to the tubo painted wood residue, white-floored painted figures with misty wood engraving, qinghai wood tubo tombs unearthed in guo 1 coffin board to draw A board, guo in wood tubo tombs unearthed from no. 1 in qinghai coffin plate picture B board of tubo period burial coffin board drawing depth profiling, presents A more distinctly tubo period aristocratic life real scene images. Through the research and comparative analysis of this article, it has a certain true representation of the scene and reference value for further research on the clothing and utensils of the Tubo period, the nomadic "hunting", "tent drinking" and other aspects of life style, cultural connotation and ethnic attributes of The Times.

Key words: Tibetan; coffin plate painting; ocher noodles; hunting; banquet

吐蕃墓葬棺板画考辨

赵文琪

西藏大学

棺板所展示的则是古代少数民族生活场景，集中表现了西部民族的风貌、中原汉族民俗以及各民族文化交流的现状。郭里木发现的棺板画主要以其侧板上所绘的图像场面宏大、内容丰富、情节生动、人物众多而闻名，两座墓三具木棺的四面均有彩绘。均表现出吐蕃绘画的自身的风格和地域特色。西藏“尚红”习俗的起源可追溯到新石器时代，“尚红”的人群即所谓“赭面食肉之种”当起源于西藏中部腹心地带，对于吐蕃地区的称谓，还称“赤面国”གདོང་དམར་གྱི་ཡུལ།。吐蕃人又谓“食肉赤面者”ཤ་ཟན་གདོང་དམར་ཡུལ། 称国王为“赤面种国王”ལྷལ་བོ་གདོང་དམར་གྱི་རིགས།。本文通过对吐蕃残彩绘木片、白地彩绘人物牵马图木版画、青海出土郭里木吐蕃墓葬 1 号棺板画 A 板、青海出土郭里木吐蕃墓葬 1 号棺板画 B 板等吐蕃时期墓葬棺板画的深度剖析，越发清晰地勾勒呈现出一个吐蕃时期贵族生活的真实场景画面。通过该文章的研究对比分析，对吐蕃时期的服饰用具、游牧民族的“狩猎”“帐饮”等生活方式、文化内涵、时代民族属性特征诸多方面都具有一定的情景真实再现与对进一步深入研究的参考意义价值。

THE LAST NATIONAL TREASURE: A PROBE INTO THE CURRENT SITUATION AND DEVELOPMENT OF THE SECURITY WAIST KNIFE

Cai Hongyu
Northwest Minzu University, Lanzhou, China

As a national intangible cultural heritage, Baoan waist Dao is the crystallization of national wisdom. However, today's security waist Dao is facing a difficult situation: the decline of economic benefits, the diversification of market demand, the serious block of market, the lack of inheritance mechanism, poor facilities, etc. The article puts forward constructive suggestions on its development: strengthening the construction of inheritors, canceling some prohibitions through legal channels, awakening the consciousness of national culture, and combining traditional crafts with modern culture.

末落的民族瑰宝：保安腰刀的现状与发展问题的探究

蔡鸿宇
西北民族大学

保安腰刀作为一种国家非物质文化遗产，是民族智慧的结晶。然而，当今的保安腰刀却面临着艰难的局面：经济效益的衰减、市场需求的多样化、销路严重阻滞、缺乏传承机制、设施条件差等。文章对其发展提出建设性意见：加强传承人队伍建设、通过合法途径取消部分禁令、唤醒民族文化自觉意识、传统工艺与现代文化相结合。

异域传习与模件嵌套

——由康业墓石棺床支脚反思北朝晚期粟特人石棺床葬具形式

张鹏
中央美术学院

在北朝粟特（中亚）人的葬具文化中，石棺床为其中最为突出的典型葬具，由于祆教对于污染土地的不洁禁忌，石质葬具作为棺槨的替代，成为了与逝者关系最为密切的葬仪用具，在一系列北朝时期发现的石棺床墓葬中，多数学者着眼于石棺床线刻及浮雕内容的相关研究，而对于葬具图像之外构件与结构研究则似乎稍显不足。

本文以北周康业墓为中心，从石棺床前后支脚在表现上的特殊差异这一细节入手，试探讨其在石棺床榻脚前部使用立狮形象的原因。在中国古代坐具中自战国时期便长期使用由踏脚与壶门构成的箱型床榻，随着魏晋以来坐姿与坐具结构的改良，床榻开始增大加高，并出现在上部增设帷帐的做法，同康业墓围屏中心所展现的士人化的康业形象相互对应。

但与此同时，前方三只狮子所构成的石狮榻脚却呈现出极大的特殊性。左右二狮前腿伸直而后腿蜷曲，且狮鬃呈涡卷状排布，而位于中心的石狮形象虽与两侧略有不同，可见颌首的形象，且其双腿间似乎另有与狮子不同的雕刻元素，隐约可见莲瓣形态。笔者通过文献与历史传统的梳理分析认为狮子形榻脚为兼容丝绸之路上西亚中亚对于狮子座榻基于“娜娜女神”、“重床”等与神明、王权相关意象的文化想象，以及从中亚到汉地佛教传统中出现与主尊下方的狮子台座以及北朝以来出现在墓门处门砧石狮的产物，这些文化意象与形式借鉴为此时可能合作制作粟特（中亚）人葬具的中外工匠提供了可资参考的文化意象与形式语言，使其透过北朝时期艺术的语料库创造出独特的石棺床结构形式。与此同时，其中所蕴含的王族意象与康业本人在墓志中透过诸如“其先康居国王之苗裔也”一类章句所竭力塑造的王族后裔身份不谋而合，其极有可能借助于一个在其自身文化中具有特殊意义而在汉地意义发生解构的文化意象，于围屏所呈现的端坐高榻，褒衣博带之北朝士夫的面貌下，利用口中含币及火盆等元素，在其死亡的现实空间中构筑起关于墓主祆教“天主”与康国王族的身体的往昔记忆，只是这种身份的表达同样

已经经过了汉地图像的过滤，在“逝者的面具”下若隐若现。

与此同时，当我们将视野放置到整个粟特人美术的领域，狮子这一中原未有的形象在粟特人美术中的产生也具有着多维度造型与意义的可能。粟特人商贾生活与集群化迁入催生了其文化归属的复杂性，佛教与祆教作为影响粟特人文化的两大主流从形式到内容方方面面都对其艺术表达皆影响颇深，这种影响发生状态在狮子的表现上也已经颇为复杂。审视康业墓基于形式细节所带来的意义“双重性”之余，更多粟特人墓葬中的有关元素也值得进一步关注。甘肃天水粟特石棺床中，墓葬带有双层的壶门床榻前方嵌入了两只被视为“神犬”的高大异兽，已往学者往往以祆教中用于拔除尸体毒性的“犬视”葬俗来加以解释，笔者通过对犬视仪式采用犬种的分析及犬视仪式需要正视尸体的形式认为其中表现亦有可能并非“神犬”，而是狮一类的异兽，而在同时期的北齐，以大都会博物馆所藏两件石棺床为代表的部分粟特（中亚）人石棺床前档处呈现出将狮子置于壶门，并辅以神人力士、火坛加人首鸟身祭司组合以及联珠纹装饰共同构建的向心的供奉行列。这一形式与同一时期北齐佛教及道教造像底部的供养序列不谋而合，相似的功能位置与相似的图像程序可能导致了图示及元素上的互渗与挪用，狮子也就出现在了于中亚祆教艺术中从未进入的火坛祭祀表现中。德国考古学家马库斯·莫德（Markus Mode）曾提出“两重性图像志”（the two folded iconography）描述祆教中的神灵形象可以存在受不同文化影响的两重面貌，而将其由神灵形象扩大到入华粟特人美术所呈现出的墓葬图像志中更多的元素时，不同宗教与不同文化所催生出的相近图像志也可以出于功能与用途上的相近而互相影响各取所需。目的本位下，图像与其内部元素的所呈现出来的样态个体化而又极富多元，这虽使对粟特人艺术的研究变得艰难，但形象与观念的延展也因此异彩纷呈。

БРОНЗОВЫЕ БАРАБАНЫ ГУАНСИ

Н. Ш. Николаева

Новосибирский государственный университет, Россия

Гуанси-Чжуанский автономный район КНР (ГЧАР; до 1958 г. – пров. Гуанси) — один из основных регионов мира, где отливали и использовали бронзовые барабаны, его называют «родиной бронзовых барабанов». В данном районе проживает немало этнических меньшинств, такие, как чжуан, мяо, дун, шуй и др., в культуре которых эти инструменты играли значительную роль. Большая их коллекция из 300 экз. представлена в собрании Музея национальностей ГЧАР.

В процессе развития в разное время и в разных районах сформировались свои отличительные черты для каждой группы барабанов. По территориальному признаку барабаны Гуанси делятся на две крупные группы: на так называемую группу «двух Гуан» и группу «Дянь-Гуй». Под «двумя Гуан» подразумеваются провинции Гуандун и Гуанси. Гуандун и Гуанси сокращенно называют Юэ (粤), поэтому данная группа также носит название «Юэские барабаны». А группа «Дянь-Гуй» – это барабаны провинций Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, а также Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии.

Далее мы рассмотрим именно юэские барабаны, которые, как правило, массивны и отлиты в наилучшем качестве. Корпус барабана (кадро) исследователи сравнивают с человеческим телом и подразделяют на грудной отдел (*сюн* 胸), поясничный отдел (*яо* 腰) и ножки (*цзу* 足). На тимпане барабана в центре располагается выпуклый орнамент в форме солнца. Лучи длинные и тонкие словно иголки, обычно 8 или 10 лучей. Солнце окружают несколько колец, образующие гало. По краям тимпана часто расположены фигуры лягушек.

Юэские барабаны далее подразделяются на группы А (甲) и В (乙). Барабаны первой категории еще называют «Бэйлю» – по названию местности, где они найдены. У них четко виден отлитый пояс, границы которого обозначены желобом, на корпусе по бокам располагаются ручки округлой формы. Диаметр тимпана (до 100 см) значительно больше диаметра корпуса; в середине у него расположен орнамент в виде солнца с восемью лучами и тремя кольцами вокруг и с фигурками лягушек по сторонам света. Между кольцами имеются орнаменты, где овальные линии символизируют облака, прямые – молнии. Некоторые барабаны этой серии украшены ромбовидными узорами, а также орнаментом в форме волн, монет, сетки и четырехлепестковых цветов.

Барабаны второй категории обнаружены в Линшане (Гуандун), поэтому называются линшаньскими барабанами. Они также массивны. Конструкция их тоже массивна. Орнамент представлен в виде всадников,

зверей, белой цапли, а также облаков и молнии, волн, монет и четырехлепестковых цветов. На тимпане часто расположено шест фигурок лягушек.

На сегодняшний день один из самых больших барабанов из района Бэйлю диаметром в 165 см и весом в 299 кг находится в Музее национальностей ГЧАР. Его еще называют «царем бронзовых барабанов» (铜鼓王) и относят ко времени династии Западная Хань. Китайские ученые считают что его, как и другие барабаны, могли использовать в проведении солярных обрядов местные народы, например, чжуаны [Цзян Тинъюй, 1982].

Литература

Цзян Тинъюй. Тунгу шихуа [蒋廷瑜。铜鼓史话]. Рассказы по истории бронзовых барабанов. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 1982. 143 с. (на кит. яз.)

A STUDY ON THE RAFT CULTURE OF ZHONGWEI

Luo Lingling

Ningxia University, Yinchuan, China

This article focuses on the traditional water in the Yellow River upstream of the loess plateau area of transport – sheepskin raft, from the perspective of ethnology, anthropology, the use of first-hand data field, technique of sheepskin raft, rafts and livelihoods, rafts and flowers, rafts and trade do thick description (thick description or “deep description”) and interpretation. Highlight the interconnections between culture and society and the overall characteristics of culture.

中卫皮筏文化的非遗保护与传承

罗玲玲

宁夏大学

“十四五”规划国家在提出建设黄河流域高质量发展经济区时，更加明确的提出了黄河文化的高质量发展，宁夏又是高质量发展先行区，不论是从国家政策层面，还是自治区发展重点关注层面，黄河文化都是重点。《宁夏回族自治区建设黄河流域生态保护和高质量发展先行区促进条例》中要求县级以上人民政府应当实施黄河文化遗产系统保护工程，建设黄河文化遗产长廊，加强对历史文化名城名镇名村、文物、历史建筑、传统村落以及古灌区等水文化遗产、农耕文化遗产的保护，完善黄河流域非物质文化遗产代表作名录，推进建设传承体验设施，加大对黄河流域非物质文化遗产的保护和传承力度。

羊皮筏子，俗称排子，是黄河上游地区古代先民借助河流发明的一种水上交通工具，用于人员和物资的运输。它由十四个吹得圆鼓鼓的羊皮胎和纵横交错的木框架制作而成，故又名“浑脱”，意为把羊皮囫囵剥下。使筏的筏把式称作“排子匠”，他们不仅是划筏的能手，而且是制筏、

修筏的能工巧匠。羊皮筏子在过去西北传统社会中发挥过不可替代的作用，为西北地区社会经济发展做出过不可磨灭的贡献，因而具有深厚的文化底蕴，成为黄河古老文化的重要组成部分。羊皮筏子是一种特殊的文化现象，具有双重性。一方面，它是一种交通工具和生产工具，具有一定的物质性和作用，另一方面以羊皮筏子为纽带，又牵连出一系列的非物质的制度与文化。

九曲黄河出黑山峡后在宁夏境内拐了个弯，便到了沙坡头区迎水桥镇沙坡头村，因为村里居民多姓童，故又名童家园子。村里的人们除了从事基本的农业生产和劳作之外，多以出门扳筏为主要副业和谋生手段。童家园子保留着较为完整的皮筏文化，1984年之前，人们出行的主要工具依然是羊皮筏子；1984年以后，沙坡头旅游所成立，老年的排子匠不愿抛弃跟随他们几十年的宝贝皮筏，开启了在黄河岸边摆渡游客水上娱乐的旅游项目；每年旅游旺季到来，村里的男人们便喊着豪情万丈的黄河号子，卖力地划动羊皮筏子，让游客尽情领略飘流黄河的惊险，并给他们讲述过去排子匠的种种故事，愉悦游客，也让全村上百户村民因而获得丰厚的旅游产业收入；2012年，羊皮筏子制作技艺被列为自治区非物质文化遗产。

羊皮筏子是黄河文化的重要组成部分，是黄河两岸数代劳动人民与江河搏斗，获取生活、生产资料所凝结的智慧结晶，是人类在特定地域环境影响下，发明的一种用以满足乡村社会生产和生活需要的民间传统水上交通运输工具，是研究地区文化发展的重要项目，有着深厚的文化人类学价值。2012年，羊皮筏子制作技艺被列为自治区非物质文化遗产。从某种意义上说，筏子已成为西北各民族水上交通文化的历史表征，成为黄河古老水文化的一个不可或缺的组成部分，从而，也成为当代人了解西北各族人昔日社会生活状貌的一个独特视角和窗口。对与羊皮筏子相关的各类文化现象进行多视角的综合性整体研究，这对于民族民间文化的保存和发展具有重要的价值和意义：

(1) 经济价值。近代以来，随着西北地区经济市场化的进程，尤其是甘青宁地区的羊毛等畜产品大量出口，而水路的皮筏成为货物东运的主要方式之一。因此，关注皮筏运输成为研究近代宁夏经济尤其是对外贸易的题中之义。

(2) 社会价值。通过对皮筏运输、筏子客群体构成、工作状况的考察，不仅可以再现皮筏运输业的兴起、鼎盛与衰落，洞悉筏子客这一特殊职业群体的生存状态，还可以揭示当时中卫地区的社会生活面貌，进而加深对近代宁夏社会的理解和认识。

(3) 文化价值。筏子客在长期的扳筏生活中积累了宝贵的经验，同时也形成了独特的风俗习惯，对这些内容的考察不仅有助于理解筏子客特有的心理状态和性格特征，还可以折射出当时西北下层民众文化的某些层面。

(4) 现实意义。虽然皮筏作为交通工具已经退出历史舞台，但依然是中卫民俗文化旅游的重要内容，对皮筏从人类学的角度进行考察无疑可以为当今的皮筏旅游彰显历史底蕴和文化内涵。

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА СОГДИЙЦЕВ НА ОСНОВЕ КИТАЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

Ван Ицзин

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Согдийцы были легендарным и загадочным торговым народом в Средние века. Согдийцы были искусны в торговле и играли роль посредников на торговом маршруте Шелкового пути, связывавшем Восток и Запад. В данной работе будут использованы археологические и исторические источники для краткого анализа образа согдийцев в Китае с точки зрения их мысли, искусства и жизни.

Область деятельности согдийцы в основном была сосредоточена в бассейне реки Зарафшан в Центральной Азии, где существовало множество городов-государств, включая Кан, Ань, Ши, Ми, Хэ, Цао, Хуосунь и Уди, согласно «Новой книге Тана». Эти города тоже назывались Девять «фамилий Чжаову».

Согласно документам, найденным в Синьцзяне, согдийцы торговали с Китаем со времен династии Западная Хань. Согдийцы имели высокий уровень развития торговли и путешествовали по всей Центральной Азии и Западным регионам, попадая на Центральную равнину по Шелковому пути. Начиная с династии Северная Вэй, согдийцы устанавливали частые отношения с Китаем. К концу правления Северных династий коммерческое богатство согдийцев распространилось по всему Шелковому пути, и они стали политически активными в качестве местных чиновников. Ко времени правления династий Суй и Тан число согдийцев в Китае резко возросло благодаря усилиям обеих империй вдоль Шелкового пути, и после этого периода согдийцы постепенно установили контакты с людьми из разных регионов.

Дворяне предков, приехавшие в Китай для ведения бизнеса и жизни в Китае, были очень созвучны образовательной философии конфуцианства (например, «образование без дискриминации»). С начала династии Тан, когда Ань Сингуй мигрировала в Чанъань, их «братья, или те, кто мигрировал в Китай, изучали литературу и конфуцианство, а те, кто женился на ученых, стали в некоторой степени причастны к культуре ученых». Все это отражает стремление согдийцев к династии Тан. Растущее число согдийцев, которые проявляли инициативу в изучении конфуцианства. Танские императоры, выступавшие за «открытость и терпимость», также предоставили им возможность продемонстрировать свои таланты и включить лучших людей в национальную систему. Археологические источники также доказывают, что согдийцы находились под влиянием конфуцианской идеологии семьи, жили вместе как клан и хоронились после смерти. Семейное кладбище обнаружено на кладбище фамилии Ши в Гуюане, Нинся.

Исторические записи свидетельствуют о том, что многие из согдийцев уже обосновались в Китае во времена династии Тан. Они принесли с собой традиционную зороастрийскую культуру, которая смешалась с китайской культурой. Зороастрийские художественные стили и моделирование фигур оказали влияние как на китайскую скульптуру, так и на живопись. Художественные особенности зороастрийской живописи сочетались с китайскими навыками. Согласно данным археологов, в гробницах Юй Хуна, Анга и Шицзюня были обнаружены рельефные тисненые расписные каменные позолоченные погребальные предметы в стиле согдийцев. Из ситуации в гробницах, которые были обнаружены, следует, что, хотя погребальная практика согдийцев все еще сохраняла определенную часть зороастрийских верований, изображения путешествий, пиров и охоты, словно, были наиболее представительными и типичными сценами в гробницах согдийцев, за которыми следовали танцы и встречи. Эти изображения должны были быть отражением их обычных жизненных сцен. Судя по форме их гробниц, они соответствуют гробницам народа Хань того же периода. Все они представляют собой земляные захоронения с длинными наклонными погребальными дорожками, а также с множеством Тянь Цзина (внутренний дворик в гробнице) и Гоу Дуна (каменная пещера в гробнице). Все свидетельствует о том, что согдийцы вдали от своей родины смешивали культуру Китая со своей собственной. В отличие от изображений на погребальных предметах Анга, Юй Хуна и Ши Цзюня, в кроватях саркофагов Фу Цзя и Кан Е не используется барельеф, встречающаяся на погребальных предметах согдийцев. Портреты вырезаны с использованием техника линии Инь, которая была найдена в гробницах поздней Северной Ци на горе Манг в Лояне. Линейные гравированные портреты явно унаследовали художественный стиль династии Северная Вэй, а большинство зданий, костюмов и предметов на портретах в саркофаге гробницы Кан Е демонстрируют систему Китая, и лишь немногие изображения связаны с зороастризмом. Согдийцы также принесли в Китай музыку и танцы, характерные для западных регионов Центральной Азии. Со слиянием народов эти искусства были усвоены и воссозданы китайским народом, оставив славную страницу в истории китайского искусства и культуры, и в настоящее время стали важной частью материального культурного наследия Китая.

Обычаи и привычки согдийцев были как традиционными, так и постепенно смешивались с обычаями и привычками китайской цивилизации. Найденные каменные погребальные объекты в основном представляют собой каменные камеры и каменные кровати, которые были созданы, развивались и эволюционировали в Китае. Поэтому предполагается, что каменные погребальные объекты согдийцев в Китае использовали традиционные формы погребальных объектов и не перенимали традиционные погребальные объекты согдийцев в Центральной Азии. Хотя каменные погребальные предметы согдийцев сохранили свое этническое содержание и художественный стиль, различные огненные алтари и ритуальные изображения на погребальных предметах по-прежнему показывают специфические способы поклонения огню. Принятие погребальных обычаев и культурного фона Китая предполагает, что они начали принимать, сознательно или бессознательно, обычаи жизни в Китае.

Из археологических данных ясно, что после переселения на Центральную равнину согдийцы взаимодействовали с людьми из разных регионов, происходило смешение их уникальной культуры с китайской, что вело к ее обогащению и формированию культурного узора из разнообразных элементов.

基于中国考古发现的粟特人形象研究

王艺静
新疆大学外国语学院

粟特人(Sogdiana)是中古时期一个传奇和神秘的商业民族。粟特人善于经商,在“丝绸之路”贸易带上扮演着中间纽带的作用,连接东西方。本文将通过考古资料以及史料,对来华旅居粟特人思想、艺术、生活中的形象特征作简要分析。

粟特人活动范围主要集中在中亚地区的泽拉夫善河(Zerafshan)流域,地区内分布诸多城邦国家,根据《新唐书》所记,包括康国、安国、石国、史国、米国、何国、曹国、火寻与戊地等城邦国家,即昭武九姓国。据新疆出土文书记载,自西汉时期起粟特人就与中原往来贸易。(司晓洁,2018)粟特人商业发展水平较高,足迹遍布中亚和西域,沿着丝绸之路进入中原地区。从北魏始,粟特便与中国建立了频繁的往来关系。北朝末年,因商业致富的粟特人已遍布丝绸之路沿线各地,并开始活跃于政治舞台成为地方官员。至隋唐,由于两个帝国对丝绸之路的着力经营,此期,粟特人在华数量猛增,在此之后,粟特人逐渐与各个地区的人建立联系。(冯敏,2018)

来华经商旅居的粟特贵族对儒家文化中的教育理念,颇为认同(如“有教无类”)。唐初安兴贵一支徙居长安开始,其“从兄弟,或徙居京华,习文儒,与士人通婚者,稍染士风”,无不体现着当时粟特人对唐朝的向往,越来越多的粟特人主动学习儒家文化。主张“开放包容”的唐朝统治者,也为他们提供了施展才华的机会,将其优秀人才纳入到国家体系之中。考古资料也可以证明粟特人受到儒家家族思想的影响,生前聚族而居,死后聚族而葬。宁夏固原的粟特史姓人墓地即是一处家族墓地(冯敏,2018)。

史料表明,唐代已有很多粟特人在中原定居。他们带来的传统的祆教文化,与中华文化交流交融。祆教的艺术风格、人物造型对中国的雕塑与绘画都产生了影响,祆教绘画艺术特点与中原技艺相结合。据考古学家发现,虞弘、安伽和史君等墓,都出土了具有粟特风格的浮雕彩绘贴金石葬具,从已经出土的墓葬情况看,粟特人的丧葬习俗虽然还保持有一定的祆教信仰,但出行、宴饮和狩猎图似乎已是粟特人墓葬中最具有代表性和典型性的场面,其次是舞蹈、会见等,这些画面应该是他们平时生活场景的一种反映。从他们的墓葬形制来看,与同时期的汉人墓葬一致,都采用是土葬,带有长斜坡墓道,出现多天井、多过洞的情况,这些都说明远离故土的粟特人将中原文化和自身文化相融合。而与安伽、虞弘、史君墓葬具上的图像不同,傅家、康业墓石棺床没有采用粟特葬具上的浅浮雕,画像采用的是阴线技法,这种阴线刻画像,曾发现于洛阳邙山北齐的晚期墓葬中。线刻画像明显地继承了北魏以来的艺术风格,康业墓石棺床画像中的建筑、服饰、器物大多表现为中原体系,与祆教有关的图像很少。(李瑞哲,2014)粟特人还将中亚西域特色的音乐舞蹈传入中国,随着民族融合这些艺术被中华民族吸收再造,在中国艺术文化史上留下了光辉的一页,现已成为中华物质文化遗产的重要组成部分。(张俊明,2021)

生活方面特征,粟特人的风俗习惯既带着自身的传统,又逐渐与中原文明相融合。现出土的粟特人的石质葬具,多为石堂和石床榻,这两种类型都是在中国产生、发展、演变的,由此推测在华粟特人的石质葬具,是利用了中原传统的葬具形式,没有采用像中亚地区粟特人那样的传统葬具。尽管粟特人的石质葬具保留了民族内容和艺术风格,葬具上的各式各样的火坛与祭祀形象,依旧能看出粟特人崇拜火的具体方式,但从采用中原地区的葬俗和文化背景来看,他们已经开始自觉不自觉地接受中原地区生活习俗。(李瑞哲,2015)

从考古资料来看,粟特人迁入中原地区后,与各个地区的人民交往交流,带来了自己的独特文化,并将自身文化与中华文化相融合,使得中华文化更加丰富多彩,形成了多元一体的文化格局。

参考文献

冯敏。唐代沿“丝绸之路”入华粟特人的文化认同与佛教信仰 // 法音。2017年第2期。第37-44页。DOI:10.16805/j.cnki.11-1671/b.2017.0034.

冯敏。中古时期入华粟特人对儒家思想的接受与认同 // 中华文化论坛。2018 年第 7 期。第 38-46 页。

李瑞哲。对“图像程序”的重新认识——入华粟特人石质葬具图像所表现的共同主题 // 敦煌学辑刊。2015 年第 1(01)期。第 126-134 页。

李瑞哲。入华粟特人石质葬具反映的深刻意义——袄教艺术和中原礼制艺术之间的互动与交融 // 敦煌学辑刊。2014 年第 1 期。第 135-144 页。

司晓洁。北朝至隋入华粟特人墓志研究 // 中原文物。2018 年第 1 期。第 113-118 页。

张俊明。互动与交融：论粟特人融入中华的历史轨迹 // 敦煌学辑刊。2021 年第 4 期。第 188-196 页。

TREASURES MINED IN THE SANDS. 114 YEARS OF RESEARCH INTO THE LEGACY OF HARA-KHOTO

**Dariya Potselueva
St Petersburg, Russia**

P. K. Kozlov's discovery of Hara-Khoto was comparable in importance to that of H. Schliemann, and the city itself became known as Central Asian Troy. Schliemann, and the city itself became known as the Central Asian Troy. The proposed report is divided into three parts. The first part briefly reviews the history of the discovery of the Tangut city of Hara-hoto that sheds light on the cultural research of the White and High (or as it appears in the Chinese chronicles as the Western Xia state), which existed in the 11th-13th centuries in what is now China, and which controlled at that time the Gansu Corridor or Hexi, a chain of narrow hollows between mountain ranges that were part of the Great Silk Road.

The second part of the report traces the history of study of the treasures extracted during the discovery of Hara-Hoto – various objects of art and, of course, texts written in the Tangut language, which initiated the development of a new discipline in Oriental Studies – Tangutology. Analyzing the achievements of both local scholars and foreign researchers, both scholars of Tangut studies and young specialists, the report gradually builds a comprehensive picture of the unique cultural heritage of the Mie people bequeathed by the "Black City" that has been buried for more than 500 years under the sands of the Gobi desert.

The third part of the report is a conclusion, giving examples of the main outcomes of the scholarly activities dedicated to the study of the collected Hara-Khoto treasures. However, as the process of working on collections of Hara-Khoto finds from around the world shows, these outcomes are only an interim result, as more than a century of research does not intend to slow down and, as practice shows, it remains a relevant choice among orientalists today.

СОКРОВИЩА, ДОБЫТЫЕ В ПЕСКАХ: 114 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ НАСЛЕДИЯ ХАРА-ХОТО

**Д. С. Поцелуева
г. Санкт-Петербург, Россия**

Открытие П. К. Козловым Хара-хото было сопоставимо по значимости с открытием Г. Шлимана, а сам город стал известен как центральноазиатская Троя. Предлагаемый доклад делится на три части. В первой кратко рассматривается история открытия тангутского города Хара-хото, проливающего свет на исследование культуры государства Белого и Высокого (или как оно фигурировало в китайских хрониках – государства Западного Ся), существовавшего в XI – XIII вв. на территории современной КНР, и контролирующего в этот период Ганьсуский коридор или Хэси – цепь узких впадин между горными хребтами, являющимися частью Великого шелкового пути.

Во второй части доклада прослеживается история изучения добытых при открытии Хара-хото сокровищ – различных предметов искусства и, конечно, текстов, написанных на тангутском языке, положивших начало развитию новой дисциплины в востоковедении – тангутологии. Анализируя достижения как отечественных ученых, так и зарубежных исследователей, как корифеев тангутоведения, так и молодых специалистов, в докладе поэтапно выстраивается общая картина уникального культурного наследия народа ми,

завещанного нам «черным городом», погребенным под песками пустыни Гоби в течение более 500 лет.

Третья часть доклада представляет собой заключение, в котором приводятся примеры главных итогов научной деятельности, посвященных изучению собранных харахотских сокровищ. Однако, как показывает процесс работы над коллекциями находок из Хара-хото, хранящихся в разных регионах мира, перечисленные итоги являют собой лишь промежуточный результат, ведь более вековое исследование не намерено сбавлять обороты и, как показывает практика, оно остается актуальным выбором среди востоковедов и в наши дни.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ НАХОДКИ РОМЕЙСКИХ МОНЕТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ СИБИРИ ¹⁴

Д. П. Шульга

**Институт археологии и этнографии СО РАН,
Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск, Россия**

Одной из наиболее информативных категорий источников для изучения Великого Шелкового пути являются монеты. Восточная Римская империя, один из мировых экономических центров раннего средневековья, выпускала солиды, имевших хождение вплоть до Монголии [Шульга и др., 2020], северного и даже юго-восточного Китая [Li Qiang, 2005]. При этом в Южной Сибири, которая нередко оказывалась в составе кочевых империй, охватывавших обширные территории Центральной Азии, таких находок до сих пор нет.

С одной стороны, дальнейшие раскопки могут обогатить сибирскую археологию ромейскими нумизматическими артефактами (или их средневековыми копиями). На это указывает обнаружение в Туэкте имитаций персидских серебряных монет [Seregin etc., 2021], которые, наряду с номизмами, имели хождения на ВШП. С другой стороны, маловероятно, что в случае нескольких успешных находок Алтай и прилегающие регионы смогут сравниться с Синьцзяном или районом Гуюаня, где брактеатов «по мотивам» солидов обнаружены десятки. Последнее, естественно, объясняется весьма оживленным характером торговли в Западном Китае.

Тем не менее, элитные погребения знати Тюркского каганата на Алтае или в Восточном Казахстане вполне могут (по аналогии с находками в Монголии) содержать подчеркивающие высокий статус и богатство покойного византийские монеты (или, что более вероятно, их копии, «брактеаты» и «индикации»).

Литература

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research // *Studia Graeca et Latina.* 2005. №51. P. 279–299. (на англ. яз.)

Seregin N., Tishin V., Serov V. «Forgotten» Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2021. № 14 (1). P. 85–97. (на англ. яз.)

Шульга Д. П., Гирченко Е. А., Филатова М. О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* 2020. №2 6. С. 695–701. (на рус. яз.)

¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках проекта № 22-78-10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии».

ИМПОРТ ИЗ КИТАЯ В МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ ¹⁵

А. В. Титова

Новосибирский государственный университет, Россия

В период раннего железного века в Западной Сибири и на Алтае активно развивались культуры скотоводов–кочевников. В это время на данной территории протекали довольно сложные этнокультурные процессы – крупные миграции, смешение разных групп населения, обмен с соседними территориями. Эти процессы отражены в материалах разных культур. Находки так называемого «импорта» говорят о взаимодействии носителей традиций разных культур Западной Сибири и Алтая с населением сопредельных территорий. В данной работе мы рассматриваем китайский импорт в большебереченской, пазырыкской и булан-кобинской культурах на основе опубликованных данных.

В материалах памятников большебереченской культуры китайский импорт представлен зеркалами и монетами [Троицкая, Бородовский, 1994]. К импортным предметам также относятся детали воинского доспеха [Лихачева, 2014].

В материалах пазырыкской культуры встречается довольно обширный набор импортных предметов из Китая. Импортные изделия представлены металлическими зеркалами, предметами из шелка, лаковыми изделиями, в частности, элементами конского снаряжения, имеющими декоративные детали из лакированной кожи, дерева, кости [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013].

В материалах памятников булан-кобинской культуры китайские импортные предметы встречены в виде частей доспеха воина, в частности, пряжками, бляхами и поясом, покрытым лаком. Также импортными изделиями в материалах культуры являются китайские зеркала и лаковые чашечки [Тишкин, 2017].

Таким образом, находки импортных предметов в материалах культур свидетельствуют о контактах населения Западной Сибири и Алтая с Китаем. Принимая во внимание места находок импорта археологами (погребения, богатые захоронения), высказана точка зрения о важной роли импорта для населения рассматриваемых культур.

Литература

Лихачева О. С. Вооружение раннего железного века из комплекса Ближние Елбаны (по материалам Государственного Эрмитажа) // Извест. Алт. гос. ун-та. 2014. № 4–1(84). С. 142–147.

Тишкин А. А. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннско-варварского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Крат. сообщ. Ин-та археологии. 2017. № 247. С. 74–86.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большебереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука»; Сиб. издат. фирма, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В., Сальникова И. В. Погребения с сожжениями могильника Каменный мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: Хак. НИИЯЛИ, 1984. С. 80–97.

Новикова О. Г., Степанова Е. В., Хаврин С. В. Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. С. 112–123.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ И ГАДАНИЯ В МОНГОРСКОМ ЭПОСЕ «ГЭСЭР»

В. В. Станьева

Музей антропологии и этнографии РАН, г. Москва, Россия

Монгорская культура формировалась в постоянном взаимодействии с соседними, а именно тибетской, монгольской и ханьской. Подобное переплетение различных культурных традиций нашло отражение в местной версии эпоса о Гэсэре.

В монгорской версии эпоса «Гэсэр», записанной в уезде Тяньчжу (пров. Ганьсу, КНР), обнаруживаются ситуации осуществления персонажами гадательных практик, а также веры в народные приметы. Последние представлены в эпосе в различных вариантах, которые можно разделить на несколько видов: приметы, связанные с природными явлениями; приметы, связанные с особыми ощущениями человеческого тела; интерпретация вещей снов.

¹⁵ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Как боги, так и простые люди обращаются к трактовке примет для поиска решения важнейших проблем. В основном, в результате интерпретации знамений герои определяют, было ли это явление к счастью или к беде. Трактовке вещих снов также уделяется большое внимание, персонажи анализируют события сна и приходят к выводам, предвестником каких событий был увиденный сон. Современные монголы также зачастую прибегают к народным приметам при принятии решений различной степени важности. Часть примет полностью соответствует современным реалиям монгольского общества, другие же были замечены только в эпосе.

Главной особенностью изложения гадательных практик в эпосе является то, что отсутствуют подробные описания техник проведения гаданий, сообщается только о подготовительных действиях. Тем не менее, они представляются неотъемлемой частью жизни героев эпоса.

Монгольская версия эпоса о Гэсэре из Тяньчжу содержит богатый материал по традиционной культуре монголов, описания некоторых народных примет и указание на активное применение гадательных практик в повседневной жизни. Данные факты позволяют изучать историю распространения и трансформации эпоса в монгольском обществе.

БУДДИЗМ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АМУРА В ЭПОХУ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Ван Цзюньчжэн

**Лаборатория фронтальных исследований Амурского государственного университета,
г. Благовещенск, Россия**

В эпоху Бохайского государства, в культурах этнических популяций (хэйшуй мохэ, амурские чжурчжэни) на побережье Амура, представленных окраинами северных пограничных административно-территориальных регионов государства Бохай, уже появились свидетельства распространения буддизма, но пока еще очень слабые. Это в основном случайные действия мохэсцев или бохайцев в регионе на юге от Приамурья.

Создав собственное государство Цзинь, которая усвоило богатый опыт империй Сун и Ляо, чжурчжэньская элита в короткие сроки создала идеальную систему административно-территориального деления, замыкающуюся на центральное правительство. Как идеология и как феномен культуры, буддизм был поддержан правителями династии Цзинь и принят как аристократией, так и простым народом. Буддийская культура, глубоко укоренившаяся в чжурчжэньском обществе Северо-Восточного Китая и юга российского Приморья, распространяла свое влияние вдоль побережья Амура. Это проявилось в строительстве буддийского храма, популярности ряда украшений, связанных с буддийской эстетикой, а также в распространении обряда кремации.

Судя по сведениям стел Тырского утеса в низовьях Амура, а также данным в отчетах и записках путешественников XIX в., в регионе присутствовали средневековые остатки (такие как пагоды или восьмиугольные каменные столбы), оставленные неаборигенным населением империй Сун и Цзинь и свидетельствующие о возможности распространения буддизма на Нижнем Амуре.

“TALES OF A COSMOPOLITAN TRAVELER”

Namkha Tsering

Department of Fine Arts, College of Art, Tibet University, China

This paper takes the study of East-West cultural exchange and circum-Himalayan art as a perspective, and takes "Tales of a Cosmopolitan Traveler" as a textual clue, pointing out that this text has pioneering significance for the study of Tibetan art history. Gendun Chompel has emphasized that images are as important to the knowledge and understanding of history as written records. In his journey through the Himalayas, he explored the issues related to Buddhist iconography of Gandhara, Mathura and Sarnath from a macroscopic academic perspective. In particular, he has copied the statue of the Buddha turning the wheel of dharma unearthed at the site of Sarnath Remains in India as one of the pictorial evidences of the "Tales of a Cosmopolitan Traveler" and interpreted it accordingly, which is undoubtedly the beginning of the study of Tibetan art in the sense of artistic and archaeological research.

Key words: Gendun Chompel; Tales of a Cosmopolitan Traveler; Buddhist art; Iconography

艺术与视野:根敦群培《智游列国漫记》的图像学价值

那尕才让
西藏大学艺术学院

本文以东西文化交流与环喜马拉雅艺术研究为视角,以《智游列国漫记》为文本线索,指出该文本对于西藏美术史研究具有开拓意义。根敦群培曾强调图像对于过去历史的认知及重要作用不亚于文字记载,他在穿越喜马拉雅的求学道路上,以宏观的学术视野探究印度犍陀罗、秣菟罗、萨尔纳特等佛教图像学的相关问题。尤其将印度鹿野苑遗址出土的佛陀初转法轮造像进行临摹,当作《智游列国漫记》的图像实证之一,并进行相应的解读,无疑是艺术与考古研究意义上的西藏艺术研究的开端。

关键词: 根敦群培;《智游列国漫记》;佛教艺术;图像学

БУДДИЙСКОЕ ИСКУССТВО ШКОЛЫ ГАНДХАРЫ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ В ЭПОХУ ВОСТОЧНОЙ ХАНЬ

В. Л. Денисенко
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Особенности северо-западного региона Южной Азии, как территории, где на протяжении тысячелетий сталкивались и смешивались различные культуры и народы, сказались на синкретическом характере культуры региона. Последовательное смешение греческих, индийских и иранских религий, языков и искусства создало яркий культурный синтез, одним из центров которого по праву считается Гандхара.

Гандхара – древнее название культурного региона, располагавшегося в долине Пешавара и долине реки Сват. На эпоху существования Кушанской империи (I–IV вв.) произошел расцвет искусства Гандхары, непосредственно связанный с развитием буддийской иконографии. Буддийские произведения искусства школы Гандхары, созданные во времена правления кушан, демонстрируют сочетание индийских и греческих элементов, которые значительно повлияли на последующее развитие буддийского искусства в Китае и за его пределами.

В эпоху Восточной Хань буддизм, благодаря торговцам и проповедникам, начал распространяться из Южной Азии в Западный край и далее в Китай по Шелковому пути. Примеров проникновения в позднеханьский Китай множество, в данной работе мы остановимся только на буддийских изделиях в стиле школы Гандхары указанного периода.

В 2021 г. в районе Сяньяна, пров. Шэньси при раскопках погребальных комплексов Чэнжэнь китайскими археологами обнаружены две бронзовые буддийские статуи со следами золочения в характерном гандхарском стиле, датируемые 158 г. н. э. [Жань Ванли, Ли Мин, Чжао Чжанжуй, 2022, с. 82; Яо Чунсинь, 2022, с. 19, рис. 1]. Металлографический анализ показал, что они были местного производства. Это означает, что в Китае во II в. уже были последователи буддизма среди китайского населения. Эти два артефакта являются важным археологическим свидетельством распространения буддизма из Гандхары в Китай в эпоху Восточной Хань.

В бассейне реки Янцзы обнаружены буддийские изображения, являющиеся частью различных изделий: медных зеркал, керамики, подставок. Таковы, например, фрагмент бронзового изделия с фигурой сидящего Будды из скальной гробницы в районе Пэншань городского округа Мэйшань, пров. Сычуань и бронзовая фигура Будды из погребения на могильнике Цаофангоу, в уезде Фэнду, г. Чунцин, датирующиеся II в. [Zang, 2018, рис. 3.1.2, 3.1.3]. Буддийские мотивы периода Восточной Хань явно связаны со стилем школы Гандхары, который процветал именно во времена Кушанской империи.

Таким образом, центральноазиатские народы, а именно кушаны, предстали великими посредниками, которые экспортировали индо-буддийские религиозные и культурные идеалы на восток. Именно искусство школы Гандхара дало импульс для развития буддийского искусства Центральной Азии и Китая. Подражание этим произведениям можно видеть среди памятников Центральной Азии, Китая и всей Юго-Восточной Азии [Фишер, 2001, с. 44–45].

Литература

Фишер Р. Искусство буддизма / Пер. с англ. А. Гусева. М.: Слово, 2001. 223 с. (на рус. яз.)

Chang Yuan Zang (Ven. Zi Hui). The Evolution of Early Chinese Buddha Figures: Dissertation ... for the Degree of Doctor of Philosophy (Buddhist Studies) / Mahachulalongkornrajavidyalaya University. Ayutthaya, 2018. 220 p. (на англ. яз.)

Жань Ваньли, Ли Мин, Чжао Чжаньжуй. Сяньян чэнжэнь муди чуту дунхань цзинь тун фосян яньцзю [冉万里、李明、赵占锐. 咸阳成任墓地出土东汉金铜佛像研究 // 考古与文物]. Исследование восточноханьских бронзовых статуэток будд, найденных на могильнике Чэнжэнь в Сяньяне // Каогу юй вэньу. 2022. № 1. С. 82–94 (на кит. яз.).

Яо Чунсинь. Гуаньюй сяньян чэнжэнь дун хань му чуту цзиньтун фосьяндэ цигэ вэньти [姚崇新. 关于咸阳成任东汉墓出土金铜佛像的几个问题 // 文博学刊]. Несколько вопросов, связанных с находкой восточноханьских бронзовых статуэток будд на могильнике Чэнжэнь в Сяньяне // Вэньбо сюэкань. 2022. № 2. С. 23–31 (на кит. яз.).

СУТРА «РИТУАЛ ПЕЧАТИ БОДХИСАТТВЫ ГУАНЬИНЬ» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Е. Э. Войтишек¹, Яо Сун², П. Д. Рябышев³

¹ Новосибирский государственный университет, Россия

² Переводческое агентство «Бочэнь», г. Далянь, Китай

³ г. Санкт-Петербург, Россия

Сутра «Ритуал печати бодхисаттвы Гуаньинь», условно датируемая 746–774 гг., известна под полным названием «Ритуал Великой печати сострадания и мудрости бодхисаттвы Авалокитешвара / Гуаньинь, [который] охватывает дхармовый мир, приносит пользу всем живым существам, наполняет благоуханием таковость». Эта сутра представляет большой интерес не только при изучении путей распространения раннего буддизма в странах Восточной Азии, но и в контексте адаптации буддийской эзотерической традиции к местным религиозно-магическим практикам.

Одной из таких практик можно считать сакральный ритуал визуализации бодхисаттвы Гуаньинь (观自在菩萨 *Гуаньцзы цзай пуса*) в дыме от ароматической печати (香印 *сяньинь*). В тексте сутры присутствуют схематические изображения крышки курильницы, ароматической дорожки и своеобразного узора в виде облака дыма. На крышке, которая снабжена ручкой в форме жезла-ваджры с навершием в виде лотоса, прорезаны пять слогов мантры, сама ароматическая дорожка выполнена в виде стилизованного письмом *сиддхам* «семенного слога» Гуаньинь (*хрих*). Эти шесть слогов складываются в мантру бодхисаттвы (*ом ва джра дха рма хрих*), которую следовало читать во время прогорания узора. В центре ритуала – Бодхисаттва Великого Сострадания, воплощенная в деталях ароматической печати, имеющей вид курильницы с крышкой.

Сутра «Ритуал печати бодхисаттвы Гуаньинь», входит в сводное 100-томное издание китайских буддийских канонов «Тайсё: Трипитака» (大正新脩大藏經 *кит. Дачжэнь синьсю дацзанцзин*, *яп. Тайсё: синсю: дайдо:кё:*) с обширными комментариями к японским буддийским текстам на камбуне (т. 56–84). За этим изданием закрепилось японское название, поскольку его тексты активно изучались японскими исследователями в начале XX в., в годы Тайсё: (1912–1926), во время правления императора Ёсихито (1879–1926). Сутра помещена в 20-й том «Раздела эзотерических учений» (密教部 *мицзяобу*) из четырех томов (т. 18–21), охватывающих 573 текста, и входит в число «ритуальных текстов Гуаньинь». В примечаниях к сутре указаны позднейшие японские тексты, по которым она известна, – рукопись конца эпохи Хэйан (XII в.), принадлежащая храму Ко:дзандзи (高山寺) близ Киото, и ксилограф 1735 г. японской секты Будзан (豊山) школы Сингон (Школы истинного учения). Переводчиком сутры предположительно значится Амогхаваджра или Букун (705–774) – буддийский ученый-монах, основатель школы тантрического буддизма в Китае, известный интерпретатор буддийских текстов – наряду с Кумарадживой (V в.), Парамартхой (VI в.) и Сюань-цзаном (VII в.). Вероятно, авторами-составителями сутры все же были китайские или японские монахи, «узурпировавшие имя мастера» в силу огромного авторитета Амогхаваджры в буддийской эзотерической традиции.

Вероятно, печать 印 *инь* была важным инструментом – с ее помощью во время ритуала «запечатывали» заклинания «истинного слова», а значения знаков мантры постигали через аромат печати. В связи с этим возможно, что истоки понятия «ароматическая печать» (香印 *сяньинь*) стоит искать в рамках эзотерической традиции китайского буддизма.

A STUDY ON ETHNIC GROUP FACTORS, MATERIALITY AND THE TEXT EXISTS IN CONTEXT IN THE “PARATEXTS” OF THE TAI THAM SCRIPT IN SOUTHEAST ASIA

Gao Xing¹, Cui Mengze²

¹ Faculty of Ethnology and Sociology, Yunnan University, Kunming, China

² Institute of Sinology and East Asian Studies, University of Münster, Germany

The study of Tai and Thai manuscripts is a new research field, which is still underdeveloped, and the study of Tai Tham manuscripts is an important branch.

Tai Tham script (also known as “Tuo Tham” (တို့ထံ) or Dhamma Script) is not only used by Dai Lue (Daizu“傣族”) ethnic group in Sipsòng Panna¹⁶ in far southwest of China, Tai Yuanin northern Thailand¹⁷, Lao Lue in Laos¹⁸, and Tai Khün of Keng Tung¹⁹ and Tai Lue of Mueng Yong in Eastern Shan State in Myanmar, that is, Tai Lue or a branch of Tai people who believe in Theravada Buddhism, but also used by the other branch of Tai ethnic groups, and Bulang or Wa ethnic groups in Menglian, Lincang or Gengma in Yunnan Province in China. These groups also believe in Theravada Buddhism. Tai Tham script derived from the Mon Script, which is used to transcribe Pāli Canon. After conquering Hariphunchai Kingdom founded Mon people, the King Mangrai, who created Lan Na Kingdom. Then he created Lan Na script by drawing on the Mon script. In the 15th century, the Lan Na Kingdom was at the peak of its politics and culture. Theravada Buddhism and Lan Na script were then spread to Keng Tung area in Eastern Myanmar, and were introduced into Sipsòng Panna from Keng Tung ensued. The variants of Lan Na script (the same alphabet system, different fonts) were formed by Tai Khün of Keng Tung and Tai Lue ethnic group in Sipsòng Panna respectively (namely Tai Khün script and Tai Lue script). In Sipsòng Panna, the Tai Lue ethnic group initially used both Tai Tham script and the local original Fak Kham script. Later, Tai Tham script gradually replaced the Fak Kham script and became the main writing form in this region. In the 18th and 19th century, with the forced or voluntary migration of the Tai Lue ethnic group to Eastern Myanmar, northern Thailand, northern Laos and other places, Tai Tham script was gradually used in this wide area, and a large number of Tai Tham manuscripts were produced. Therefore, this large area is also known as the “Tai Tham Script Culture Region”. The Tai Tham Script was first used to transcribe the Pāli Canon, and later expanded to the fields of chronicles, literature, medicine, calendar, etc.

At present, the research on Tai Tham manuscripts mainly focuses on three aspects: digitalization, protection and restoration of Tai Tham manuscripts; Literary or linguistic analysis of the main contents in Tai Tham manuscripts; A study of the “Paratexts” in Tai Tham manuscripts. At present, there is little research on the paratexts in Tai Tham manuscripts. In addition, many researches are mainly concentrated in a single region or a single ethnic group, such as northern Thailand, the distribution area of the Tai Lue ethnic group in Sipsòng Panna, the Tai Khün in Eastern Shan State of Myanmar, and northern Laos. For other regions, there are few comparative studies combining the Tai Tham manuscripts of different ethnic groups. Based on the current research status, this paper proposes the following new research perspectives and contents.

First, combined with the analysis of the Tai Tham manuscripts of different regions and ethnic groups (Tai, Bulang, Wa, etc.) in Southeast Asia, this paper believes that, as far as the research object is concerned, the study of Tai Tham manuscripts needs to first consider the ethnical factors. Because not only the Tai, but also the Bulang, Wa or other Mon-Khmer ethnic groups who believe in Theravada Buddhism also use Tai Tham script (both in religious and secular fields). From 13th century to 20th century, from Assam, India, to Yunnan, China, Shan State, Myanmar, northern Thailand and Laos, and then to Laizhou in Vietnam, many Tai regimes continued to rise and fall. Because of their language and cultural continuity, they were called the “Tai Cultural Area” by many scholars. Since the Tai people held the political power, they dominant in the language and culture of the region after the 13th century, and gradually formed a stereoscopic ethnic distribution pattern that the Tai people lived in lowlands and other ethnic groups lived in groups in high-altitude mountain forests. Therefore, the study of Tai Tham manuscripts should not only focus on the analysis of the Tai people and its social, historical and cultural background, but also pay attention to other ethnic groups and their interaction with Tai.

Secondly, the current researches on the paratexts in Tai Tham manuscripts mainly focuses on palm leaf manuscripts and mulberry manuscripts, while ignoring the fact that a large number of manuscripts with other

¹⁶ Tai Tham script is called Dai Lue script or Laodaiwen 老傣文 (which is used to distinguish it from the new Dai script created in 1954) in Sipsòng Panna (Xishuangbanna Daizu Zizhi Zhou 西双版纳傣族自治州).

¹⁷ Tai Tham script is called Lan Na script in northern Thailand.

¹⁸ Tai Tham script is called Lao Isan script in northern Laos.

¹⁹ Tai Tham script is called Tai Khün script in Keng Tung.

materials as carriers, such as stone, wood, metal sheets, cloth, etc. This made these researches with certain limitations. Manuscript text and the materiality of the text are inextricably linked. The material carriers of different texts have different particularities, and the characteristics of different manuscripts' materials are also different in different historical periods. We need to think about: what direct and indirect effects do the material attributes of the text carrier play in the formation process of the manuscript, and to what extent are they affected by social and psychological factors.

Finally, the paratexts in Tai Tham manuscripts. There are some paratexts around the main text in Tai Tham manuscripts, such as page numbers, commentary, footnotes, critical apparatus, and translation. Tai Tham manuscripts are mainly from village Buddhist temples or private collectors. The paratexts in these manuscripts not only reflect the social background of the manuscripts themselves and their scribes and donors, but also reflect the social, historical and cultural factors closely related to the region where the manuscripts are located. These play an important role in locating time-space information, analysis and understanding of the paratexts and the manuscripts themselves. Therefore, the quantitative or qualitative analysis conducted solely in libraries and museums is also limited to the study of Tai Tham manuscripts. This thesis argues that, for the study of paratexts in Tai Tham manuscripts, in addition to ethnic groups, materials and other factors, it is necessary to integrate the paratexts of the manuscript, fieldwork and the "text exists in context" of oral history — to analyze the social and historical context in which manuscripts are located, that is, we should not only pay attention to the text, but to basically everything that comes with it, which is important for us to understand the content of manuscripts' function, materiality, locating the time and space of the manuscript, and further use and interpretation of the manuscript.

Key words: Tai Tham script; Paratexts; Ethnic group; Text Exists in Context

东南亚地区经典傣文手稿“副文本”中的族群因素、材质与情境化研究

高兴¹、崔梦泽²

¹ 云南大学民族学与社会学学院

² 德国明斯特大学汉学与东亚研究所

傣泰(Tai-Thai)手稿研究是一个新晋的研究领域,目前还处于发展阶段,而经典傣文(Tai Tham Script)手稿的研究是其中重要的一支。

经典傣文(也称“多坦姆”(ᦅᧄᦺᦑᦟᦹᧉ)),不仅是中国西双版纳地区傣泐(Dai Lue)²⁰、泰国北部傣润(Tai Yuan)²¹、老挝老泐(Lao Lue)²²,以及缅甸东掸邦景栋(Keng Tung)²³傣痕(Tai Khün)和勐勇(Mueng Yong)傣泐,即信仰南传佛教的傣泐(Tai Lue)或傣泐支系族群共同使用的文字,也是中国西双版纳、孟连、普洱、临沧及其周边地区同样信仰南传佛教的傣族,以及布朗族、佤族等山地族群使用的文字。经典傣文是一种用于转写巴利语(Pāli)三藏经典的文字,其源自于古孟文(Mon Script)。芒莱(Mangrai)王在征服了孟人建立的哈里奔猜(Hariphunchai)建立兰纳王国后,借鉴孟文创建了兰纳文(Lan Na Script)。15世纪,兰纳王朝处于政治、文化的鼎盛时期,南传佛教、兰纳文随之向周边的景栋地区传播,并从景栋传入西双版纳地区,并在景栋傣痕和西双版纳傣泐族群中分别形成了兰纳文的变体(同一种字母(Alphabet)体系,不同字体),即傣痕文(Tai Khün script)和傣泐文(Tai Lue script)。在西双版纳地区,傣泐族群最初同时使用经典傣文和当地原有的酸角文(Fak Kham),随后,经典傣文则逐渐取代酸角文,成为该区域主要使用的文字形式。18、19世纪随着傣泐族群被动或自主移民到缅甸东部、泰国北部和老挝北部等地,经典傣文也逐渐在这一广泛的区域被使用,且产生了大量的经典傣文手稿,因而这一区域也被称为“经典傣文文化圈”。经典傣文最初被用于转写巴利语三藏经典,后扩展到记事、文学、医学、历法等领域。

²⁰ 经典傣文在西双版纳地区称傣泐文或“老傣文”(区别于1954年创建的新傣文)。

²¹ 经典傣文在泰国北部被称为兰纳文。

²² 经典傣文在老挝北部被称为伊善文(Lao-Isan script)。

²³ 经典傣文在景栋傣痕中被称为傣痕文(Tai Khün script)。

目前对经典傣文手稿的研究主要集中在三个方面：经典傣文手稿的数字化、保护和修复；经典傣文手稿主要内容的文学或语言学分析；经典傣文手稿“副文本”(Paratexts)的研究。目前对于经典傣文手稿“副文本”的研究还很少；其次，现阶段的许多研究往往主要集中在单个区域或单个族群，如主要集中在泰国北部、西双版纳傣泐族群分布地区、缅甸东掸邦傣痕地区以及老挝北部等地，对于其他区域，结合不同族群的经典傣文手稿的比较研究还很少。基于目前的研究现状，本文提出以下新的研究角度和和的内容。

首先，结合对东南亚不同区域、不同族群（傣族、布朗族、佤族）经典傣文手稿的分析，本文认为，就研究对象而言，对经典傣文手稿的研究首先需要考虑族群因素。因不仅傣族族群，信仰南传佛教的布朗族、佤族等孟高棉语系的山地族群同样使用经典傣文。自13世纪至20世纪，从印度阿萨姆到中国云南、缅甸掸邦、泰国北部及老挝北部，再到越南莱州一带，众多傣族政权不断兴亡，因其语言、文化上的连贯性，被许多学者称为“傣文化圈”(Tai Cultural Area)。由于傣族掌握政治权力，13世纪以后傣族在该区域的语言和文化上处于主导地位，且逐渐形成了傣族居于低地，其他族群居于高海拔山地密林的立体族群分布格局。因而，对经典傣文手稿的研究，则不应仅集中在傣泐族群及其社会、历史与文化背景的分析，更应该注意到其他族群及其与傣泐族群的互动关系。

其次，目前对经典傣文手稿“副文本”的研究主要集中在贝叶手稿和棉纸手稿，而忽略了实际上大量存在的其它材质为载体的手稿，如石头、木板、金属片、布料等，具有一定的局限性。手稿文本和文本的物质性是不可分割的，不同文本的物质载体具有不同的特殊性，且不同手稿材质的特性在不同历史时期也呈现出不同。我们需要思考：在手稿的形成过程中，文本载体的物质属性起哪些直接和间接作用，并且多大程度受到社会和心理因素的影响。

最后，手稿的“副文本”内容本身。围绕经典傣文手稿的文本中心有一些“副文本”资料，如页码、评论、脚注、旁注、夹批等。经典傣文手稿主要来自村寨佛寺或私人收藏，这些手稿的“副文本”不仅反映了手稿本身及其抄写者、供养者的社会背景等信息，还反映出与手稿所在区域紧密相关的社会、历史和文化等因素，这些对于“副文本”以及手稿本身的时间、空间定位、分析和理解都起着重要作用。因而，单纯在图书馆和博物馆进行的定量或质性分析，对于经典傣文手稿的研究而言也呈现出局限性。本文认为，对于经典傣文手稿“副文本”的研究，除族群、材质等因素外，需要综合手稿中的“副文本”田野调查和口述史的“情境化”(text exists in context)——手稿所在的社会、历史情境进行分析，也就是说我们不仅要关注文本，还要关注那些伴随文本出现的东西，这对于我们理解手稿的内容、功能、物质特征，定位手稿的时间、空间，以及对手稿的进一步利用和解读均具有重要意义。

关键词： 经典傣文；副文本；族群；情境化

A STUDY OF MEDIEVAL ALTAI HISTORICAL PHILOLOGY: A NEW ARGUMENT ON KHITAN LARGE SCRIPT “YUANSHUAI ZUO DUJIAN YIN” (元帅左都监印) AND “YUANSHUAI YOU DUJIAN YIN” (元帅右都监印) : To Commemorate the 100th Anniversary of the Discovery of the Khitan Script by Belgian Priest Louis Kervyn ²⁴

Xin Wei

Department of Anthropology, Sun Yat-sen University, Guangzhou, China

2022 marks the 100th anniversary of the discovery of the Khitan script in China by Belgian priest Louis Kervyn (梅岭蕊). He discovered the Khitan script in Inner Mongolia at the Tomb site of the Qing Mausoleum (庆陵) of the Liao Dynasty. This event is of great historical significance to both Chinese and foreign Khitan linguists

²⁴ This research was supported by the National Philosophy and Social Science Foundation of China Youth Project “Research on Khitan Civilization and Grassland Silk Road” (契丹文明与草原丝绸之路研究).

and international Altai scholars.

At present, the research situation of “Khitan Large Script” and “Khitan Small Script” in Chinese and foreign academic circles is not balanced, whether in the theoretical level of linguistics or in the practical level of linguistics, “Khitan Large Script” compared with “Khitan Small Script”, its breadth and depth of interpretation is more difficult. So far, the interpretation of “Khitan Large Script” is far less than that of “Khitan Small Script”, so although a very complete written document of “Khitan Large Script” presumed to be in the Western Liao period was found in Russia, the interpretation and textual research of it in Chinese and foreign academic circles is still very limited.

Since the beginning of the new century, we have submitted a conference paper to the second “Medieval Chinese Humanities Conference” sponsored by the Institute of Asian Studies of Leiden University in the Netherlands, in which we put forward the basic concepts and principles of “Medieval Altai Historical Linguistics”. We have invented and established a new way of thinking and a new method, that is, with “Khitan language” as the core, to infer “Khitan characters”. Regarding the relationship between “Khitan language” and “Khitan characters”, we point out: On the level of macro language design, “Khitan Large Script” has the target trend of “whole Scale Characters” (全音节文字), and “Khitan Small Script” has the target trend of “whole phoneme characters” (全音素文字). Therefore, in the level of specific language interpretation, we should not excessively pursue the corresponding relationship between “Khitan Large Script” and “Khitan Small Script”. Instead, we should explore the logical relationship between “Khitan language” and “Khitan characters”, and return to the methods of historical philology and historical comparative linguistics.

2022 marks the 100th anniversary of the discovery of the Khitan script. In the meantime, scholars from the Chinese Academy of Cultural Heritage and Liaoning Provincial Museum sent a photo of a newly discovered Khitan seal. We have found that the characters of this seal are related to the other two seals circulating and recorded in China. These are Mr. Luo Suizu (罗随祖)'s “Yuanshuai Zuo Dujian Yin” (元帅左都监印) and Mr. Shi Shuqing (史树青)'s “Yuanshuai You Dujian Yin” (元帅右都监印). We put these three seals together, and through the writing and interpretation of the characters of these seals, further found that although their character combination and writing method are slightly different, but their text content is closely related.

At the same time, we take this opportunity, on the basis of the predecessors, successful reading out the Khitan Large Script, such as: “marshal” (元帅), “Dujian” (都监), “seal” (印), etc., as well as the long term has not been able to decipher the “left” (左) and “right” (右) and so on the basic vocabulary, analyzes and summarizes the their key problems such as form, sound and meaning. Then successfully decipher the relationship between form, sound and meaning of the Khitan characters used by the three seals.

The discovery and interpretation of these three seals provide a new basis for us to further promote the interpretation of the Khitan Large Script. On this basis, we have further expanded the scope of interpretation by searching all the inscriptions of the Khitan Large Script and made a breakthrough in continuity. For the first time, we have deduced and deciphered many Khitan words and many Chinese words used by the Praetorian guard system of the Khitan Empire. These include the names of certain people, certain official positions, certain proverbs, certain rhymes, and so on. We make a detailed examination and examples of the relationship between shape, sound and meaning of many the Khitan Large Scripts, as well as the grammatical categories reflected by them, especially the scope of application of the Khitan Large Script spelled with Khitan words and the Khitan Large Script spelled with Chinese words. These investigations further promoted the Deciphering of the Khitan Large Script to a deeper and wider level.

Finally, we put forward some new ideas about the methodology of the study of Khitan language and characters. We believe: qidan language is altai languages an important part of the medieval period, certainly must abide by the medieval altai various language of the general law of literature and the general principle of literature, at the same time, the qidan language is also affected by the middle Chinese very profound special ethnic language.

We must be clear, in the article of “Khitan words” including “Khitan Large Script” and “Khitan Small Script” presumption and the process of recovery, “the qidan language” for the same thing, can use language qidan words spelling, can also use language Chinese loanwords vocabulary to spelling, so should not be simply according to the article of qidan including “Khitan Large Script” and “Khitan Small Script” split note values, To reversely infer and reversely recover “Khitan words”. Therefore, we must stick to the method of “Medieval Altaic historical philology”, and take “Khitan language” as the core to infer “Khitan language” We must attach great importance to and pay close attention to, “Qidan language and words” and “The Turkic language family languages and words”, “The Tungus language family languages and words”, “The Mongolian language family languages and words”, of medieval times, and even “The sino-tibetan language family languages and words”, “The Persian-Sogdian language branch languages and words” the relationship between the origin and evolution, And then truly explore the core of the language logic between “Khitan language” and “Khitan words”.

Key words: Khitan Large Script; Epigraphy; Medieval Altai Historical Philology; “Yuanshuai Zuo Dujian Yin” (元帅左都监印); “Yuanshuai You Dujian Yin” (元帅右都监印)

中世纪阿尔泰历史语文学研究：契丹大字“元帅左都监印” 与“元帅右都监印”新证——纪念比利时神父 梅岭蕊先生 (LOUIS KERVYN) 发现契丹文字 100 周年²⁵

辛 蔚
中山大学人类学系

2022 年，是比利时神父梅岭蕊先生 (Louis Kervyn) 在中国内蒙古辽代庆陵地宫遗址发现契丹文字 100 周年，对于中外契丹语言文字学界和国际阿尔泰学界，都具有重要的历史纪念意义。

目前，中外学界对于“契丹大字”和“契丹小字”的研究态势并不平衡，无论是在语文学的理论层面，还是在语文学的实践层面，“契丹大字”较之“契丹小字”，其释读问题的广度和深度，都显得更加困难。迄今为止，由于学界对于“契丹大字”的释读程度远远不及“契丹小字”，因此虽然俄罗斯曾经发现一册推定为西辽时期的非常完整的“契丹大字”写本文献，但是中外学界对它的释读和考证仍然非常有限。

新世纪以来，我们提交荷兰莱顿大学亚洲研究院主办的第二届“中古中国人文会议”的会议论文，提出了“中世纪阿尔泰历史语文学”的基本概念和基本原理，确立了以“契丹语”为核心推定“契丹文”的新的思路和新的方法。对于“契丹语”和“契丹文”的关系问题，同时指出：由于在宏观的语文设计层面，“契丹大字”具有“全音阶文字”的目标趋向，“契丹小字”具有“全音素文字”的目标趋向，因此在具体的语文考释层面，不应过度追求“契丹大字”和“契丹小字”的对应关系，而是应当探索“契丹语”和“契丹文”的语文逻辑关系，重新回到历史语文学和历史比较语言学方法上来。

2022 年，在契丹文字发现 100 周年之际，我们以中国文化遗产研究院的学术同仁交流的一枚新发现的“契丹大字”官印为契机，发现其与中国境内流传和著录的其他两枚“契丹大字”官印印文息息相关，分别为罗随祖先生交流的“元帅左都监印”和史树青先生交流的“元帅右都监印”。我们通过对上述三枚“契丹大字”官印印文的隶定和释读，我们进一步发现，虽然它们的文字组合和文字篆法略有差异，但是它们的文字内容则是密切相关的。与此同时，我们籍此成功释读出“契丹大字”之中，除却“元帅”、“都监”、“之印”等契丹语词汇之外，长期困扰契丹语言文字学界的契丹语“左”和“右”等两个契丹语基本词汇的字形、字音、字义等关键问题，进而实现“契丹大字”元帅左右都监印三种在形音义上的语文学通解。

“契丹大字”元帅左右都监印三种的发现和释读，为我们进一步推进“契丹大字”的释读提供新的基础。我们在此基础之上，通过通检“契丹大字”碑铭语文资料，进一步扩大释读范围，进而取得了连续性的突破。首次推定和考释出，契丹帝国的禁卫系统的众多契丹语词汇和汉语借词词汇，特定的人名词汇和官名词汇，若干谚语和若干韵语，并对众多“契丹大字”的形音义之关系及其所涉语法范畴，特别是“契丹大字”拼写民族语词汇和汉语词汇的适用范围问题，进行了详细的考订和举例，进一步推动了“契丹大字”的释读问题，向更深层次和更广层次的方向发展。

最后，我们对于契丹语言文字的释读方法问题，也提出了新的见解。我们认为：契丹语言文字是中古时期阿尔泰诸语言文字的重要组成部分，理所当然地必须遵守中世纪阿尔泰诸语言文字的一般语文学规律和一般语文学原理，同时契丹语言文字也是受中古汉语影响非常深刻的特殊的民族语言文字。在对“契丹文”包括“契丹大字”和“契丹小字”的推定和复原的过程中，我们必须清楚，“契丹语”对于同一件事物，既可以使用民族语词汇来拼写，也可以使用汉语借词词汇来拼写，因此不应简单地根据“契丹文”包括“契丹大字”和“契丹小字”的拼合音值，去逆向推定和逆向复原“契丹语”，因此必须坚持“中世纪阿尔泰历史语文学”的方法，以“契丹语”为核心推定“契丹文”，高度重视和密切关注契丹语言文字与中古时期的突厥语族语言文字、通古斯语族语言文字、

²⁵ 本项研究成果得到中国国家哲学社会科学基金青年项目“契丹文明与草原丝绸之路研究”的经费资助，谨致谢忱。

蒙古语族语言文字，乃至汉语言文字和波斯-粟特语言文字之间的渊源和演变之关系，进而真正探索“契丹语”与“契丹文”之间的语文逻辑的最核心问题。

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ТАНГУТСКО-КИТАЙСКОМ ГЛОССАРИИ «СВОЕВРЕМЕННЫЙ ПЕРЛ В ЛАДОНИ» ТАНГУТСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ (1190)

С. В. Дмитриев
Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

В наших предыдущих выступлениях на высокочтимой конференции мы уже неоднократно обращались к данным «Перла в ладони» – не только бесценного источника данных по тангутскому языку (именно с этого глоссария, по сути, и началась дешифровка этого языка), но и замечательного путеводителя в тангутскую цивилизацию (одну из самых, пожалуй, ярких цивилизаций Великого шелкового пути), созданного для этой цели самими тангутами. Ранее мы обращали свое внимание прежде всего на разделы глоссария, имеющие отношение к Шелковому пути – то есть к драгоценным (и вообще полезным) ископаемым, благовониям, тканям и т.п. Однако в этот раз мы несколько изменили тематику в пользу более общечеловеческой – поскольку системы родства, как известно, входят в перечень научных интересов М. В. Крюкова, чьему юбилею посвящена эта конференция.

На л. 19 глоссария начинается раздел «Человеческие дела», последний, третий параграф заключительной третьей части глоссария, посвященной человеку (на этот раздел приходится почти половина всего текста памятника). Он начинается с увещания, что родившись человеком, необходимо пестовать в себе добродетели, учиться наукам, а также быть добрым и послушным отцу и матери, а также родственникам – после чего (л. 20 а, б) следует перечисление родни, особенно важной для человека.

Попробуем разобраться, что это за список, и что тангутские термины родства могут сказать нам о самих тангутах. В конце концов, практически все проблемы человека коренятся в его семье – с этим согласится любой психоаналитик. Что ж, рискнем подойти с этой стороны и подвергнуть психоанализу тангутскую цивилизацию.

TAOIST PALACE TAIQING IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE CITY OF SHENYANG (BASED ON FIELDWORK)

E. I. Varova
Altai State University, Barnaul, Russia

The relevance of this work is to study the Taoist Palace Taiqing, has not been studied previously in the domestic and foreign works. To explore an architectural object, the author made a trip to China, in Shenyang to explore the Palace. The study used the method of field research, describing the history, structure and decorative features of the temple complexes of the Palace. With the aim of expanding knowledge in the field of religious architecture, the Palace is analyzed in cultural and historical context, and study the symbolization of the architectural space of temples. When comparing temples, revealed the same structural elements inherent in the eight temples. The determining factor in the architectural tradition of China is a juxtaposition of the architectural forms of the religious architecture with the forms of nature. An important addition in the construction is to establish balance and harmony in the decorative and symbolic space of the temple.

On the basis of the sociological survey of residents of the city of Shenyang, found that the ritual practice remains relevant in the 21 century, and therefore the Taoist temple complexes you perform a bridging role in Chinese life. The study showed that the Taoist Palace Taiqing is the center of Taoism in Liaoning province.

Currently, China has preserved a small part of the temple architectural heritage. Proceeding from this thesis, sees that the results received by the author during the research of the Taoist “Taiqing” palace will help to enter new data on cult objects of China in sinology.

Key words: China; Taoist palace Taiqing; Taoism; religious architecture; cultural heritage; human being; nature

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В ЯПОНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЭДЗО В ЭПОХУ ТОКУГАВА (1603–1868)

Р. М. Сеитов

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Конфуцианство, как одна из основных философско-религиозных систем, оказала большое влияние на становление японского государства и его отношения с соседними народами. Свою роль оно сыграло и в отношениях японцев с другими коренными народами японского архипелага, а также Сахалина и Курильских островов, которых называли собирательным словом *Эмиси*, а позднее *Эдзо* (蝦夷), что буквально означает «Северные варвары». Отношения японцев с Эдзо строились на основе конфуцианской дихотомии «цивилизованный центр» – «варварская периферия».

Влияние конфуцианства на раннее японское государственное управление проявлялось в двух противоположных направлениях. С одной стороны, конфуцианские идеи использовались для создания основы для посредничества и достижения консенсуса в японском обществе, а также между японцами и иностранными народами. С другой стороны, конфуцианские идеи использовались, чтобы помочь в признании иерархии между различными обществами, которая оправдывала насилие японского государства против так называемых варваров. В то же время, конфуцианство не было единственной религиозно-философской системой Японии, и было наименее распространено среди японцев низшего сословия, зачастую неграмотных, напрямую контактирующих с Эдзо.

В эпоху Токугава Япония придерживалась политики ограничений контактов с иностранцами и могли сохранять свои традиционные отношения с регионом Эдзо, основанные на кабальной торговле. В связи с экспансией России на Дальний Восток и возрастающим интересом европейцев к региону японцам пришлось пересмотреть свою стратегию экспансии на север. Таким образом, конфуцианские идеи сыграли значительную роль в японской экспансии в регион Эдзо, но и сами претерпели изменения по мере вхождения Японии в Новое время.

БУРАКУМИНЫ В ЯПОНИИ – ИСТОКИ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Е. В. Пермякова

Томский государственный университет, Россия

Идея каст чаще всего ассоциируется с Индией, однако даже в стране так называемого развитого мира – Японии – есть группа, которая имеет свою долгую историю дискриминации и социальной изоляции – буракумины. Дискриминация этих людей, обусловленная профессией их предков, продолжает сохраняться в наши дни. Анализ истории этого слоя населения и их современного положения важен для понимания первопричины этого явления и методов борьбы с этим. Целью данной работы является выявление причин дискриминации буракуминов и поиск способов борьбы с этим.

До реставрации Мэйдзи японское общество делилось на четыре сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы. Часть японцев (к концу реставрации Мэйдзи — около 1,73% населения) принадлежала к двум внесословным кастам — эта и хинин. Члены этих каст (буракумины) занимались грязными и презираемыми работами: забоем скота, выделкой кож, уборкой мусора, захоронением трупов. Поскольку эти занятия по представлениям того времени считались «нечистыми», все принадлежавшие к касте «буракуминов» должны были проживать отдельно от остальных жителей Японии в предназначенных специально для этого местах; им было запрещено вступать в брак с представителями иных сословий. Таким образом, буракумин — это термин для изгоев из четырехуровневой японской феодальной социальной системы. Стоит отметить, что буракумины не являются членами этнического или религиозного меньшинства, это социально-экономическое меньшинство в более крупной японской этнической группе.

Хотя кастовая система в Японии была официально отменена в 1871 г., огромное количество буракуминов продолжает жить в общинах, похожих на гетто, по всей Японии, и многие из них все еще допускаются только к неквалифицированным и плохо оплачиваемым профессиям. На официальном уровне власть не признает существование дискриминации этой группы людей, однако при этом в стране существует несколько обществ по защите прав буракуминов и осуществлению государственных программ, нацеленных на улучшение социальных условий для них. В докладе будут подробно рассмотрены программы и общества по защите прав этого слоя населения Японии.

Литература

Who Are the Burakumin, Japan's 'Untouchables'? [Электр. текст] // Culture trip [сайт]. URL:

<https://theculturetrip.com/asia/japan/articles/a-look-at-the-burakumin-japans-untouchables/> (дата обращения: 31.10.2022).

Burakumin [Электр. текст] // Britannica [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/burakumin> (дата обращения: 31.10.2022).

Japan's Untouchables: The Burakumin [Электр. текст] // ThoughtCO [сайт]. URL: <https://www.thoughtco.com/who-are-the-burakumin-195318> (дата обращения: 31.10.2022).

Буракумин [Электр. текст] // Wikipedia [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Буракумин> (дата обращения: 31.10.2022).

СПЕЦИФИКА РЕМЕСЛА БУХАРСКОГО ЭМИРАТА И РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ (В XIX–XX ВЕКАХ)

М. А. Мубинов

Бухарский государственный университет, Узбекистан

В докладе рассматриваются вопросы особенности ремесленнической культуры Бухарского эмирата, формировавшегося в течение столетий. Наряду с фрагментами работ деятелей разных сфер выделенного края, можно также ознакомиться и с перспективами поэтапного проникновения политики русификации в разные виды деятельности региона.

НЕФРИТОВЫЕ СЮЖЕТЫ В ДРЕВНИХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Хэ Сьюхун

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

В китайской цивилизации поклонение нефриту возникло очень давно. В разделе «Юйцзао» - «Нефритовые нити» «Ли цзи» («Записи о ритуалах») говорится, что благородный муж *цзюньцзы* должен носить нефрит, без причины не снимая подвески, и сам нефрит сравнивает с добродетелью. Также там рассказывается какой нефрит и на каких шнурах положено носить Сыну Неба, наследнику, сановникам, князьям и т. д. В «Правильном толковании “Ли цзи”» («Ли цзи. Чжэн и») содержится подробный регламент того, кому, как, где носить нефрит, регламентировались ритм ходьбы и движения при повороте с тем, чтобы нефритовые пластины издавали звуки, соответствующим определенным тонам музыки. Ношение белых нефритовых изделий монархом было призвано воплощать образ совершенства его характера и божественности.

Поскольку нефрит сохраняет свои свойства в течение длительного времени, и считается, что действительно хороший нефрит, чем дольше носят, тем становится теплее, поэтому в древности поклонение нефриту было связано с мифами и легендами о бессмертии. Так, в Книге 3 «Каталога гор и морей» «Шань хай цзин» имеется такое описание: «Еще в четырехстах двадцати *ли* к северо-западу [находится] гора под названием Ми. На ее вершине [растет] много деревьев Бессмертия (Даньму). [У них] круглые листья и красные ветви, желтые цветы и красные плоды. На вкус они подобны [сласти] *и*. Съешь их, не будешь ощущать голода. Оттуда берет начало река Бессмертия (Даньшуй). [Она] течет на запад и впадает в озеро Проса. Там много белого нефрита, имеется [ключ] нефритового нектара. У истока он кипит и клокочет. Желтый Предок насыщается [им] по утрам и в полдень. [Там] рождается священный нефрит. Нефритовый ключ вытекает, чтобы оросить Древо Бессмертия. Древо Бессмертия расцветает один раз в пять лет пятью цветами. Когда появляется пять вкусов, то делается ароматным. Желтый Предок собирает нефритовые цветы на горе Ми и сажает их на южном склоне Горы-Колокол. Нефрит *цзиньюй* самый прекрасный. Он твердый и крепкий, блестящий и гладкий, как отполированный. Он играет всеми цветами, сочетает в себе хрупкость и твердость. Боги и духи небес и земли вкушают его по утрам и в полдень. Государи едят его, чтобы предотвратить несчастья. От горы Ми до Горы-Колокол четыреста шестьдесят *ли*. Между ними много водоемов. Там много редких птиц, удивительных зверей и рыб. Все это необыкновенные твари»²⁶. Желтый Предок (Император) стал бессмертным *сянем*, принимая белый нефрит и живет вечно. «Желтый

²⁶ Пер. Э. М. Яншиной // Каталог гор и морей (Шань зай цзин). М.: Наталис; Рипол Классик, 2004. Электр. версию см.: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Katalog_gor_morey_II/frametext2.htm.

император стал бессмертным, съев пасту из белого нефрита, и жил вечно. Эти мифы как нельзя лучше отвечали стремлению китайских императоров к бессмертию, и поэтому хотанский (хэтяньский) белый нефрит как сокровище высоко ценился правителями всех династий.

Самое раннее документальное свидетельство о «нефритовой системе» относится к династии Чжоу. Например, в «Чжоу ли» мы читаем о том, что шесть регалий из нефрита использовались для почитания четырех направлений, Неба и Земли. Небу совершали жертвоприношения, применяя нефритовый диск *би* бледного цвета, Земле – желтый восьмигранник с круглым канальцем в середине *цун*, Востоку – зеленый скипетр *зуй*, Югу – красный малый скипетр *чжан*, Западу – белую чашу *ху* с изображением тигра, а Северу – черный полудиск *хуан*. В «Предании о сыне Неба Му» говорится, что чжоуский *Му-ван* (976–922 гг. до н. э.) совершил поход в горы Куньлунь, вернувшись с неисчислимой добычей нефритовых камней и изделий из нефрита. Рассказ об этом содержит и встречу Му-вана с Сиванму, Матерью-владычицей Запада, но несмотря на мифологическую составляющую, он отражает факт, что во времена Чжоу люди уже знали, что в Западном крае добывали прекрасный нефрит. А самый ранний из известных ритуальных предметов из хотанского нефрита был раскопан на памятнике неолитической культуры Цицзя.

В мифологических историях, отраженных в таких произведениях как «Путешествие на Запад» верховным правителем божественного мира является «Нефритовый император», и «в феномене наречения императора “нефритовым” заключены китайские мифологические представления о единстве Неба и Человека, в которых на самом деле кроется глубокая тайна великой традиции китайской цивилизации».

Можно сказать, что нефритовая культура является древнейшей культурной традицией Китая, а ее отражение в мифологических повествованиях как эстетическая идеология, передававшаяся в течение тысячелетий, оказала глубокое влияние на китайскую культуру. Овеянные мифами сакральные нефритовые камни одновременно воспринимались как воплощение воли богов и как физический символ бессмертия, демонстрируя свою священную ценность и одновременно проявляя вечность жизненного цикла [Е Шусянь, 2017].

Литература

Е Шусянь. Сравнительное исследование китайской и зарубежной нефритовой мифологии – «безумные камни» у истоков цивилизации // Гуйчжоу шэцхуй кэсюэ (Guizhou Social Science). 2017, №1. С. 11–19. doi:10.13713/j.cnki.cssci.2017.01.002.

中国古典文学中的玉石情结

何旭红

新疆大学外国语学院

华夏文明中，对于玉的崇拜由来已久。《礼记·玉藻》载：“古之君子必佩玉……君子无故玉不去身，君子于玉比德焉。天子佩白玉而纯组绶，公侯佩山玄玉而朱组绶，大夫佩水苍玉而纯组绶，世子佩瑜玉而綦组绶，士佩孺玟而媪组绶。《礼记·正义》曰：“玉有山玄、水苍者，视之文色所似也者，玉色似山之玄而杂有文，似水之苍而杂有文，故云“文色所似”。但尊者玉色纯，公侯以下，玉色渐杂，而世子及士唯论玉质，不明玉色，则玉色不定也。”君主配白玉可以用来体现自身完美的人格及神圣的形象。

由于玉石可以长久保存，真正的好玉佩戴时间越长则越温润，因此在古人的玉石崇拜文化中，玉石常与长生不老的神话传说相伴。如《山海经》中所记：“又西北四百二十里，曰崑崙山，其上多丹木，员叶而赤茎，黄华而赤实，其味如飴，食之不饥。丹水出焉，西流注于稷泽，其中多白玉。是有玉膏，其原沸沸汤汤，黄帝是食是飧。是生玄玉。玉膏所出，以灌丹木，丹木五岁，五色乃清，五味乃馨。黄帝乃取崑崙山之玉荣，而投之钟山之阳。瑾瑜之玉为良，坚粟精密，浊泽有而光。五色发作，以和柔刚。天地鬼神，是食是飧；君子服之，以御不祥。自山至于钟山，四百六十里，其间尽泽也。是多奇鸟、怪兽、奇鱼，皆异物焉。”" 黄帝因食白玉膏从而得道成仙，长生不死。这些神话完全迎合了中国历代帝王长生不死的终极愿望，因此和田白玉成为了历朝历代统治者们的珍爱之物，备受推崇。

而文献中对于用玉制度最早时代的记载是周朝。如《周礼·春官·大宗伯》：“以玉作六器，以礼天地四方。以苍璧为天，以黄琮礼地，以青圭礼东方，以赤璋礼南方，以白琥礼西方，以玄璜礼北方。”《穆天子传》记载：“周穆王巡游昆仑，曾攻其玉石，取玉版三乘，载玉万只而归。”

周穆王迅游昆仑山，会见西王母的记载虽然是神话成分较多，但也能反映出周朝时期人们已经知道了昆仑出美玉的事实。而通过考古发掘及鉴定，与和田玉有关的作为礼器出土的玉器出现最早的时期为史前时期新石器时代的齐家文化时期。

在《西游记》等神话故事当中，神界最高主宰是“玉皇大帝”，“在玉帝的命名现象中，潜藏着中国式天人合一的神话想象这里实际潜藏着华夏文明的大传统深层奥秘。”

可以说玉文化是中国最古老的文化，神话叙事中的玉文化作为一种传承千年的审美意识形态对于中华文化所产生的深层影响力，神圣化与神话化的玉石，既体现着神灵的意愿，又代表着一种永生不死的物化符号，它们在显示自身圣洁价值的同时，彰显着生命轮回的永恒。

参考文献

陈泳超。从感生到帝系：中国古史神话的轴心转折——兼谈古典神话的层累生产 // 民俗研究。2018年第3期。第80-91页+159页。DOI:10.13370/j.cnki.fs.2018.03.011.

单立勋。《红楼梦》玉石崇拜的文化心理透视 // 牡丹江师范学院学报（哲学社会科学版）。2004年第1期。第29-31页。DOI:10.13815/j.cnki.jmtc(pss).2004.01.010.

武靖佳。中国神话叙事中的玉文化研究 // 文化学刊。2022年第4期。第41-44页。

叶舒宪。玉石神话信仰与华夏精神。上海：复旦大学出版社，2019。

叶舒宪。中外玉石神话比较研究——文明起源期“疯狂的石头” // 贵州社会科学。2017年第1期。第11-19页。DOI:10.13713/j.cnki.cssci.2017.01.002.

THE HISTORICAL QUESTION AND CONTEMPORARY THOUGHT ABOUT "WHERE CHINA IS GOING" IN RECENT 100 YEARS

Zhang Daokui

Advanced Institute of Confucian Studies, Shandong University, Jinan, China

In the process of more than 100 years of social transformation in modern China, the exploration and answer to the question about “where China is going” basically led the theoretical and historical process of China's great transformation. Since the Revolution in 1911, the way to effectively respond to the question of “where China is going” was the exploration and practice of “doctrine” ideology. The hundred year history of “doctrine” exploration and practice has shaped China's current theoretical evolution situation. In contemporary China, only under the guidance of the basic principles of Marxism can various ideological resources play their due role in responding to thinking of “where China is going”.

近百年来“中国向何处去”的历史之问与当代之思

张道奎

山东大学儒学高等研究院 济南

在中国百年来的历史中，对“中国向何处去”问题的探索和回答，基本引领了近百年来中国大转型时代的理论进程与历史进程。自辛亥革命以来，能够有力回应近代史上“中国向何处去”的历史之问的方式，就是对中西之间的各“主义”即意识形态的探索和实践。而对“主义”探索与实践的历史，又型塑了近代中国的理论演化进程。在当代中国，只有在马克思主义基本原理指导下，各种思想资源才有可能为回应“中国向何处去”的当代之思发挥应有作用。

关键词：中国向何处去；意识形态；马克思主义；儒学；辛亥革命

BEING CHINESE ONLINE – DISCURSIVE (RE)PRODUCTION OF INTERNET-MEDIATED CHINESE NATIONAL IDENTITY

Wang Zhiwei

University of Edinburgh, Scotland, Great Britain

Background: National identity, as ‘an abstract and multidimensional construct’, literally means a mode and act of (mostly emotional) identification with one’s nation. Michael Billig (1995) further characterises national identification as more *banal* as a form of daily life. Later scholars, while criticising the top-down, state-centric nature of Billig’s (1995) ‘banal nationalisation’, have proposed bottom-up, agency-based approaches of ‘everyday nationhood’, which pay much attention to national(ist) discourses defined as ‘the cluster of ideas and understandings that came to surround the signifier “nation” in modern times’.

The media has been an influential factor in highlighting and organising transformations from mundane pieces of life to national(ist) moments, and vice versa. However, instead of being purely *ritualised* and *concentrated* as mediated by traditional channels, the practices and expressions of national affiliations afforded by the more *multimodal* media at present are mostly *discursive* and *fragmented*. These features have become especially evident on digital media where it is less likely that the audience consume identical national representations simultaneously and are able to confirm such simultaneous consumptions, as these content viewing activities have become ‘more individualistic and less public’ owing to the more private and intimate nature of most networked devices now. Moreover, in national content’s (re)generation facilitated by the Internet, those digital technologies ‘often [strengthen] rather than [weaken] national identities, and... can be exceptionally efficient in reproducing

such identities across vast distances, uniting dispersed populations in virtual communities’.

Since China’s implementation of the reform and opening up policy and introduction of the market economy, not only has China achieved economic miracles, but it has also witnessed and is still undergoing considerable transitions of its social, political and cultural spheres once tightly controlled by the state towards a more consumer-oriented yet less ideological-charged socio-political environment. Since its initial appearance in the Chinese society in the 1990s, the China-based Internet has become an indispensable part of Chinese citizens’ quotidian life, where ‘various actors utilise the [Chinese] Internet to create and recreate meaningful spaces, institutions and movements in their quest to shape their lives, and ... these spaces [can] propel or hinder the transformation of societal structures’.

The Chinese Internet has become a ‘discourse space’ where Chinese citizens’ online behaviours, including national expressions, constitute a large part of their daily social activities. Discourses of national identification are common on China’s web. Nevertheless, much more emphasis has been placed on the political dimension of digitised Chinese national(ist) discourses and their embodied national identities, which neglects other equally important dimensions constitutive of their more discursive nature. It is also necessary to distinguish between *national* and *nationalist* discourses since the former is more multidimensional yet the latter more political-oriented. Overall, a further investigation into how Chinese national(ist) discourses are (re)shaped online on an everyday basis by diverse socio-political actors is crucial, which can contribute to not only deeper understandings of Chinese national sentiments on China’s Internet now beyond the excessive focus on their passionate, political-charged facet but also richer insights into the socio-technical ecology of the contemporary Chinese digital (and physical) world.

My research questions are:

- 1) What Chinese national(ist) discourses are quotidianly mediated on Chinese digital platforms?
- 2) What are the roles of different socio-political actors especially ordinary users in discursively (re)generating Chinese national identity/-ies on the Chinese Internet? To what extent do these actors present differing or even conflicting understandings of the Chinese-ness?
- 3) What socio-political relations, structures and mechanisms are revealed from the discursive (re)production of Chinese national identity/-ies online? To what degree do they reflect offline realities and developments?

Objective(s): My research addresses Chinese national identity online. It assesses how Chinese national identity is discursively (re)generated by multifarious socio-political actors on the Chinese Internet. My enquiry revolves around two specific China-based digital media sites, Sina Weibo and bilibili. Sina Weibo is a microblogging site like Twitter, which is greatly popular in China now. Bilibili is a streaming video platform like YouTube, but it has a distinct function of allowing users’ posting of the ‘barrage’ which refers to “‘live” comments to be directly overlaid onto the video immediately upon being entered’ and hence enabling users to actively partake in interactions when viewing videos (re)presenting national(ist) discourses and thus eliciting their national sentiments.

My enquiry aims at altering the focus of Chinese digital nationalism studies from merely fervent and political-charged online expressions of Chinese national sentiments to the discursive (re)shaping of the Chinese-ness via multiple socio-political actors’ everyday national(ist) discussions on China’s web. Moreover, by making sense of how Chinese digital technologies’ affordances inform Chinese national(ist) discourses and their embodied national identities’ (re)production online, this study will be useful to both Chinese information and communication technologies (ICTs) and nationalism observers. This investigation will also uncover the underlying socio-political patterns and trends within the socio-technical context where the significances of the Chinese nation are discursively (re)shaped online. Overall, it will offer significant implications for entities like the governments, corporations, news media and international organisations both in China and abroad concerned about socio-political impact of Chinese digital nationalism when dealing with problems about the People’s Republic of China.

Theoretical Framework: The first part of the theoretical framework is Jon E. Fox and Cynthia Miller-Idriss’s (2008) paradigm of everyday nationhood. The second element of the theoretical outline is national(ist) discourses. In this part, I mainly refer to Umut Özkırımlı’s (2005) and Michael Skey’s (2011) respective theorisation of national(ist) discourses. The third part of the theoretical structure is the thesis of (Chinese) Internet as a ‘carnavalesque’ place proposed by David Kurt Herold and Peter Marolt in their edited book (2011).

Methods: I adopt a discourse analytical approach to national identity and propose an ethnographic methodology, by which my ‘fieldsites’ are two China-based digital platforms, Sina Weibo and bilibili. My primary data collection method is virtual ethnographic observation on everyday national(ist) discussions on both online platforms. Objects for observations on the two ‘fieldsites’ are dissimilar because of their differential socio-technical affordances. For Sina Weibo, observations centre upon targeted discussions on topics/objects that may evoke national(ist) sensibilities, whilst for bilibili, emphasis is located on ‘barrage’ comments and postings in the comments section attached to specific videos and other textual content which may elicit national(ist) feelings. Keyword-searching is initially utilised to look for relevant Chinese national(ist) discussions on the two platforms, with nationally related signifiers like ‘Chinese nation’, ‘Chinese people’ and ‘Chinese civilisation’ as keywords. With the

progress of research, more diverse nationally related keywords including. Afterwards, a snow-ball strategy is employed through which other online Chinese national(ist) discussions related to those keyword-searching results identified as national(ist) interactions on the two platforms are also attended to.

If data obtained from observations do not suffice to answer my research questions, I will conduct in-depth online qualitative interviews with ‘key actors’ identified from those observations in discursively (re)producing Chinese national identity on each ‘fieldsite’, to complement data gathered through the first method. Here, the criterion for selecting ‘key actors’ is the significance of their contributions to the discursive (re)generation of Chinese national sentiments on a daily basis on Sina Weibo or bilibili. For convenience, I propose to measure the significance of users’ contributions to discussions presenting and disseminating national(ist) emotions on the two sites based on the number of reposts, comments and likes that these national(ist) contributions (original posts, reposts, comments or replies) receive. Critical discourse analysis is employed to analyse data. During the process of data coding, NVivo is utilised.

Preliminary Findings: From November 2021 to October 2022, I have conducted 30 weeks’ digital ethnographic observations. For each week’s observations, I wrote up a set of fieldnotes. Therefore, the data that I have acquired are 30 sets of fieldnotes. The strategy adopted for the initial stage of observations was keyword searching, which means typing into the search box on Sina Weibo and bilibili any keywords related to China as a nation and then observing the search results. Throughout 30 weeks’ online ethnographic observations, I have employed six keywords on Sina Weibo and two keywords on bilibili.

In general, for 30 weeks’ observations, I concentrated much upon textual content created by ordinary users. Based on the fieldnotes of the first week’s observations, I found multifarious national(ist) discourses on Sina Weibo and bilibili, targeted both at national ‘Others’ and ‘Us’, both on the historical and real-world dimension, both aligning with and differing from or even conflicting with official discourses, both direct national(ist) expressions and articulations of sentiments in the name of presentation of national(ist) attachments but for other purposes. Second, Sina Weibo and bilibili users have agency in interpreting and deploying concrete national(ist) discourses despite the leading role played by the government and the two platforms in deciding on the basic framework of national expressions. Besides, there are also disputes and even quarrels between users in terms of explanations for concrete components of ‘nation-ness’ and (in)direct dissent to officially defined ‘mainstream’ discourses to some extent, though often expressed much more mundanely, discursively and playfully. Third, the (re)production process of national(ist) discourses on Sina Weibo and bilibili depends upon not only technical affordances and limitations of the two sites but also, to a larger degree, some established socio-political mechanisms and conventions in the offline China, e.g., the authorities’ acquiescence of citizens’ freedom in understanding and explaining concrete elements of national discourses while setting the basic framework of national narratives to the extent that citizens’ own national(ist) expressions do not reach political bottom lines and develop into mobilising power to shake social stability.

Key words: National identity; national(ist) discourse(s); everyday nationhood/nationalism; Chinese nationalism; digital nationalism; digital media; Chinese Internet

“中国人在线” ——以互联网为媒介的中国国族认同的话语（再）生产

王志威

爱丁堡大学社会与政治科学学院社会学系

此研究致力于探索在中文互联网上，国族认同是如何被各种社会政治行动者（例如：政府、普通网络用户、企业及新闻媒体）进行话语（再）生产的。在当今的中文互联网上，国族/民族主义话语已极为普遍。但是，对于国族/民族主义话语的研究却将重心过多放在了其政治维度上，从而忽略了构成其话语性本质的其他同等重要的维度，譬如文化、社会、空间与时间维度。因此，对于国族/民族主义话语是如何在中文互联网上被各种社会政治行动者加以日常（再）形塑的进一步研究是很有必要的。此研究不仅可以帮助我们跳出对于中国国族情感的线上表达的政治动员性的过度关注从而使我们更深入地理解它，并且可以帮助我们获得对于中国当代线上（及线下）世界的“社会科技生态学”的更为丰富的见解。

研究问题包括：

1. 什么样的国族/民族主义话语被日常呈现在中国的数字媒体平台上？
2. 在中国国族认同的线上话语（再）生产的过程中，不同的社会政治行动者（尤其是普通网络用户）起到了什么作用？在何种程度上他们表现出了对于“中国性”的不同的或者甚至互相抵触的理解？
3. 从中国国族认同的线上话语（再）生产的过程中可以发现什么样的社会政治关系、结构和机制？在何种程度上它们反映出了线下的现实状况与发展模式？

此研究整合了三个层面的理论模型来构筑其理论框架：（1）日常国族性/民族主义（*everyday nationhood/nationalism*）；（2）国族/民族主义话语（*national(ist) discourses*）；（3）“狂欢节式”的中文互联网（*Chinese Internet as a ‘carnivalistic’ place*）。

我遵循“话语分析法”的研究路径并且采用“民族志”方法论来进行“田野调查”。“田野调查点”为“新浪微博”与“哔哩哔哩（B站）”。至于数据收集方法，首先我对上述两个数字媒体平台上的日常国族/民族主义讨论做了“线上民族志观察”。由于两个“田野调查点”的社会技术给养性（*socio-technical affordances*）有所不同，在其之上的具体观察对象亦相异。在新浪微博上，观察重心放在了围绕着能激起国族情感的主题或客体而进行的特定讨论上；而在B站上，此研究重点观察了依附于特定的能激发国族感受的视频之上的弹幕评论与视频评论区内的内容。为了观察不同的社会政治行动者在两个“田野调查点”上如何促成国族认同的线上话语（再）生产，我重点关照了他们发表在任一“田野调查点”上的国族/民族主义描述的形式与内容，他们发表、转发与评论国族/民族主义叙述时的情境因素以及在任一平台上他们针对特定国族/民族主义话语与其他用户进行的交流。如果通过观察法获得的数据不足以回答我的研究问题，我将对我从线上观察中精拣出的中国国族认同在各个平台上被话语（再）生产这一过程中的“关键行动者”做“深度线上质性访谈”以补充通过观察法获得的数据。对于通过上述这两种方法获得的数据，即“田野观察札记”和“访谈文字转录稿”，我采用“批评话语分析法”来进行分析，并以NVivo作为辅助工具。

此研究将致力于改变现阶段中国网络民族主义研究的主要关注点，使其从过于强调“热度”的、政治动员性比较强的中国线上民族主义意识形态与实践行动逐渐转变为更多地关注国族认同在中文互联网上的日常话语（再）生产的过程。其次，通过探究中国数字媒体平台的功能特性如何影响国族/民族主义话语及其体现出的国族认同的线上（再）生产的过程，此研究亦将会为中国信息与通信技术（ICTs）研究者提供参考价值。此外，此研究亦将剖析潜藏在作为国族认同的日常线上话语（再）生产这一过程的媒介的中国互联网络空间背后的深层社会政治形态与趋势。此研究成果预期将为中国数字媒体与中国民族主义研究者提供参考，并且为海内外关注中国网络民族主义的社会与政治影响的各行为主体（如权威机构、企业、新闻媒体和国际组织等）提供借鉴。

此研究得出了初步的研究发现。首先，新浪微博和B站上的国族/民族主义话语是多样性的，其中既有针对“他者”的也有针对“自我”的，既有历史维度上的也有现实维度上的，既会与官方主流话语相符也会相异甚至相斥，既有直抒胸臆的国族认同感的表达也有披着国族/民族主义情感的外衣实际另有它图的表达。其次，政府与两个平台虽然在决定更为基本的国族表达框架上发挥了主导作用，但是用户对于具体的国族/民族主义话语的实际解释与调用却取决于他们自己的主观能动性，而且普通用户不仅互相之间会就对于“国族性”具体成分的解释产生争论甚至争吵，他们也会直接或间接表达出对于官方定义的“主流话语”的一定程度上的异议，虽然他们的表达形式会体现出比较明显的日常性、散漫性与玩乐性。最后，新浪微博和B站上的国族认同的话语（再）生产的过程不仅取决于两个平台各自的技术给养性与限制性，而且在更大程度上依赖于中国的线下世界中既定的一些社会政治机制与框架，比如政府主导国族话语的基本框架的同时允许民众比较自由地理解与阐释国族话语的具体内容，而因为人们的主观能动性有所不同，所以他们各自对于“国族性”的解读会有所偏差，而只要这种偏差没有触碰到政治红线，没有形成足以破坏社会稳定的动员力量，政府还是会允许其存在与发展。

关键词：国族认同；国族/民族主义话语；日常国族性/民族主义；中国民族主义；数字民族主义；数字媒体；中文互联网

XINJIANG MODERN HISTORY (1759–1949) IN THE WEST: SINCE 1950

Cheng Xiujin
Xinjiang University, Urumchi, China

Xinjiang modern history of Western scholar research is divided into Japanese academic circles and English academic circles. For more than 70 years since 1950, the research on Xinjiang history in English academic circles can be divided into two stages by 1980s. The early stage belongs to the trough stage, and the later stage belongs to the climax stage. The Later period could be divided as such research field: Research on several major historical events in Xinjiang, research on Xinjiang's governance by the Chinese central government, and research on several ethnic groups in Xinjiang. Japanese academic circles, which is an important research center of the Western Regions, has a long history of Xinjiang research, which can be divided into two aspects: field investigation and literature research. In terms of literature research, since the Meiji Restoration era, Japan has paid attention to the study of the four descendants in Chinese history, that is, the study of "Manchu, Mongolian, Tibetan, Xinjiang and Korea". Especially in the research of Xinjiang history, there are many talents and many generations. In the middle and late 20th century, due to factors such as the Cold War, most European and American academic circles used the research of Japanese scholars to understand Xinjiang, especially the research on Xinjiang-related history by Toru Saguchi and Masami Hamada, which has played a role in promoting the western scholars' research on Xinjiang-related history.

Key words: Xinjiang; frontier; ethnic groups; religion

七十年来西方新疆史研究

程秀金
新疆大学历史学院

新疆地处中国西北边疆地区，在亚洲乃至世界都有着重要的地缘战略地位。欧洲列强崛起之后扩张至亚洲，新疆也因位于古典丝绸之路干线之上，而受到它们重点关注。欧洲最早涉足新疆研究的是俄国、法国和英国学者。本研究考察的是以英语学界和日语学界为代表的西方新疆史研究。

一、英语学界的新疆史研究

自二十世纪二、三十年代，除了在文献考证等领域，法德苏日等国继续占有重要地位之外，新疆研究的接力棒转交到英语国家手中。尤其是美国异军突起，且后来居上，其领军人物欧文·拉铁摩尔（Owen Lattimore）曾经在 1920 年代后期和 1940 年代中期先后两度赴新疆考察。有学者认为，就新疆实地考察以及中亚研究而言，他与斯坦因、斯文赫定并驾齐驱，是二十世纪中亚研究权威。

拉铁摩尔是中亚大探险向现代新疆研究转型的一位关键学者，因为在拉铁摩尔之前的新疆研究大多是怀有帝国抱负的实地考察和东方主义异国情调式的旅行游记。

欧文·拉铁摩尔的新疆研究，对于后来西方学界有着深远的影响。值得一提的是，他将新疆放置到内亚/中亚边疆地区之中的论述框架模式对傅礼初（Joseph Fletcher）、罗茂锐（Morris Rossabi）等后世学者有着直接影响。凭借《中国的亚洲内陆边疆》（*Inner Asian Frontiers of China*）（1940）、《亚洲枢纽：新疆与中俄内亚边疆》、《边疆史研究论文集：1928-1958》（*Studies in Frontier History: Collected Papers 1928-1958*）（1962）等专著及论文，拉铁摩尔成为美国新疆研究，乃至“内亚”研究学界巨擘。

欧文·拉铁摩尔之后，西方新疆研究，尤其在美国，跌入低谷。笔者认为其原因有二。首先，1949年苏联爆炸了第一枚原子弹，1949年中华人民共和国，1950年中国人民志愿军入朝参战，并将以美国为首的“联合国军”驱赶到三八线以南。这一系列事件引发1950年代美国麦卡锡主义(McCarthyism)盛行，肆意打击迫害拉铁摩尔、费正清(John King Fairbank)等著名学者，尤其是拉铁摩尔被麦卡锡指控为“不仅是‘丢失中国’的关键人物，而且也是苏联潜伏在美国的头号特务”，因而被迫远走异国他乡，从而重创了美国汉学界。其次，自中华人民共和国1949年成立，由于种种因素直到1970年代末中西方几乎没有交往和联系，西方学者难以获得中国第一手资料，更遑论在新疆开展田野考察和搜集人类学资料。

因此笔者认为在欧文·拉铁摩尔之后，英语学界的新疆研究可划分为两大阶段。第一阶段从1950年代至1980年代，这一阶段为低谷时期；随着七十年代中西方关系改善，学术交往不断升温，自1980年代至今属于第二阶段高潮时期。

在第一阶段，西方学者依赖汉文、英文、俄文等外交档案资料以及其他文献，以中央政府、新疆当局与周边列强外交为重点，其学术研究也受到当时国际事态演进的影响。中苏关系从结盟到破裂，长期处于边境纠纷状态，从而使得西方学界侧重于研究沙俄、苏联影响之下的新疆，从中探寻推演中苏对峙新疆边境的未来趋势。因此，这一阶段的新疆研究笼罩着强烈的对策性色彩。

随着七十年代末中西方关系改善，中西方学术的交往不断升温，英语学界新疆研究也从第一阶段低谷时期走向第二阶段高潮时期。这一时期的领军人物是傅礼初(Joseph Fletcher)。他能解读汉文、蒙古文、满文、阿拉伯文、波斯文等多达20多种语文文献，因而能在中亚乃至新疆研究领域大显身手。

不过就新疆研究而言，傅礼初只撰写过几篇论文，但他“既开风气又为师”，深远地影响了后来的学术研究趋势。其一，他所提倡的欧亚近似理论和“内亚”视角开创了美国明清史研究的两大学派阿尔泰学派和加州学派。其二，他执教哈佛多年，桃李满天下，王国斌(R. Bin Wong)、金浩东(Hodong Kim)、濮德培(Peter C. Perdue)、李普曼(Jonathan N. Lipman)、涂逸珊(Isenbike Togan)、柯娇燕(Pamela Kyle Crossley)、林蔚(Arthur Waldron)、巴菲尔德(Thomas Barfield)、艾骜德(Christopher Atwood)等来自不同历史研究领域的众多著名学者都曾受其耳提面命。其三，他所开启的新疆宗教研究，在英语学界之外的日本乃至法国等地有着更高层次的影响力。

自八十年代以来，正是在傅礼初影响之下，新疆研究，受到后现代主义思潮的影响，注意发掘少数民族语言文献材料。此外，由于七十年代末中西方关系的改善，西方学者能够再度进入中国，甚至可前往新疆检索原始资料和从事田野考察，由此这一时期研究呈现出四个主要特征。其一，不再局限于汉、英、俄文等原本视为主流学术语言的文献，而相当程度地挖掘满文、蒙古文、维吾尔文等民族语文或域外语文材料。其二，从中心转向边缘视角。其三，过于强调当地少数民族与汉族之间的对抗而非互动，这无非是将西方后殖民主义理论移植到新疆研究之中。

其四，西方学者运用马克斯·韦伯(Max Weber)、米歇尔·福柯(Michel Foucault)、皮埃尔·布尔迪厄(Pierre Bourdieu)、爱德华·萨义德(Edward Said)、尤尔根·哈贝马斯(Jürgen Habermas)、本尼迪克特·安德森(Benedict Anderson)、弗雷德里克·巴特(Fredrik Barth)等学者的多种人文社会学科的理论开展新疆研究，实现了研究范式的一次转变，这也是1960年代“汉学”(Sinology)向“中国研究”(Chinese Studies)转变在新疆研究中的具体体现。

根据八十年代以来的有关研究，笔者将新疆史研究分为三大领域：对若干重大历史事件的研究、中国中央政府的新疆治理研究和关于新疆若干民族的研究。

二、日本新疆史研究

作为西域研究重镇的日本，其新疆研究由来已久。日本自明治维新时代就已注重中国史中的四裔之学，即“满蒙回藏鲜”之学。尤其在新疆史研究方面，人才辈出，代不乏人。涌现出白鸟库吉，羽田亨等著名学者。

二战之后，涌现出松田寿男、榎一雄、长泽和俊、佐口透、中田吉信、堀直、森安孝夫、真

田安、新免康、澤田稔、滨田正美、今谷明、菅原纯、小沼孝博、野田仁等西域研究学者，大多精通汉文（文言、白话文），加之掌握新疆乃至中亚当地语文，从而在西方学界的涉疆历史研究中占有不可忽视的地位。总的来说，二十世纪中后期因冷战等因素，欧美学界起初大多借助日本学者的研究来了解新疆，尤其是佐口透与滨田正美的涉疆历史研究，对于西方学者涉疆历史研究起到了推动作用。

吊诡的是，作为中国一衣带水的近邻的日本，在明治维新之前，一直用“西域”（せいいき）指新疆，但自“脱亚入欧”之后，日本学者也逐渐使用“東トルキスタン”这一术语。这是由于新疆研究属于日本的“东洋史”研究范畴，日本的“东洋史”具有一种强烈的倾向，即与其说从中国学习，莫如说是从欧洲帝国主义国家的中国史研究中学习中国史知识乃至中国史观。有学者指出，当时日本的目标是自己充当亚洲的领袖，取代甚至压服中国，从而与西方平起平坐。也就是说，日本为了变成“西方”，必须发现自己的“东方”。由此“东洋史”的出现就是这一趋势的反映。

三、余论

与2010年以前的新疆史研究学者相比，最近的年轻学者在利用满文，维文等少数民族语言文献的幅度和掌握多语种方面均超过此前像杨边琳（Linda Benson）、米华健（James Millward）、吴劳丽（L. J. Newby）、濮德培（Peter C Perdue）等学者，且对于他们基于二手资料而形成的一些观点提出质疑，发起挑战，并提出新的历史诠释。不过，在利用所能接触的书面和口传资料方面，罕有学者能够像傅礼初那样，能综合利用汉文及其他语言文献，通过整合不同视角来展开新疆研究，因而导致在内地和新疆，汉人和非汉族群之间形成对立隔阂而非互动交流的关系。

自二十世纪八十年代以来三十多年来，随着苏联入侵阿富汗、九十年代初苏联解体中亚各国独立、911 反恐、西方各国军队进驻阿富汗等一系列事件，以美国为首的西方国家对于中亚，尤其是新疆越来越关注，一些学者甚至指出在中亚形成新的“大博弈”（New Great Game），而新疆因其地缘因素，是关注的重点。

尤其是美国制定了一个名为“新疆工程”（Xinjiang Project）的研究计划，并出版了有关新疆的综合论文集，但值得注意的是，该论文集副主编格雷厄姆·富勒（Graham E. Fuller）曾担任中央情报局国家情报委员会副主席等职务，由此，这一工程背后学术动机的客观性大有可疑。

最后，有关新疆史研究的专著曾多次获得美国历史学会颁发的最高奖费正清奖等奖项。从以上可以看出，西方学者涉疆历史研究越来越和西方政治缠绕交织在一起，对此我们务必加以警惕。

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ СИНЬЦЗЯНСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННО-СТРОИТЕЛЬНОГО КОРПУСА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Д. А. Глазунов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Синьцзянский строительно-производственный корпус (СПСК) как современная форма тункэней обладает довольно гибкой юридической природой. В зависимости от исторического периода он решал разные задачи, принадлежал разным структурам. Выделяются следующие этапы его развития:

- 1949–1953 гг. В рамках похода в Синьцзян у расквартированных на его территории отдельных частей НОАК формируются снабженческие структуры по обеспечению армией продуктами. До образования Синьцзянского военного округа солдаты НОАК не только охраняли границы, боролись с бандитизмом, участвовали в установлении советской власти, но также стали заниматься хозяйственным освоением (на местном уровне) пустынных и степных районов: строили мосты и дороги, прокладывали каналы для отвода воды, осваивали пустоши и целинные земли;

- 1953–1965 гг. Появление Синьцзянского военного округа привело к реорганизации армейской структуры и появлению сельскохозяйственных дивизий, которые в 1956 г. передали в ведомство Министерства поднятия целины (нункэнь); на данном этапе задачи СПСК связаны с развитием экономики всего региона и страны в целом. Соответственно, меняется социальная база СПСК. Осваивать Синьцзян приезжает

образованная молодежь из районов внутреннего Китая;

- 1966–1975 гг. СПСК вновь переподчиняется военному министерству. Его производственный потенциал нацелен на обеспечение армии и встраивается в общую эшелонированную оборону на западе. Проведение военной реформы 1973 г. привело к ликвидации СПСК;

- 1975–1981 гг. Хозяйственные единицы бывшего СПСК функционируют в рамках региональной экономической системы. Комплексность предприятий была разрушена, а отдельные производственные единицы переданы в различные ведомства;

- 1981–1987 гг. Восстановление СПСК, формирование новой экономической структуры и социальной идентичности. Встраивание корпуса в территориально-административное деление Китая и его подчинение Госсовету КНР;

- 1987–1997 гг. Перевод организаций СПСК на коммерческие рельсы.

ОТКУДА В КНР КОЛЛЕКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖИВОПИСИ?

А. В. Варёнов

Новосибирский государственный университет, Россия

В мире существует две коллекции средневековой китайской живописи, хранящихся в Дворцовом музее (Palace Museum) или Музее Гугун – одна (так называемая старая) на Тайване, а другая в Пекине. С началом полномасштабных военных действий Японии против Китая в 1937 г. хранившиеся в Запретном городе коллекции отправили в эвакуацию в Юго-Западный Китай, а к окончанию гражданской войны в 1949 г. переправили на Тайвань. После 1949 г. средневековую живопись для восстановленного музея в Пекине собирали с бору по сосенке. Неожиданную помощь оказал в этом новой народной власти последний маньчжурский император, а в последующем правитель созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-го Пу И (溥仪, 1906–1967).

После Синьхайской революции 1912 г. он продолжал жить в Запретном городе за государственный счет. В первой половине двадцатых годов XX в. Пу И под видом «дарений» (в основном своему же младшему брату) смог вывезти из пекинского дворца значительное количество картин и спрятать их на своей частной квартире в Тяньцзине. В 1925 г. выплаты экс-императору прекратились, а дворец пришлось освободить. До 1930 г. Пу И жил тем, что потихоньку распродал наворованные картины и другие художественные ценности. Часть проданного утекла за рубеж, другая осталась в Китае. Когда японская разведка в 1931 г. вывезла Пу И из Тяньцзиня, чтобы сделать его «императором» марионеточного государства Маньчжоу-го, наворованная коллекция картин оказалась в его новом дворце в Чанчуне. Именно чанчуньская коллекция легла в основу современных собраний средневековой китайской живописи, хранящихся в пекинском музее Гугун и в некоторых провинциальных музеях, в основном, Северо-Восточного Китая.

川藏茶马古道与藏地文学的现代新变

赵志军

兰州大学

跨境道路是地方向外汲取资源的通道,也是外源性变革发生的重要机制。联通藏地与内地、南亚的西南丝绸之路——川藏茶马古道,曾在藏地文学于域外实现的现代新变中,发挥过重要作用,但到目前为止,学界对此关注甚少。

川藏茶马古道,是随着唐代以来中原与藏地的贸易、政治文化交往日益密切,而形成的一条历史悠久的古道。它以川西的康定为起点,向西经昌都贯通西藏,并延伸至尼泊尔、不丹、印度,成为沟通藏地与南亚的重要通道;从康定东出成都,则与长江水路联通,成为横贯中国的交通动脉。近现代以来,其两端的向外敞开,保证了藏地与外部政经交流的同时,也以知识分子的向外流动及其对域外现代性因素的积极汲取,推动了藏地文学兼有两种缘起的现代新变。对这一事实的考察,可以着重审视现代以来,西康知识分子东出内地后的文化活动和西藏僧人南下印度后的学术创作。

西康位于古道东端，自古以来就是藏汉文化碰撞、交融、分界之地，汉藏人民杂居共处，经济、文化杂糅，是藏区与内地联系最为紧密之地，历代为中央政府直接管辖，官员进出藏地及僧俗知识分子东出朝圣游学不绝如缕，风气较西藏开放。近现代以来，民国中央政府以首都为中心，设置专门性机关进行政治引导、开展蒙藏教育吸引边地青年外出求学，并协助藏教高僧设置办事处以提供政治庇护，吸引了大批西康僧俗知识分子旅居内地，他们成为缓和汉藏关系、打击分裂势力，并参与现代民族国家建设的重要力量。其时内地现代出版业的蓬勃发展，兼之旅外西康知识分子多具备汉藏双语能力，促使这些政府机构、留学群体及活佛办事处共同选择了办报出刊的方式，去引起国民对康藏问题的关注，力图唤起藏地各阶层对中华民族与现代国家的积极认同。而这些汉语（或双语）报刊的历史作用中不为关注的一面，就是为西康知识分子提供了现代的文学发表平台，使藏地的现代汉语报刊文学率先在内地，而非本土诞生。这是藏地现代汉语文学的缘起之一，西康知识分子于其中发挥着重要的奠基作用。考察早期的藏事报刊及其登载的文学作品，便能勾勒出抗战前藏地现代汉语文学的整体面貌。

川藏线的西段则是联通西藏与印度、尼泊尔等南亚国家的跨国通道，在历史上，曾借助佛教流播在藏地与南亚间建立了较深的文化联系，印度入藏传法者及藏地高僧南下朝圣或求取经典者，皆为数不少。但印度佛教衰落后，茶马古道上的印藏交往主要为商业贸易，直至英国殖民南亚诸国并借印藏通道入侵西藏。剧烈冲击之下，南下英印考察甚至经此远赴欧美的西藏僧俗知识分子才又增多。英国殖民统治下的印度，是南亚率先开启现代化进程的地区之一，这使得连接印藏的茶马古道，成为近现代西藏知识分子获取现代性经验的重要路径之一，部分西藏藏语作家正是由此实现创作的现代转折。众所周知，由于特殊的政教合一体制、藏教修行中独特的文法训练以及僧人在藏地知识分子中占据的比重，在西藏古代文学史当中，由藏教僧人创作的文本占有重要地位。由此观之，藏传佛教文学系统内部的新变，对于考察整个藏语文学的现代转折，似乎有着更为重要的标志性意义。因此，对西藏文化转型期具有标志性意义的僧人学者兼文学家——更敦群培（1903-1951）的个案研究，可以点带面地探讨经由茶马古道西段获得的南亚经验，如何推动了藏语文学创作在域外发生现代新变。

总之，近现代以来，茶马古道东西两端的开放，及藏地僧俗知识分子经此东出与南下，开启了藏地现代转型的进程，文化与文学的变革，是这一历史转折中关联极广的一个方面。以茶马古道为烛，可以清晰地“照亮”域外产生的藏事报刊与民族语言文献，进而打捞起来自历史现场的珍贵史料。它们所揭示的藏地早期的现代文学实践，可以更新当前对藏地文学及中国现代文学的认知，其显明的藏地僧俗知识分子的思想转型，更是考察现代以来各族、各地人民汇入中国革命大潮之具体路径的重要资料，是再现中华民族共同体凝聚与形成之具体过程的史实物证。质言之，正是川藏茶马古道的勾连使藏地与现代中国命运与共，这推动了藏地知识分子的思想转型，进而催生了藏地文学的现代新变。

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ДИНАСТИИ ЮАНЬ

Чжан Шицай

Исторический факультет Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Изучению материальной, политической и духовной культуры Золотой Орды посвящено множество работ, в то время как культура ее правовой системы остается практически неисследованной. Аналогичная ситуация сложилась и с изучением периода монгольской династии Юань в Китае (Империя Юань).

Золотая Орда оставила нам множество разнообразного материала по правовой системе, что породило различные мнения и представления о характере правовой системы, практиковавшейся в империи, например, «Великая Яса» Чингисхана, который представлял собой кодификацию национальных обычаев и нра-

вов и действовал в Золотой Орде и даже позднее в Российской империи. По мере совершенствования государственных институтов, на десятом году правления Хубилая при содействии ханьских чиновников Ши Тяньсяна и Яо Шу были составлены «Новые уставы годов правления Чжи-юань» (Чжи юань синь гэ), в 1322 г. был составлен свод «Уложение династии Юань» (Да юань шэнчжэн гочао дянчжан) из 60 *цзюаней*. Это также оказало важное влияние на последующее составление «Общих узаконений Великой династии Юань» (Да юань тунчжи). После установления династии Мин Чжу Юаньчжан, ее основатель, извлек уроки из политической темноты и коррупции правовой системы династии Юань и придал большое значение формулированию и пересмотру «Закона Великой Мин», основного кодекса династии Мин, структура глав которого находилась под непосредственным влиянием юаньского канона.

Правовая система Золотой Орды, с другой стороны, определяется российскими учеными как «кочевое право» – ссыла на традиционную систему обычного права, дополненную обычным правом кочевых народов, таких как монголы, по мере изменения общества Золотой Орды. Однако только в конце XII – начале XIII в. обычное право группы родов и племен превратилось в правовой кодекс Золотой Орды, выражающий одновременно уникальность и хрупкость золотоордынского общества. Особенностью правовой системы Золотой Орды была неспособность интегрировать нормы публичного права со всеми другими обычными законами, которые существовали в этом обществе в то время.

Признанными источниками права Золотой Орды были обычное право, «Великая Яса» и предписания Чингисхана и других ханов. В дополнение к устным политическим традициям, восходящим к временам Джучи и Батые, эти законы регулировали широкий круг вопросов, касающихся порядка наследования власти, включая индивидуальное наследование племен, юрт, улусов, наследственные права некоторых ханов, правителей улусов, султанов на определенные части страны. В ходе своей истории она также испытала влияние правовой культуры государств уйгуров и Ляо, сформировав некоторые понятия, присущие их правовой культуре. Влияние Золотой Орды на развитие истории России стало не только катализатором становления российского самодержавия, но и оставило глубокий след на других институтах, придав им сильную «монгольскую окраску».

Ключевые слова: Яса Чингисхана, династия Юань, дуалистическая правовая система, Золотая Орда, обычное право, исламское право

蒙古法律制度在金帐汗国及元朝的表现形态 和历史影响比较研究

张世才

新疆大学历史学院

许多著作都致力于研究金帐汗国（Золотая Орда）的物质、政治和精神文化问题研究，而对其法律制度文化在很大程度上仍未深入探索。关于元朝（Империя Юань）的研究也存在相似的情况。金帐汗国给我们留下了大量有关法制的不同材料，这些材料引起了对该帝国实行的法律制度性质的不同意见和认识，如属于民族习俗和习惯的法典汇编性质的大札撒“Яса Чингисхана”在金帐汗国甚至之后的俄罗斯帝国时期还在一定范围内发挥作用，而在元朝仅在开国前与开国初采用过这些习惯法，随着国家机构的完备，在世祖至元十年，就在汉族官僚史天祥、姚枢等人协助下，制定了《新格》，又在英宗至治二年（1322），制定了《大元圣政国朝典章》六十卷，元典章虽保留了一些蒙古族固有的传统风俗习惯，同时也吸收了很多汉族的东西，将蒙古旧制与汉法相融合，这对于以后的《大元通制》的辑纂，亦具有重要的影响和作用。明朝建立后，明太祖朱元璋吸取元朝政治黑暗、法制败坏的教训，高度重视明朝基本法典《大明律》的制定与修订，《大明律》的篇章体例结构受到《元典章》的直接影响。而金帐汗国法律体系被俄罗斯学者定义为“游牧法”——指传统的习惯法制度，并且随着金帐汗国社会的变迁而由蒙古等游牧人群的习惯法加以补充。然而，只有在十二世纪末—十三世纪初，一群氏族和部落的习惯法才发展成为金帐汗国的法律规范，这既表达了金帐汗国社会的独特性，也表达了其脆弱性。金帐汗国法律制度的特殊之处在于未能将公法规范与当时存在于这个社会的所有其他习惯法融合起来。金帐汗国法律的公

认来源是习惯法、大札撒以及成吉思汗和其他大汗（可汗）的规定。除了源自术赤 jochi 和拔都 Batuhans 的口头政治传统外，这些法律还规定了与权力有关的广泛问题，包括个人继承部落，蒙古包，兀鲁斯的顺序，以及某些可汗和兀鲁斯苏丹对国家某些地区的世袭权利等。在其历史发展过程中又受到回鹘、辽国法律文化的影响，形成其法律文化中固有的一些概念。而金帐汗国统治对俄罗斯历史发展的影响，不仅仅表现在促进了俄罗斯专制制度的形成，也在其他制度层面上留下了深刻的烙印，使其蒙上了浓厚的“蒙古色彩”。

关键词：札撒；元朝二元法制；金帐汗国法；习惯法；伊斯兰法

THE TRANSLATION AND INTRODUCTION OF “THE ART OF WAR” IN THE RUSSIAN WORLD: ORIGIN, EVOLUTION AND PROSPECT

Guo Jiahe
Shenyang, China

As the ancestor of military books for hundreds of generations, *The Art of War* symbolizes the peak wisdom and strategy of ancient Chinese military thoughts, contains the positive core of Chinese excellent traditional culture, and has been the focus of Russian militarists and sinologists since ancient times. From the publication of Leondiyev's book "Chinese Thoughts" in 1772, that is, the first Russian translation of *The Art of War*, to the explosive output of network resources such as e-books, audio books, online corpora and special websites in the information age, showing a multi-modal communication trend, the translation and introduction of *The Art of War* in the Russian world roughly went through the early brief dissemination period (9th century? -1700), modern key translation and introduction period (1701-1916), modern detailed translation and annotation period (1917-2000) and new century translation and research integration period (2001-present). Its translation and introduction activities generally show the characteristics of different translation and introduction contents, numerous languages of original text, different types of translation and introduction subjects, distinct national characteristics of translators, multiple orientations of translation and introduction strategies, changing translation and introduction carriers with time and focusing on application in translation and introduction fields.

Key words: “The Art of War”; Russia; Sinology; Translation; Classics; Chinese culture

《孙子兵法》在俄语世界的译介：源流、嬗变与前瞻

郭佳贺
中国辽宁省沈阳市

作为百代谈兵之祖，《孙子兵法》象征着中国古代兵学思想的顶峰智略，蕴含着中华优秀传统文化的积极内核，从古至今一直是俄罗斯军事家与汉学家关注的焦点领域。从 1772 年列昂季耶夫著《中国思想》一书出版即《孙子兵法》首部俄译本问世伊始，到信息时代电子书、有声读物、在线语料库和专题网站等网络资源爆炸式输出并呈现多模态传播趋势为止，《孙子兵法》在俄语世界的译介大致历经早期简略传播时期（9 世纪？—1700 年）、近代重点译介时期（1701—1916 年）、现代详备译注时期（1917—2000 年）和新世纪译研融合时期（2001 年至今）四个阶段，其译介活动总体呈现出译介内容繁简不一、译介底本语种纷繁、译介主体类型各异、译者国别特点鲜明、译介策略多元取向、译介载体因时而变与译介领域侧重应用等特点。

一、早期简略传播时期（9 世纪？—1700 年）

《孙子兵法》在俄罗斯的流传由来已久。这一时期并无译本出现，仅有相关思想雏形与故事传说。

二、近代重点译介时期（1701—1916 年）

18世纪以来,《孙子兵法》在俄语世界的译介正式拉开帷幕。这一时期传教士、汉学家与军事家等各界人士纷纷开始译介兵书主要思想,并出版译本。遗憾之处是仅为缩简译本和节选译本,并无全文译本,且多从满语、法语转译而来,并无参照汉语底本。

三、现代详备译注时期(1917—2000年)

1917年十月革命以后,苏联开始着手对《孙子兵法》英译本进行研究,《孙子兵法》在俄语世界的译介开始由缩简译本和节选译本向全文译本、由他语转译向汉语直译过渡。这一时期跨度较大,译介作品层出不穷,但以汉语原本为底本的全文译本仍十分有限,1950年康拉德(Н. И. Конрад)译本的问世标志着《孙子兵法》在俄语世界的译介正式进入详备译注时期,不再仅局限于译介层面,而更注重全面研究。另外,以克平(К. Б. Кепинг)为代表的众多俄罗斯西夏学家相继开展《孙子兵法》西夏译本研究,成果丰硕,也是这一时期一大特色。十月革命结束后不久,俄罗斯人仍从法语等欧洲语种作品中译介《孙子兵法》。

四、新世纪译研融合时期(2001年至今)

新世纪以来,《孙子兵法》在俄语世界的译介迎来新的高潮,这一时期特点鲜明,各类应用类书籍层出不穷,合文本翻译与应用阐释为一体,或先译原文再作引申,或吸纳原则直接应用,涌现出众多新译本。各类插画书、有声读物、电子书、多语在线语料库、专题网站等网络资源爆炸式输出并呈现出多模态传播趋势,这与前三阶段存在本质区别。中国译者译本在这一时期才真正开始出现,发出中国声音,译介策略也逐渐由归化转向异化,倡导中华文化为主的立场。

五、结语

《孙子兵法》在俄语世界的译介大致历经早期简略传播时期(9世纪?—1700年)、近代重点译介时期(1701—1916年)、现代详备译注时期(1917—2000年)和新世纪译研融合时期(2001年至今)四个阶段。在译介历程中,多数作品仅仅出于介绍目的,并未起到翻译作用,据不完全统计,截止目前,《孙子兵法》俄译书籍共有62种(译本相同书籍不同视为两种,同一书籍多次再版视为一种),俄译本共有40种(不同书籍同一译者视为一种)。

《孙子兵法》在俄语世界的译介历史悠久、规模宏大,呈现出鲜明特点。一是译介内容繁简不一。二是译介底本语种纷繁。三是译介主体类型各异。四是译者国别特点鲜明。五是译介策略多元取向。六是译介载体因时而。七是译介领域侧重应用。

一部《孙子兵法》,半部中国兵学史。《孙子兵法》走出国门走向世界已逾千年,既完整实现国内历时传播,又顺利进行域外跨文化传播,它既是中华民族独有的文化遗产,也是世界人民共同的精神财富,这离不开翻译的转化作用和传递功能,更离不开译者的智慧创造和辛勤劳动。时至今日,《孙子兵法》在俄语世界的译介方兴未艾,而国内学者对《孙子兵法》俄译本的研究热情并不高涨,关注力度尚显不足,且目前仅有的4个中国译者译本影响有限、效果欠佳。中华典籍是中华民族文化之根,典籍外译是世界人民了解中国历史、领略中华文化的重要手段,中国译者应积极培养自身译介民族文化的使命感,修炼出深厚的古文功底和良好的文化素养,借助中华文化走出去战略,推动《孙子兵法》等中华典籍在世界范围内持续深入传播。

关键词: 孙子兵法; 俄罗斯; 汉学; 翻译; 典籍; 中华文化

FROM MOSCOW TO NANJING —NANJING WRITING BY YE ZHAOYAN UNDER THE INFLUENCE OF RUSSIAN LITERATURE

Li Lei

School of Literature, Lanzhou University, China

Ye Zhaoyan was born in a literary family. His grandfather, Ye Shengtao, was a famous writer in the history of modern literature. His father, Ye Zhicheng, was an important member of the literary group "Seeker". He was

also a well-known writer and literary editor. Such an environment gave Ye Zhaoyan a natural close relationship with literature and laid a foundation for his later creation. Gorky, Tolstoy and Chekhov have all accompanied Ye Zhaoyan for a long time. Russian literature, such as Resurrection, Wahika with Red Hair and Geneva Doctor, has a great influence on Ye Zhaoyan's literary world outlook, writing attitude, writing object and writing form. Ye Zhaoyan drew literary nutrition from Russian literature and laid a solid foundation for writing.

The Russian literary tradition of combining reality and romance has a great influence on Ye Zhaoyan. Historical legend and urban imagination converge in time and space, and the sense of history and reality overlap in Nanjing. In the great artists, realism and romanticism seem to be forever combined. No matter Gorky, Pushkin, Gogoli and other writers from romanticism to realism, or Tolstoy, Chekhov and other realistic writers in the strict sense, there is no lack of loud calls for a new life. The combination of reality and romance is highlighted in Ye Zhaoyan's works. The city imagination and historical legend create a unique Nanjing city. Ye Zhaoyan's imagination of Nanjing has a traditional classical cultural atmosphere, and also exudes a sense of fragmentation unique to the contemporary era, highlighting the unique sense of history and reality of Nanjing in the intersection of time and space. The Yifeng Gate, Yuejiang Tower, Sanren Car Shop, and Coffin Shop in Yifeng Gate witness the ups and downs of the fate of the city and its characters. The memory of multiple time and space is superimposed on an object or a building, bearing the bitter memory of the changes of dynasties and the difficulties of Nanjing. The imagination and presentation of Nanjing in history are not nostalgic for the past, but a question about the significance of urban development and social times. In memory of Nanjing, Ye Zhaoyan shaped history into a myth of individuals or groups, and expressed the communication and integration of traditional and modern cities from some "old" stories. This coincides with the Petersburg myth written by Pushkin in *The Bronze Knight*, which contains profound thinking on the road of national modernization.

Russia pays attention to folk cultural resources and writes folk culture, which coincides with the succession of Jiangnan literati. The combination of region and folk has become an important supporting point for Ye Zhaoyan's creation. Russian writers' love for folk literature is a tradition. There are a lot of folk culture elements in Igor's Expedition, especially in Gorky, Lemontov, Pushkin, Tolstoy and other works. Gorky's "The Cause of the Altamonovs" has written folk wedding songs. Ye Zhaoyan is imbued with Jiangnan culture with profound historical deposits. The unique narrative of local folk customs has become an indispensable element in Nanjing's writing. "How much is the difference between a bamboo pole and the moon?" "The little flower dog bit a pig's urine bubble" and other authentic dialects appear in Ye Zhaoyan's novels about the Republic of China. This kind of folk saying is easy to understand and clear, and it seems that there is a strong market atmosphere in the face. At the same time, through the delicate description of the catering culture, the cultural psychology and spirit of the citizens are restored, showing their appeal to folk culture. As a native of Nanjing, Ye Zhaoyan goes deep into the most traditional and regional cultural texture of the city. As a writer who writes about the city, he jumps out of the surface secular description, reflects on the subtle relationship between the city and people, and communicates with the city in a special way.

With the fate of the little people wont care social reality is the motivation of the writer, time focused on the bottom. Chekhov's influence on the Chinese new literature in two aspects, one is the reality of China's writers of Chekhov novels highly agree with critical, and this was the slogan of "literature for life" is closely linked; second, China's new literature with short stories as the main form, need a kind of artistic appeal and the thought of critical literature model, Chekhov's novels happened to fill the gap. Ye Zhaoyan referred to in and friends Yu Bin dialogue, "perhaps the influence of family, I always have in mind a concept, to write short, should learn Chekhov. "Ye Zhaoyan's nanjing city street, everywhere with his prose "in Nanjing to eat drink of Nanjing" Nanjing play "from the joy of Nanjing and the daily life of real record the city pattern in dealing with people. In "berth at night beside qinhuai" series of novels, Ye Zhaoyan underlying narrative writing and life, rejection of grand narrative, pay attention to daily life fragments, makes the expression of specific knowledge, Nanjing city as a city with a tradition of writing also provides another perspective. This kind of writing is not entirely out of politics and history, but in the grand background of grasp the underlying the fate of the people, from small characters convey a common sense in the fate of the ups and downs for the care of humanity.

Moscow is the "stay-at-home granny," the female temperament has been the focus of the city, Moscow is dominated by the "female" characteristics, and the characteristic of "male" in Petersburg. In Moscow, in the "war and peace", "happy baby treat women as Moscow's spirit works, etc. Similarly, Ye Zhaoyan's Nanjing also has a strong color of "female".

Ye Zhaoyan's novels reflect the female's self-awareness and the spirit of the rich world, "hou yi" the hanging of the green apple "in red shoes" and so on works create rich maternal glorious image of women; Jiangnan water negative cultural atmosphere are dense in Ye Zhaoyan works, classical insipid leisurely walking slowly from the book world.

Ye Zhaoyan influenced by Russian literature, his works will imagine romantic history and city combining the reality of broken it, pay attention to the mining of regional and folk culture, in depicting the fate of the little floating attention reality, Nanjing unique female temperament made wonderful Nanjing writing together.

从莫斯科到南京——俄罗斯文学影响下叶兆言的南京书写

李蕾

兰州大学文学院

叶兆言出身文学世家，祖父叶圣陶是现代文学史上著名的作家，父亲叶至诚是文学团体“探求者”的重要成员，同时也是知名的作家、文学编辑家等，这样的环境让叶兆言和文学有着天然的亲近关系，为其之后的创作也打下了基础。高尔基、托尔斯泰、契诃夫都陪伴叶兆言走过很长时间，《复活》《红头发瓦希卡》《日内瓦医生》等俄罗斯文学对其影响巨大，对叶兆言的文学世界观、写作姿态、写作对象、写作形式等方面都有重要影响。叶兆言从俄罗斯文学中汲取文学营养，为写作奠定了扎实的基础。

现实和浪漫的结合的俄罗斯文学传统对叶兆言有很大的影响，历史传奇和城市想象在时空中交汇，历史感和现实感叠加在南京城上。在伟大的艺术家们身上，现实主义和浪漫主义好像永远结合在一起，不论是高尔基、普希金、果戈里等从浪漫主义走向现实主义的作家，托尔斯泰和契诃夫等严格意义上的现实主义作家身上也不乏看到对新生活的高声呼唤。现实和浪漫的结合在叶兆言的作品中得以凸显，城市想象和历史传奇造就了独特的南京城市。叶兆言的南京想象有传统的古典文化气息，又处处散发着琐碎的当代独有的破碎感，在时空交汇中凸显出南京城独有的历史感和现实感。《仪凤之门》中的仪凤门、阅江楼、三仁车行、棺材铺等见证着城市和人物命运的浮沉，多重时空的记忆叠加在一件物件上或者一座建筑上，承载南京城朝代更迭、数次沧难的苦难记忆，历史南京的想象与呈现，并非为了怀旧而怀旧，而是对于城市发展以及社会时代的意义追问。怀念南京，叶兆言把历史塑造成个人或者集体的神话，从一些“老掉牙”的故事中表达传统和现代城市的沟通与融合问题。这和普希金在《青铜骑士》中书写的彼得堡神话不谋而合，都含有对国家现代化道路的深刻思考。

俄罗斯注重民间文化资源，书写民间文化，这和江南文人的一脉传承不谋而合，地域和民间的结合成为叶兆言创作的重要支撑点。俄罗斯的作家对于民间文学的喜爱是一种传统，在《伊戈尔远征记》中就有大量的民间文化的元素，在高尔基、莱蒙托夫、普希金、托尔斯泰等的创作中更是随处可见。高尔基的《阿尔塔莫诺夫家的事业》中就有对民间婚礼歌谣的书写。叶兆言浸染在历史底蕴厚重的江南文化中，地方民俗的独特叙事成为了南京书写中必不可少的元素。“竹竿去勾月亮，真不知要差多少”“小花狗咬到了猪尿泡”等地道的方言大量出现在叶兆言的民国题材小说中。这样的民间俗语通俗易懂、明白晓畅，读来仿佛有一股浓浓的市井气息扑面而来。同时通过对饮食文化的细腻描绘，对市民文化心理与精神进行了还原，表现其对民间文化的诉求。叶兆言作为土生土长的南京人，深入城市最传统也是最具地域特色的文化肌理，他又作为一名书写城市的作家，跳脱出表层的世俗描摹，反思城市与人的微妙关系，以特殊的方式与城市沟通交流。

以小人物的命运浮沉关照社会现实是作家创作的动机，时代命运集中在底层人民身上。契诃夫对中国新文学的影响是在两个层面展开的，一是中国的作家对契诃夫小说的现实批判性予以高度认同，这和当时的“文学为人生”的口号是息息相关的；二是中国新文学以短篇小说为主要形式，需要一种具有艺术感召力和思想批判性的文学范本，契诃夫小说恰巧填补了这份空白。叶兆言在和好友余斌的对谈中，提到“也许是家庭的影响，我脑子里面总有个概念，要写短篇，就该学契诃夫。”叶兆言笔下的南京城市处处氤氲着市井气息，他的散文《南京的吃》《南京的喝》《南京的玩》《南京的乐》更是从日常起居入手真实记录下城市与人的相处模式。在“夜泊秦淮”系列的小说中，叶兆言书写底层叙事和人生百态，排斥宏大叙事，关注日常生活碎片，使得南京城市的表达具体可感，为传统的城市书写也提供了另一种视角。这种书写并没有完全脱离政治和历史，而是在宏大的背景中抓住底层人民的命运，从小人物的命运沉浮中传达一种普遍意义上对于人性的关照。

莫斯科是“不爱出门的老大娘”，城市的女性气质一直被人们关注，莫斯科占主导的是其“女

性”特质，和彼得堡的“男性”特征相对立。在《战争与和平》《幸福的莫斯科娃》等作品中将女性作为莫斯科的精神载体。同样，叶兆言笔下的南京也是具有强烈的“女性”色彩。叶兆言的小说中体现女性的自我意识和丰富的精神世界，《后羿》《悬挂的绿苹果》《采红菱》等作品中都塑造出富有母性光辉的女性形象；江南水乡的阴性文化氛围氤氲在叶兆言的作品中，古典平淡悠闲的世界缓缓从书中走来。

叶兆言受俄罗斯文学的影响，其作品将历史想象的浪漫和城市现实的破碎现实相结合，注重地域与民间文化的挖掘，在描绘底层小人物的命运浮沉中关照现实，南京独特的女性气质共同成就了精彩的南京书写。

ON THE EPIC AND FOLK CHARACTER OF CHINESE BOTTOM NARRATIVE UNDER THE INFLUENCE OF RUSSIAN LITERATURE — CENTERED ON “HISTORY OF PEASANT ENTREPRENEURSHIP”, “THE ORDINARY WORLD” AND “A LIFELONG JOURNEY”

Zhong Zuliu

**Institute of Modern and Contemporary Chinese Literature,
School of Arts, Lanzhou University, China**

Russian literature has never been absent in the history of Chinese modern and contemporary literature, from the perspective of the influence of Russian literature on the Chinese underlying narrative, we can explore the poetic expression and folk character hidden in the novel, and see a different scenery. The profound history needs to be valued, and the folk survival image mixed with the epic character should not be ignored. In the dazzling shadow of *The Times*, the writing on the pain of the people at the bottom under the influence of Russian literature, as well as the writer's depiction of the people's livelihood, which shows the humanity, virtue and rationality of the people at the bottom, causes people to stop and think. The development of Russian literature has gone through many stages, with active literary thoughts, which have exerted profound influence on both Chinese literature and social reform, changed the development trajectory of contemporary Chinese literature, and made Chinese literature and Russian literature converge in terms of creative methods and aesthetic features. The Russo-Soviet literature has a strong sense of social distress and conveys the strong humanistic ideal of Russo-Soviet writers. The emphasis of Russian literature on the bottom writing, the promotion of the epic and folk character, the growth of human beings in the writing of suffering experiences under the grand narrative framework, and the expression of the promotion of human beauty have all been absorbed by Chinese writers in different degrees. Across China with the social development in the three most important underlying narrative works as the center, mining be latent in the Chinese literature of the underlying the good of humanity, to the underlying character of civil virtue, and the expression of human desire, the original sense of folk and publicity, can see the Russian literature on Chinese literature in the epic, aimed on the rendering of the enormous influence.

Liu Qing attached great importance to the study and research of theories and the Party's line, principles and policies, so he paid great attention to the study of Russian and Soviet literature and theoretical works. “Marx and Engels on Art”, “Dialectical Materialism” edited by Aleksandrov of the Soviet Union, “Historical Materialism” edited by Konshidanov, “Critique of the Gotha Program” edited by Marx, “State and Revolution” edited by Lenin, etc. These are the important theoretical works by which Liu Qing focuses on the study of class and state, social revolution, and the role of the masses and individuals in history. After a visit to the Soviet Union for more than two months, Liu was inspired to write a “history” of the Communist Party of China leading Chinese peasants to “get rich”.

The influence of Russian and Soviet literature on Chen Zhongshi is also obvious. There are many factors that contribute to the success of “The Ordinary World”, among which moral factors cannot be ignored. The traditional culture and the enlightening rational culture of the West have some influences on the moral resources of the novel, but more of them come from the exploration of the moral themes in the Russian and Soviet literature. There are many Russian and Soviet writers involved here, but in terms of influence, Tolstoy's “moral self-improvement” behavior in *War and Peace*, and Ny Ostrovsky's collectivism and selfless dedication in *How the Steel Was Tempered*. And Aitmatov's humanitarian concern for the weak in *The White Ship*. These moral resources constitute the moral theme expressed in the *Ordinary World*, which gives the work a kind of profound and majestic moral shock.

When Liang Xiaosheng was young, the only foreign literature he could publicly contact was Russo-Soviet literature. He had a preference for Russo-Soviet literature and expressed his respect for Russian literature for many

times. Liang Xiaosheng is a writer who always promotes the spirit of idealism, which is particularly prominent in his literary creation of educated youth. The Russo-Soviet literary classics are the important spiritual source of Liang Xiaosheng's idealism, which makes his works possess an elitist tragic spirit. In the face of the reality of material expansion, how to extend idealism, Liang Xiaosheng found the way of the spirit of the people, to create the ideal of the people and the ideal of the people. The Human World, created in 2018, is Liang Xiaosheng's comprehensive expression and reflection on idealism, and its strengthened humanitarianism has made the most accurate understanding of people's nature. The novel begins with an account of how the protagonists' minds are opened by reading literature. They often get together at Zhou's house and read "War and Peace", "Tess of the D'Urbervilles", "The Red and the Black" and other famous works to each other, and discuss their views and experiences on the works. Liang Xiaosheng wrote in detail about their discussion of literary works in almost one chapter. The description of this scenario has two main points. The first is the emphasis on Russo-Soviet literature, which also confirms the profound influence of Russo-Soviet literature on Liang Xiaosheng as I mentioned above. The second is the emphasis on humanitarianism. For example, Cai Xiaoguang, the character in the novel, believes that War and Peace should be understood as a literary work reflecting the relationship between war and human beings. The Quiet Don River by Sholokhov is greatly influenced by War and Peace, and can also be understood as a novel reflecting revolution and human beings. In the discussion of Yershov Brothers, Mr. Zhou defended Sergei, a soldier who had been captured in the book.

It is the tradition of Russian literature to reflect the reality, emphasize social responsibility, and convey love and warmth while writing about suffering. In the continuous learning and absorption, this has also become the representation of the underlying narrative in China. When describing the living situation and spiritual state of contemporary people, they strive to create characters who abide by traditional human nature and show the shining spiritual style of ordinary people, which is not only the real cognition conveyed to readers by the three works, but also the direct proof of Russian literature in the development of Chinese literature. Just like Liu Qing, Lu Yao and Liang Xiaosheng, who studied novels under the influence of Russian literature, the historical character and folk character of the underlying narrative under the influence of Russian literature in the development of Chinese modern literature should also arouse our thinking. Understratum narration for close to the life is too mundane, make its work is given priority to with no critical exposure is tonal, let us see more is cold and pain in life, sigh and numb, and those who call for love, beauty, see light, has a positive spiritual value is for good strength, can give people hope and exciting works of warm color attune is rare. The bottom narrative records the development and changes of China in the past decades. In the history of Haikou and sinking, the groups living in the bottom have the opportunity to be known to the readers. Just as the Russian literature conveys: the humiliation, suffering and struggle of the bottom group may be the key to social development and national rise.

论俄罗斯文学影响下中国底层叙事的史诗性与民间性 ——以《创业史》《平凡的世界》与《人世间》为中心

钟祖流

兰州大学文学院

俄罗斯文学在中国现当代文学的发展史上从未缺席，从俄罗斯文学对中国底层叙事的影响角度探求潜隐于小说内部的史诗性表达和民间性，可以看到别样风景。厚重的历史需要被重视，与史诗性交糅在一起的民间生存镜像也不应被忽视。时代炫影中，深受俄罗斯文学影响下的对底层群民阵痛的书写，以及作家对民生图景绘制时表现底层群民的人性、德性与理性引发人们驻足思考。俄罗斯文学发展经过多个阶段，文学思潮活跃，对中国文学与社会变革均产生深刻影响，改变着中国当代文学的发展轨迹，使得中国文学和俄罗斯文学在创作方法和美学特征上趋同。俄苏文学具有浓烈的社会忧患意识，传递出俄苏作家强烈的人文理想。俄罗斯文学对底层书写的重视，对史诗性与民间性的弘扬，在宏大叙事架构下书写苦难经历中人的成长，以及表达对人性美的弘扬等都被中国作家在不同程度予以吸收。以《创业史》《平凡的世界》与《人世间》横跨中国社会发展中最重要的一部底层叙事作品为中心，挖掘中国文学作品蕴蓄的底层人性的美好、底层人物对民间德性的坚守，以及对人性欲望、民间原始正义感的表达与张扬，能够看到俄罗斯文学对中国文学在史诗性、民间性等呈现上的巨大影响力。

柳青非常重视理论和党的路线、方针、政策的学习和研究，因此十分注重对俄苏文学与理论著述的涉猎，《马克思恩格斯论艺术》、苏联亚历山大罗夫主编的《辩证唯物主义》、康士但丁诺夫主编的《历史唯物主义》马克思的《哥达纲领批判》、列宁的《国家与革命》等，是柳青借以着重研究阶级和国家、社会革命、人民群众和个人在历史上的作用等问题的重要理论著述。在苏联访问两个多月归国后，柳青便萌生要书写一部中国共产党带领中国农民“创业”之“史”，《创业史》也由此诞生。

俄苏文学对陈忠实的影响也很明显，《平凡的世界》取得成功的因素有很多，其中道德因素不容忽视。传统文化和西方的启蒙理性文化对小说的这种道德资源有部分影响，但更多则来自对俄苏文学中有关道德主题探索的汲取。这里涉及到的俄苏作家很多，但就影响程度来讲，以托尔斯泰在《战争与和平》中人物所表现出来的“道德自我完善”行为、尼·奥斯特洛夫斯基在《钢铁是怎样炼成的》中所表现出来的集体主义观念和无私奉献精神，以及艾特玛托夫在《白轮船》中所表现出来的关心弱者的人道主义情怀等最大。这些道德资源构成了《平凡的世界》中所表现的道德主题，从而使作品具有了一种沉郁雄浑、大气磅礴的道德震撼力。

梁晓声的少年时期能够公开接触到的外国文学作品几乎只有俄苏文学，他对俄苏文学有一种偏爱，曾多次表达对俄罗斯文学的敬意。梁晓声是一位始终高扬着理想主义精神的作家，这在他的知青文学创作中表现得特别突出。俄苏文学经典是梁晓声理想主义的重要精神源头，使他的作品具有一种精英化的悲剧精神。在物欲膨胀的现实面前，如何延伸理想主义，梁晓声找到了平民精神的途径，创造出平民化的理想和理想化的平民。2018年创作的《人世间》是梁晓声对理想主义的全面表白和反省，其强化的人道主义，对人民性作出了最准确的理解。小说一开始就写到了主人公们是如何在阅读文学作品中开启心智的。他们常常聚在周家，互相朗读“《战争与和平》《德伯家的苔丝》《红与黑》等名著”，也互相讨论他们对作品的看法和体会。梁晓声几乎在一个章节中详细写了他们讨论文学作品的情景。这一情景的描述有两个重点。其一是对俄苏文学的强调，这也印证了我在前面所述的俄苏文学对梁晓声的深远影响。其二是对人道主义的强调。比如蔡晓光认为应该把《战争与和平》理解为一部反映战争与人的关系的文学著作，肖洛霍夫的《静静的顿河》受《战争与和平》的影响很大，也可以理解为反映革命与人的小说。周秉昆则在大家讨论《叶尔绍夫兄弟》时为书中的有过被俘经历的士兵谢尔盖辩护。

反映现实，强调社会责任感，书写苦难的同时不忘传递爱与温暖，是俄罗斯文学的传统，在不断的借鉴吸收中这也成为了中国底层叙事的表征。在描写当代人的生存境遇和精神状态时，着力塑造恪守传统人性的人物形象，展示普通人身上闪光的精神风貌，这既是三部作品传递给读者的真切认知，同时也是俄罗斯文学在中国文学发展历程中的直接证明。就像柳青、路遥、梁晓声三位作家在俄罗斯文学的影响下借小说进行省察一般，中国现代文学发展路程中受俄罗斯文学影响下的底层叙事的史诗性与民间性也应当引起我们的思考。底层叙事因贴近生活而过于现世，使其作品以无批判的暴露为主色调，让我们看到更多的是生活中的冰冷与疼痛、叹息与麻木，而那些呼唤爱、表现美、看取光明、引人向善的具有正面精神价值力量，能给人希望与振奋的暖色调作品却难得一见。底层叙事记录了数十年来中国的发展变迁，在史海钩沉中使长在民间、活在底层的群体有了为读者所知的机会。恰如俄罗斯文学传递出的：底层群体的屈辱、受难与抗争也许才是社会发展、民族崛起的关键。

THE RUSSIAN DIASPORA IN XINJIANG IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: ACHIEVEMENTS, SPECIFICS, RESEARCH PROBLEMS

Elena N. Nazemtseva

**Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, China Department,
Moscow, Russia**

The history of the Russian diaspora in Xinjiang remained closed to researchers for a long time due to the

lack of access to archival materials and the ban on wide coverage of events of particular importance for Soviet-Chinese relations. Meanwhile, both in Russian pre-revolutionary historiography and in Soviet historical science, the study of this region has always taken place.

In pre-revolutionary historiography, the topic of Russians was raised in the works of military orientalists, diplomats, and travelers. In Soviet historiography, attention was paid to the characteristics of the life and activities of representatives of the White emigration from the standpoint of the fight against the "anti-Soviet underground". In the post-Soviet period, with the opening of archives and the theme of Xinjiang in Soviet-Chinese relations, the history of the Russian diaspora in this province of China received new coverage.

Russian emigration in Xinjiang was one of the first authors to draw attention to the topic of Russian emigration in Xinjiang, V.A. Barmin, who described the activities of Russian White Guards in 1920-1921, as well as the role of Russian emigrants in the uprising of the Muslim peoples of Xinjiang in 1931-1934, as part of his study of Soviet-Chinese relations.

Russian Abroad publications appeared in the periodical press covering the issues of Russians in Xinjiang in the 1990s - early 2000s in connection with the development of the Russian historiography of the topic of the Russian Abroad.

The study of this topic involves relying on materials from Russian and foreign state and departmental archives. Such documents were introduced into scientific circulation by N.N. Ablazhey, A.V. Ganin, E.N. Nazemtseva, S.V. Smirnov.

At the same time, there are a number of serious problems in the study of this topic: it is actively exploited by various scientific authors, non-professional researchers; a serious factor hindering further developments in this area continues to be limited access to documents of Russian archives, the unavailability of foreign archival databases.

РУССКАЯ ДИАСПОРА В СИНЬЦЗЯНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. Н. Наземцева

Отдел Китая Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия

История русской диаспоры в Синьцзяне долгое время оставалась закрытой для исследователей в силу отсутствия доступа к архивным материалам и запрета на широкое освещение событий, имеющих особое значение для советско-китайских отношений. Между тем и в российской дореволюционной историографии, и в советской исторической науке изучение данного региона имело место всегда.

В дореволюционной историографии тема русских поднималась в трудах военных востоковедов, дипломатов, путешественников. В советской историографии внимание уделялось характеристике жизни и деятельности представителей Белой эмиграции с позиций борьбы с «антисоветским подпольем». В постсоветский период с открытием архивов и темы Синьцзяна в советско-китайских отношениях история русской диаспоры в этой провинции Китая получила новое освещение.

Одним из первых авторов, обративших внимание на тему русской эмиграции в Синьцзяне, стал В. А. Бармин, охарактеризовавший в рамках своего исследования советско-китайских отношений деятельность русских белогвардейцев в 1920-1921 гг., а также роль русских эмигрантов в восстании мусульманских народов Синьцзяна в 1931–1934 г.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в связи с развитием в российской историографии темы Русского Зарубежья появились публикации в периодической печати, освещавшие вопросы русских в Синьцзяне.

Изучение данной темы предполагает опору на материалы российских и зарубежных государственных и ведомственных архивов. Такие документы были введены в научный оборот Н. Н. Аблажей, А. В. Ганиным, Е. Н. Наземцевой, С. В. Смирновым.

В то же время в исследовании данной темы существует ряд серьезных проблем: она активно эксплуатируется различными околону научными авторами, непрофессиональными исследователями; серьезным фактором, препятствующим дальнейшим разработкам в этой области, продолжает оставаться ограниченный доступ к документам российских архивов, недоступность зарубежных архивных баз.

О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА ЧАН КАЙШИ НА ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СИНЬЦЗЯНА И СССР

В. А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

В день 12 апреля 1927 г. главнокомандующий армией Республики Китай и лидер правого крыла революционной партии Гомиьндан, Чан Кайши, напуганный ростом влияния коммунистов в армии и правительстве, совершил военный переворот. Сам будущий генералиссимус характеризовал свои действия как «спасение революции» и «воспрепятствование подрывной деятельности и предательства коммунистов» [Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши), 2009, с. 66]. В результате переворота он не только узурпировал власть в партии и правительстве, но и резко изменил внешнеполитический курс Китая, после чего антисоветизм стал по существу официальной государственной доктриной. Следствием этого стало то, что начали сворачиваться все виды советско-китайского сотрудничества. Требование прекратить все экономические связи с Советским Союзом получили и власти Синьцзяна. Однако сотрудники советского внешнеполитического ведомства были уверены, что в отношениях СССР и Синьцзяна, скорее всего, не произойдет кардинальных изменений, и экономические связи в основном будут сохранены.

Представитель НКВД в Ташкенте А. Знаменский писал по этому поводу Г. В. Чичерину и Л. М. Карахану 6 июня 1928 г., что крупного перелома в положении по Западному Китаю и нашей в нем деятельности не произойдет. А в «информзаписке», подготовленной отделом Среднего Востока для руководства НКВД и датированной апрелем 1928 г., подчеркивалось, что руководители Синьцзяна уверены: «... Советский Союз не имеет интересов вторжения в Западный Китай... Наоборот, с советской стороны отмечалось прямое стремление сохранить целостность, спокойствие и неприкосновенность этой провинции Китайской Республики. Вот почему, при наличии ряда дополнительных условий, до момента получения Китаем устойчивой формы своего государственного порядка – администрация в Урумчи должна придерживаться ориентации на Советский Союз».

И А. Знаменский, и его коллеги оказались совершенно правы. Требования нанкинских властей к руководству Синьцзяна последним были не только откровенно проигнорированы, но и публично осуждены. Такая жесткая позиция правительства провинции объяснялась не только традиционной самостоятельностью в вопросах взаимоотношений с Россией, но и полным осознанием губительных последствий для Синьцзяна и его населения разрыва экономических отношений с советским государством. Генеральный консул СССР в Синьцзяне Гавро информировал Комиссариат по иностранным делам о своем разговоре с *дучжоном* (губернатором провинции – В. Б.), в ходе которого последний сообщил ему, что никакие приказы, идущие вразрез с интересами Синьцзяна, он выполнять не будет. Ян Цзэнсинь подчеркнул, что правительство Синьцзяна не только не намерено выполнять указания центра о разрыве отношений с Советским Союзом, но более того, намеревается «...укрепить еще больше нашу дружбу и отстранить все, что может ей помешать».

Таким образом, прогнозы советских дипломатов полностью подтвердились. Правительство Синьцзяна не только не выполнило требования центра о полном разрыве дипломатических и хозяйственных связей с СССР, но и в целях укрепления доверия между сторонами провело несколько неординарных акций. В частности, в Урумчи были освобождены три советских гражданина, задержанных в Алтае и препровожденных сюда в виду подозрений в шпионаже. В Кашгаре тоже по приказу дучжоу были освобождены арестованные там купцы.

Литература

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае: Воспоминания и размышления в 70 лет / Пер. с англ., кит. и нем.; науч. ред. и вступ. ст. А. В. Панцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. 440 с.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ НА КВЖД В 1929 ГОДУ В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ»

Е. В. Карпенко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Конфликт с Китаем в 1929 г. на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД) является одним из крупных военных столкновений двух государств. Доклад посвящен истории советско-китайского кон-

фликта в материалах газеты «Советская Сибирь». До осени 1929 г. новости о советско-китайском конфликте занимали до половины первой страницы газеты. Постепенно, к ноябрю того же года, информация о событиях на КВЖД отходит на второстепенный план, но практически в каждом номере представлены сообщения о ходе конфликта. В конце ноября новости из района советско-китайского конфликта снова выходят на первый план. Сообщения о столкновении в районе станции Иман, уничтожении «белокитайцев и белобандитов» и о погибших красноармейцах печатаются в «Советской Сибири» регулярно вплоть до окончания конфликта в декабре 1929 г.

Анализ материала газеты «Советская Сибирь» за период с июля по декабрь 1929 г. (свыше 150 выпусков газеты) позволяет выделить несколько направлений, по которым осуществлялась подача новостей о состоянии конфликта на КВЖД. Важным информационным источником являются многочисленные карикатуры, представленные в газете. «Советская Сибирь» содержала весьма скудные информационные сообщения о конфликте (территории столкновений, число погибших и раненых и пр.). Основная линия газеты в освещении советско-китайского конфликта касалась возможности переговоров и реакции западных держав на события на КВЖД. Значительную часть материалов занимали сообщения о всесторонней поддержке советского народа линии правительства (о потоках добровольных займов, помощи семьям красноармейцев и т. п.). Четкое разделение на страницах газеты миролюбивого китайского народа и «белокитайцев», которые поддерживают белогвардейские банды, позволило избежать негативного отношения сибиряков к китайцам.

В целом, актуальность советско-китайского конфликта для сибиряков была очевидна, что отражено на страницах местной периодической печати. «Советская Сибирь» акцентировала внимание на «белогвардейской» и империалистической сути конфликта, подчеркивая миролюбие китайского народа (рабочих и крестьян). На страницах газеты был создан образ империалистического нанкинского правительства, которое является марионеткой в руках Запада и используется белогвардейскими бандами Маньчжурии для реализации планов «белого реванша» на советской территории.

RUSSO-SOVIET FACTORS IN THE COURSE OF MODERN AND CONTEMPORARY CHINESE HISTORY: TAKING GUO MORUO'S LITERATURE AND HISTORICAL MATERIALS AS AN EXAMPLE

Zhou Qian
Lanzhou University, China

Since the new culture movement in the period of May 4th movement, the theory of the Soviet ideology, values, revolutionary experience pouring in China, as China's important thought in the process of the whole modernization drive component of cultural construction and resource, economic, political, cultural, social construction, ideological liberation and the value orientation and so on various aspects, have had a profound and lasting impact. In the whole process of modern and contemporary history of China in the 20th century, the exchanges with Russia and the Soviet Union in various fields, as well as the evolution of political and diplomatic relations with Russia and the Soviet Union, have directly affected and reflected every change and progress of Chinese society. Therefore, by examining the Russia-Soviet factors in the process of modern and contemporary Chinese history, especially the factors from Russia and the Soviet Union that play an important role in social construction and cultural thoughts, this paper aims to observe and reflect the communication and contact between China and the Soviet Union in these fields. From this angle to explore the development and change of Chinese society, looking back at the course of modernization construction, for the summary of historical experience and lessons, as well as the correct understanding and response to the current problems are of positive significance.

In the 20th century, Guo Moruo played an important role in the relations and exchanges between China and the Soviet Union. Firstly, as an important writer of modern Chinese literature who grew up after the New Culture Movement, he was one of the first modern intellectuals to come into contact with the thoughts and theories of Russia and the Soviet Union. His learning of the experience of the Russian October Revolution, a major historical event, and his acceptance and understanding of Leninism were all integrated into his poetry creation and article comments, especially among the progressive intellectuals and students at that time, which had a wide social impact.

Since Guo Moruo in academic reputation and great social influence, become after Lu Xun, "the glorious flag again on China's cultural front", as a cultural flag bearer to actively participate in social revolution and social construction, and further study the Soviet experience, practical for the Chinese society in the modern transformation period, ideological and spiritual culture construction to contribute. During the war of Resistance Against Japan, Guo Moruo actively promoted cultural exchanges between China and the Soviet Union, increased correspondence and telegraphs with all sectors of the Soviet Union, contributed articles to the magazine "Sino-Soviet

Culture", participated in the commemoration of the October Revolution and the commemoration of important writers such as Gorky and Tolstoy, and delivered poems and speeches for this purpose. Frequent communication with people from all walks of life in the Soviet Union and the experience of visiting the Soviet Union in 1945 gave him a deeper understanding and cognition of the social system and cultural accumulation of the Soviet Union. He recorded his experience in various documents and letters and travel notes of the Soviet Union, creating the "image of the Soviet Union" in Guo Moruo's vision. The study of these written materials has become an important way to touch the connection between China and the Soviet Union during the Anti-Japanese War and to understand the mentality of the intellectuals towards the Soviet Union at that time.

After the founding of the People's Republic of China, Guo Moruo became one of the important figures in the cultural circle. His since written material is given priority to with his literary creation in the present a view of the Soviet union, not only reflect his personal likes and dislikes, but shows along with the development of the historical evolution and the changeable international situation, the adaptation of the People's Republic of China in different historical periods to Soviet policy, also reflects the Chinese culture to the mainstream of cognitive and emotional experience of the Soviet union. After the founding of the People's Republic of China, Guo Moruo held many posts, which meant that he was an important figure in politics, the first president of the Academy of Sciences, a standard-bearer in the cultural field, a well-known envoy in the diplomatic field and so on. These identities and positions enable him to be deeply involved in politics, science, culture, diplomacy and other fields, and also enable him to have a more comprehensive and in-depth understanding of the changes in the social status quo and the influence of international relations in the process of China's modern social construction. Therefore, when he participated in the cultural cooperation between China and the Soviet Union as an important figure in the Chinese cultural field and a diplomatic envoy, and witnessed the ideological and cultural exchanges between the two countries, he would get a more intuitive and profound feeling of the guiding role and deep and wide influence of the powerful neighboring Soviet Union in the social construction of China. This kind of cognition and feeling permeated in all kinds of articles he wrote, which not only revealed his personal views and attitudes towards the Soviet Union, but also reflected the historical scene and social reality at that time to a certain extent.

At the same time, Guo Moruo has always maintained a firm stand to defend China's dignity and interests. The adjustment and change of China's policy towards the Soviet Union directly affected his attitude towards the Soviet Union and was directly reflected in his behavior and expression. In a certain sense, due to Guo Moruo's special status, his words and deeds, attitude and written expression will release the signal of policy and situation change, and have a certain publicity effect. After the breakdown of Sino-Soviet relations, Guo Moruo participated in the criticism of the Soviet Union for example.

Guo Moruo played multiple important roles in the process of Chinese modern and contemporary history, and made indelible contributions to the construction of Chinese modern society, the construction of socialist ideology, the development of scientific and cultural undertakings and foreign exchanges. Taking Guo Moruo's literature and history materials related to Russia and Soviet Union and Sino-Soviet relations as the research object, taking his reception of Russian and Soviet ideology and culture, his perception of Soviet experience and social system, and his attitude to Sino-Soviet cultural exchange as the breakthrough point, we can effectively investigate the influence factors originating from Russia and Soviet Union in the historical process of China's social development. With the support of historical materials, restoring the historical scene, not only in the political and diplomatic level, but also in the deep spiritual and cultural level, to explore the real Sino-Soviet relations at that time, and draw historical experience from it, in order to provide an enlightenment for the development of Sino-Russian relations in the future.

中国现当代历史进程中的俄苏因素 ——以郭沫若相关文史材料研究为例

周 倩
兰州大学

自“五四”时期的新文化运动以来，俄苏的理论思想、价值观念、革命经验源源不断地涌入中国，成为中国整个现代化进程中重要的思想组成部分和文化建构资源，在经济、政治、文化、社会建设、思想解放和价值导向等各方面，都产生了极为深远且具有持续性的重大影响。在 20 世纪中国整个现当代历史进程中，与俄苏之间在各个不同领域的交流互通，以及与俄苏政治外交关

系的嬗变，其影响都直接作用并反映于中国社会的每一次变革与进步。因此，通过考察中国现当代历史进程中的俄苏因素，尤其是在社会建设、文化思想方面占据重要位置的来自俄苏的影响因子，以此观照在这些领域中中苏之间的交流与联系。从这一角度来探究中国社会的发展变化，回望现代化的建设历程，对于总结历史经验教训，以及正确认识和应对当下的现实问题都具有积极意义。

在 20 世纪的中苏联系与交流中，郭沫若曾担任了一个重要的角色，发挥了不可忽视的作用。首先作为新文化运动之后成长起来的中国现代文学重要作家，他是最先接触到俄苏思想理论的现代知识分子之一。他对俄国十月革命这一重大历史事件的经验汲取，对列宁主义的接收领悟，都融汇于他的诗歌创作和文章评论中，尤其在当时的进步知识分子群体及学生群体中产生了广泛的社会影响。

此后郭沫若凭借在学界的声誉及巨大的社会影响力，成为继鲁迅之后“我国文化战线上又一面光辉的旗帜”，以文化旗手的身份积极参与社会革命与社会建设，更加深入地学习苏联经验，切实为中国社会在现代转型时期，思想意识及精神文化的重新建构做出贡献。抗战时期，郭沫若积极推动中苏之间的文化交流，与苏联各界的往来函电增多，为《中苏文化》杂志撰稿，参加纪念十月革命以及纪念高尔基、托尔斯泰等重要作家的大会，并为此发表诗歌和演讲。与苏联各界人士的频繁交流及 1945 年出访苏联的经历，让他对苏联的社会体制和文化积淀有了更加深入的了解和认知，他将自己的心得体验如实记录于各类文稿信件及游记《苏联纪行》中，塑造出郭沫若视野中的“苏联形象”。对这些文字材料的研究，成为触及抗战时期中苏之间的联系，理解当时知识分子群体对苏联抱有的心态的重要路径。

在新中国成立后，郭沫若成为文化界的重要人物之一。自此以其文学创作为主的文字材料中所呈现出的苏联观，都不仅仅体现出他个人的好恶，而是展现了随着历史的发展演变以及国际局势的风云变幻，新中国在不同历史时期不断调整的对苏方针，也反映出当时的中国文化界对苏联的主流认知与情感体验。郭沫若在建国后身兼多职，这意味着他同时拥有政界重要人物、科学院首位院长、文化界标杆旗手、外交界知名使者等诸多身份。这些身份与职务使得他能够广泛深入到政治、科学、文化、外交等诸多领域，也使得他对中国现代社会建设进程中，社会现状的变动及国际关系的影响，都能够及时获得较为全面而深入的认知。因此当他以中国文化界的重要人物和外交使者的双重身份投入到中苏两国文化领域的合作，亲历两国之间的思想文化交流，对苏联这个强大的邻国在中国社会建设中所产生的引导作用和深广影响，会获得更为直观而深刻的感受。这种认知与感受渗透在他所写下的各类文章中，不仅透露出他个人对苏联的看法和态度，也在一定程度上反映当时的历史现场与社会真实。

与此同时，郭沫若也始终葆有捍卫中国尊严及利益的坚定立场。中方对苏方针的调整与变化，直接影响到他对苏联的态度，也直接体现于他的行为和表达中。在一定意义上，由于郭沫若的特殊身份，他的言行态度及文字表达都会释放出政策及形势变动的信号，并具有一定的宣传效应。在中苏关系破裂之后，郭沫若参与到对苏联的批判中即为例证。

郭沫若在中国现当代历史进程中扮演多重重要身份，在中国现代社会建设、社会主义思想意识的建构、科学文化事业的发展以及对外交流方面都作出了不可磨灭的贡献。以郭沫若涉及俄苏及中苏关系的文史材料为研究对象，将他对俄苏思想文化的接收、对苏联经验与社会体制的观感、对中苏文化交流的态度作为突破口，能够切实考察出在中国社会发展的历史进程中源自俄苏的影响因子。以史料为支撑，还原历史现场，不仅在政治外交层面，也在深层次的精神文化层面，探知当时真实的中苏关系，并从中汲取历史经验，以求对今后中俄关系的发展作一启示。

ROMANIZATION OF CHINESE WRITING IN THE USSR

Dina E. Kulebyakina
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The article deals with the creation and application of the Chinese Romanized alphabet in the USSR in the 1930s, a brief historical review of events related to this process is given. The main reasons for the failure of the application of the Latinized system are pointed out.

Key words: Romanization; Soviet Union; New Alphabet; Chinese script; V. M. Alexeev

ЛАТИНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СССР

Д. Е. Кулебякина
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

В начале XX века повсеместно популяризировалась идея замены китайских письменных знаков, фонетическим алфавитом – латинизации китайской письменности, что обуславливалось трудностью усвоения многочисленных иероглифов, сложностью их написания, и как следствие низким уровнем грамотности среди населения Китая и китайских трудовых мигрантов, проживающих на территории Советского союза.

Создание латинизированного алфавита китайского языка в первую очередь ставило своей задачей повышение общего уровня грамотности, но не редко данная задача приобретала политическую окраску. Применение новой фонетической системы руководством Советского Союза представляло как средство развития культурно-политического уровня китайских трудящихся, с целью сознательного участия в социалистическом строительстве [Сердюченко, 1959. С. 5].

Непосредственная работа по созданию китайского латинизированного алфавита, в рамках общесоюзного процесса латинизации, началась в конце 1920-х гг. Благодаря скоординированным усилиям таких выдающихся советских и китайских синологов, как В. М. Алексеев, А. А. Драгунов, Ю. К. Щуцкий, и А. Г. Шпринцин, Цюй Цюбай, У Юйчжан, Линь Боцой, Эми Сяо, Сюй Тэли, основная работа по созданию китайского латинизированного алфавита была завершена к 1931 г. [Алексеев, 1932. С. 20].

В октябре 1931 г. на первой конференции по латинизации китайской письменности в г. Владивостоке был создан Комитет китайского латинизированного алфавита, преобразованный в 1932 г. в Дальневосточный комитет нового алфавита при президиуме Дальневосточного краевого исполнительного комитета [Дацишен, 2008. С. 163].

Уже концу 1931 г. были подготовлены первые издания: «Китайско-русский латинизированный иероглифический словарь», «Букварь для начальной школы», «На фронте латинизации», «Как живут китайские крестьяне» [Алексеев, 1932. С. 34].

Следует отметить, что уже с первых лет применения китайского латинизированного алфавита на территории Советского Союза стали проявляться множественные недостатки в работе исполнительных органов. Нередко преподавание латинизированной китайской письменности в учебных заведениях для китайского населения формально проводилось, фактически же – нет, в связи со слабым административным руководством и зачастую отсутствием финансирования [Алпатов, 2013. С. 276].

Представляется вполне очевидным, что реализация китайского латинизированного алфавита на территории Советского Союза велась весьма слабо, что обуславливалось, главным образом, отсутствием квалифицированных кадров, ненадлежащей работой на местах, а также недооценкой применения латинизированной системы, в общем. Организаторам так и удалось наладить эффективную работу по реализации китайского латинизированного алфавита.

В новых исторических условиях, в связи с утратой актуальности, китайский латинизированный алфавит оказался ненужным, впоследствии, по решению руководства Советского союза, почти все языки народов СССР были переведены на кириллицу.

На современном этапе динамического развития международных отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики обращение к историческому опыту представляет возможность более глубокого осмысления накопленного опыта, что в свою очередь способствует более эффективному решению сегодняшних задач.

Литература

Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 178 с.

Алпатов В. М. Размышления над книгой В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2013. С. 271–285.

Дацзышен В. Г. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 2008. № 3 (61). С. 160–169.

Сердюченко Г. П. Китайская письменность и ее реформа М.: ИВ АН СССР, 1959. 55 с.

Ключевые слова: латинизация, Советский Союз, Новый алфавит, китайская письменность, В. М. Алексеев.

VISITING THE “ELDER BROTHER”: EVERYDAY LIFE OF CHINESE TRAINERS IN KHARKIV (1957-1958)

Karina A. Khasnulina

Leipzig University, ReCentGlobe, Germany; Novosibirsk State University, Russia

The Luoyang First Tractor Plant manufactured the first Chinese tractor, Dong Fang Hong, or "the East is red," in 1958. Being a copy of the Soviet DT-54 tractor, the Dong Fang Hong owes its existence to the "156 Projects", the Soviet assistance program for the building of Chinese heavy industry enterprises during the first five-year plan (1953-1957) (沈志华, 2003; Мамаева и др., 2018). Sino-Soviet cooperation involved the design of the First tractor plant, the provision of equipment, and the dispatch of Soviet experts to Luoyang and the training of young Chinese specialists in the Kharkiv tractor plant. In 1956, more than a hundred selected and trained young Chinese people and one woman went to enact the slogan "Learn from the elder brother, the Soviet Union" (向苏联老大哥学习). This paper investigates the everyday life of those young Chinese people in Kharkiv. While the previous historical inquiry focuses mostly on Chinese students in the Soviet Union (姚芳, 2002; McGuire, 2017; You, 2019), it leaves questions regarding the experience of Chinese engineers and skilled workers in the Soviet factory.

Based on a large corpus of unpublished materials, including memoirs and interviews with individuals who have visited Kharkiv, archival documents, as well as the press ("Socialist Kharkiv," "Red Flag," etc.), this work analyzes the experience of the life of a Chinese community in Kharkiv. Chinese daily habits and perceptions of socialist culture were shaped by their new life in Ukrainian families and work at a tractor plant in Kharkiv. Visit the "elder brother" led to transformations (both physical and intellectual) that happened to them, how they interpreted the Soviet relationship in production and attitude toward the working process, and the role of women in the industry. After returning to Luoyang, these experts began implementing new work and family relations habits.

References

Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы: Новые факты и обстоятельства советско-российского сотрудничества [Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л. USSR Participation in the Reconstruction and Construction of “156 Production Facilities” in the PRC in the 1950s. New Facts and Circumstances of Sino-Soviet Cooperation]. М.: Весь мир, 2018. (in Rus.)

McGuire E. Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. Oxford University Press, 2017. (in Eng.)

You Lan. Chinese Students in the USSR in the Backdrop of Sino-Soviet Conflict, 1957–1966 // China Review. 2019. Vol. 19, No. 3. P. 11–38. (in Eng.)

沈志华。苏联专家在中 [Shen Zhihua. Soviet experts in China: 1948-1960]. 北京：社会科学出版社, 2003. (in Chin.)

姚芳。20 世纪 50 年代留学苏联——孙和生先生访谈录 [Yao Fang. Studying in USSR in 1950s: The Record of a Talk with Professor Sun Hesheng] // 中国科技史料. 2002. 第 2 期。第 110-116 页。(in Chin.)

ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF THE CHINA-RUSSIA PARTNERSHIP

Wei Jianxun

China Foreign Affairs University, Beijing, China

In 1993, China and Brazil established a partnership, the first partnership that China established with other countries. After nearly three decades of development, China's partnership network has continuously expanded, forming partnerships at different levels.

In 2019, *China and the World in the New Era*, a white paper released by The State Council Information Office of the People's Republic of China, pointed out that "the China-Russia comprehensive strategic partnership of coordination is mature, stable and solid, enjoying the highest level of mutual trust, coordination, and strategic value. The China-Russia comprehensive strategic partnership of coordination in the new era marks a new future for bilateral relations." The three distinctiveness is characteristics of the China-Russia partnership.

First, a high degree of mutual trust

China and Russia have signed joint statements, communicate, treaties, and other documents many times, the contents of which are not only related to the development and upgradation of bilateral relations, but also related to the two countries' perspectives on world politics. In the process of signing political documents, the level of mutual trust has been continuously improved.

Second, a high level of coordination

The word "coordination" means that China and Russia coordinate in various fields based on common interests, learning each other's development experience, and sharing knowledge, technology, information, and other productive factors, so as to promote common development. The high level of coordination between China and Russia is mainly reflected in a wide range of cooperative fields, including traditional fields such as politics, economy, and culture, and emerging fields such as polar regions and space. At the same time, China and Russia have established a complete coordination mechanism in which the president of the two countries leads the development and the prime minister of the two countries meets with each other regularly.

Third, a high level of strategic value

The high level of strategic value of the China-Russia partnership is principally reflected in the theoretical innovation of international relations and the advancement of cooperation in international affairs. In 1994, China and Russia has established a constructive partnership, then the partnership have been deepened and upgraded several times. In 2019, the partnership has been upgraded to a comprehensive strategic partnership of coordination for a new era, which has added to the China-Russia relations time attribute, which is the international relation theory innovation. China and Russia cooperate in dealing with international affairs, the scope of which has been continuously expanded. The two countries embrace the international system in which the United Nations plays a central role and the international order based on international law.

中俄伙伴关系的特色分析

魏建勋

外交学院，北京

1993年，中国同巴西建立第一对伙伴关系，经过近三十年的发展，中国的伙伴关系网络不断拓展，形成了不同层次的伙伴关系。张中元指出“中国伙伴外交有着不同层次、性质和功能上的区分，具体包括合作伙伴、全面合作伙伴、战略伙伴、战略合作伙伴和全面战略合作伙伴等不同类型”[张中元，2021. 第28页]。戴维来把中国的伙伴关系分为三个层次：“最高层次是具有高度战略内涵的伙伴关系，其核心特征是政治互信度高、安全合作紧密、战略关系稳定。中间层次是具有较大支点作用的伙伴关系，其核心特征是以经贸合作为主导、兼顾政治互信、战略合作。最后一个层次是主要侧重经济领域、集中于双边的合作伙伴关系”[戴维来，2015. 第31页]。

2019年，中国国务院新闻办公室发布的《新时代的中国与世界》的白皮书中指出“中俄全面战略协作伙伴关系成熟、稳定、牢固，互信程度最高、协作水平最高、战略价值最高。新时代中俄全面战略协作伙伴关系的新定位，为两国关系标注了新的未来”[新时代的中国与世界，2019。

第 61 页]。三个之最点出了中俄伙伴关系的特色。

一、互信程度高

中俄两国曾多次签订联合声明、公报、条约等文件，文件内容不仅有关两国关系的升级和发展，也有关两国对于世界局势的看法。在政治文件签署的过程中，两国互信程度不断提升。

二、协作水平高

“协作”一词表明中俄基于共同利益在各领域内开展合作，借鉴彼此的发展经验，共享知识、技术、信息等各类生产要素，以此来促进共同发展。中俄两国协作水平高主要体现在宽领域的合作层面。“中俄关系展现了各个领域全方位合作的趋势和状态”[邢广程，2016。第 15 页]，其不仅包括政治、经济、文化等传统领域的合作，也包括极地、太空等新兴领域的合作。与此同时，中俄两国形成了元首引领、总理定期会晤为主线的完备的协作机制。自 2013 年以来，中国国家主席习近平同俄罗斯总统普京已进行 38 次会晤 [郝薇薇、谢琳，2022。第 1 版]。自 1996 年中俄总理定期会晤机制建立以来，两国总理已进行 26 次会晤²⁷。中俄总理会晤机制建设完备，下设多类委员会。通过中俄总理定期会晤机制，中俄达成了一系列的合作文件。

三、战略价值高

中俄伙伴关系战略价值高主要体现在国际关系理论创新和推进国际事务合作层面。自 1994 年，两国建立建设性伙伴关系以来，两国关系经历了多次深化和升级，特别是 2019 年两国升级为新时代全面战略协作伙伴关系，这增加了中俄关系的时代属性。从国际关系理论发展的视角看，赋予伙伴关系时代属性，无疑是国际关系理论的创新。大数据、云计算等新兴科技要素推动国际社会以前所未有的速度发展和演变，国家间关系也以指数级的速度发展变化。在这种背景下，赋予国家间关系时代性，适应了国际社会发展的趋势，有助于国家根据时代发展的特点不断调整国家间关系的内涵。

中俄两国致力于推进国际事务合作。2022 年 2 月 3 日，普京通过新华社发表的署名文章中指出“对解决全球和地区问题拥有近似和一致的立场是俄罗斯和中国协调外交政策的基础。我们两国在当今复杂的国际局势中发挥着重要的稳定作用，不断推动国际关系体系的民主化进程，以使这一体系更加公平和包容”²⁸。2022 年 6 月 15 日，习近平同普京通电话时指出“中方愿同俄方促进新兴市场国家和发展中国家团结合作，推动国际秩序和全球治理朝着更加公正合理的方向发展”²⁹。两国发表的《中俄关于世界多极化和建立国际新秩序的联合声明》、《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于重大国际问题的联合声明》、《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于新时代国际关系和全球可持续发展的联合声明》等政治性文件中也有诸多关于推进国际事务合作的表述，如“双方呼吁各国从全人类共同福祉出发，加强对话，增进互信，凝聚共识，捍卫和平、发展、公平、正义、民主、自由的全人类共同价值，尊重各国人民自主选择发展道路的权利及各国主权安全发展利益，捍卫以联合国为核心的国际体系和以国际法为基础的国际秩序，践行联合国和联合国安理会发挥核心协调作用的真正的多边主义，推进国际关系民主化，实现世界和平、稳定与可持续发展”³⁰。

参考材料

张中元。人类命运共同体理念对双边外交关系的影响 // 世界经济与政治。2021 年第 12 期。

²⁷ 中俄总理第二十六次定期会晤联合公报（全文） // 中国外交部网站。2021 年 12 月 1 日。URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202112/t20211201_10460421.shtml。

²⁸ 普京通过新华社发表署名文章《俄罗斯和中国：着眼于未来的战略伙伴》 // 中国政府网。2022 年 2 月 3 日。URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/03/content_5671803.htm。

²⁹ 习近平同俄罗斯总统普京通电话 // 中国政府网。2022 年 6 月 15 日。URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-06/15/content_5695831.htm。

³⁰ 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于新时代国际关系和全球可持续发展的联合声明（全文） // 中国外交部网站。2022 年 2 月 4 日。URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202202/t20220204_10638953.shtml。

戴维来。中国的“结伴外交”战略：特征、缘由及路径 // 现代国际关系。2015年第10期。

新时代的中国与世界 / 中华人民共和国国务院新闻办公室。北京：人民出版社，2019年9月。

邢广程。中俄关系是新型大国关系的典范 // 世界经济与政治。2016年第9期。

郝薇薇、谢琳等。习近平主席和普京总统将举行自2013年以来第38次会晤——中俄元首“冬奥之约”开启两国关系新篇章 // 解放军报。2022年2月2日。

ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И РОССИИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Чжан Вэй

Факультет журналистики и коммуникации Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

За 20 лет существования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) уже стала самой большой по масштабу и численности населения региональной международной организации. На фоне сложнейшей международной обстановке саммит ШОС успешно завершён в историческом городе Самарканде, Узбекистан. В целом, государства-члены ШОС на основе «Шанхайского духа» (взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие, взаимная консультация, уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию) продолжают укреплять дружественные отношения. С помощью создаваемых ШОС платформ и механизмов государства-члены поддерживают стабильность в регионе, а также продвигаются по пути создания нового международного политического и экономического порядка. Намерение присоединения к ШОС других стран свидетельствует о авторитете организации. Таким образом, ШОС служит важным гарантом устойчивого экономико-социального развития региона и движущей силой расширения многопланового сотрудничества в регионе и на мировой арене.

Китай и Россия активно сотрудничают во многих областях в двухстороннем формате, а также имеют дополнительную возможность взаимодействовать в многосторонних проектах, реализуемых ШОС, многоцелевые планы Китая и России с помощью платформы ШОС могли выйти на региональный и международный уровни. Значимый успех Китая и России достигли в экономическом плане. В отличие от других государств-членов Китай и Россия впервые начали создать новые моменты экономического и торгового сотрудничества, сделали практические шаги по дедолларизации. Согласно статистике, в первой декаде 2022 г. 27,5% торговых расчетов между странами произведено в национальных валютах и, вполне возможно, в конце этого года эта цифра достигнет 65%. Две наши страны уже определились с будущим осуществлением расчетов по природному газу в национальной валюте 50:50, и такой подход в нынешних экономических условиях вызван необходимостью.

КНР и РФ не только думают о собственной экономической безопасности. Большинство участников ШОС являются развивающимися странами с большой численностью населения и колоссальным экономическим потенциалом, и в целях гарантии общей торгово-экономической стабильности и открытия новых возможностей в финансово-экономическом секторе каждого из государств-членов, наши страны активно инициируют новые меры по экономической интеграции в рамках ШОС, продвигают идею о создании независимой платежной системы, укреплении трансграничных расчетов в национальной валюте. На Самаркандском саммите главы государств-членов приняли «дорожную карту» по постепенному увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах и высказались за расширение этой практики.

Китай и Россия активно сотрудничают по антитеррористическим направлениям, и не только в двухстороннем формате; с учетом новых тенденций инициируют совместные действия по ликвидации подобных террористической опасности. С 2003 г. две страны провели более 30 совместных учений на различных местностях и с различными сложностями. С 2005 г. в целях совершенствования практических навыков на постоянной основе проводятся совместные антитеррористические учения по линии правоохранительных органов и вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия». Организация демонстрирует существенные результаты в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму (так называемые «три зла») во всех проявлениях, как в регионе, так и за его пределами.

Современный терроризм имеет четко децентрализованный характер; на пространстве ШОС терроризм активно адаптируется к местным националистическим и религиозным условиям, потоки перемещения террористов вызывают сепаратистское и экстремистское движения в странах-участницах. За антитеррористическое направление действий ШОС в целом отвечает Региональная антитеррористическая структура, но вследствие видоизменения террористических форм и тенденций она уже не может одновременно выполнить все задачи. КНР и РФ выступили за реализацию новых механизмов противодействия вызовам

и угрозам безопасности на регионе, в результате чего принято решение о создании отдельного постоянно действующего органа – Антинаркотического центра в г. Душанбе (Таджикистан). Более того, на Самаркандском саммите Китай предложил создать базу по подготовке специалистов по борьбе с терроризмом, а Россия – учреждение на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС в г. Ташкенте трех дополнительных учреждений: Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов ШОС, Центра информационной безопасности ШОС (Казахстан) и Центра по противодействию международной организованной преступности в г. Бишкек (Кыргызстан).

Из-за перемещения террористов в сопредельные государства на региональная безопасность в рамках ШОС значительное влияние оказывает ситуация в Афганистане. Афганская сторона выразила заинтересованность в содействии со стороны ШОС в восстановлении экономики страны. В ШОС предпринимаются меры по нормализации обстановки вокруг Афганистана и продвижению переговорного процесса, Китай и Россия осуществляют взаимные консультации и обмен информацией по ситуации в Афганистане. С 2005 г. в общей структуре ШОС активизирована работа Контактной группы ШОС–Афганистан на уровне заместителей министров иностранных дел, на этой платформе страны ШОС смогли наладить конкретный консультативный диалог с Кабулом, обсудить вопросы развития текущей военно-политической ситуации в Афганистане.

В политической плане ШОС поддерживает «Новую концепцию безопасности», которая предполагает политику неприсоединения, обеспечения мира и ненаправленности против третьих сторон. Эти ключевые моменты укрепляет авторитет ШОС. Китай и Россия продолжают играть важную роль в развитии ШОС, будут содействовать налаживанию отношений между государствами-членами и оказывать позитивное влияние на продвижение демократических преобразований на пространстве ШОС.

中俄在上海合作组织框架下的合作前景

张 伟

新疆大学新闻学院

1. 中俄在双边贸易和经济合作上推动本币结算, 以达到去美元化的目的, 并在区域合作框架下推动本币结算稳定地区内金融安全。如中俄本年贸易额有望达到 65%。本币结算进而带动上合成员国之间本币业务加大的趋势, 两国在天然气贸易上实现了人民币与卢布各 50% 支付模式。在撒马尔罕峰会上, 各成员国领导人一致认为有必要加大本币结算。成员国中印度也积极响应中俄所提出的号召。

2. 中俄双边在反恐方面的合作有力奠定了各成员国反恐的决心。自 2003 年以来中俄双边进行了 30 余次的反恐演习, 带动了成员国联合打击“恐怖主义, 极端主义、分裂主义”的决心, 从 2005 年成员国就开始联合举行反恐演习, 对恐怖分子形成了有效的震慑。并且在这次峰会上中方提议建设反恐人才培养中心, 俄方建议将上合反恐部门的职能更加细化, 成立缉毒中心, 信息安全中心等。

在未来两国会更好的利用上合平台, 在各成员国的支持下, 做好维护地区安全稳定的工作。

РАССМОТРЕНИЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Айтурсун Судан

Институт марксизма Синцзянского университета, г. Урумчи, КНР

За последние три года распространение пандемии COVID-19 привлекает на себя международное внимание. В постэпидемической международной политике глобальное сотрудничество в борьбе с нетрадиционными вызовами безопасности все становится объективными потребностями всего человечества, что дает сильный стимул для развития международного сотрудничества, в частности, и китайско-российского сотрудничества.

1. Стоя перед строгим испытанием от пандемии, Китай и Россия поддерживают друг друга, искреннее сотрудничают, и превращают кризис в возможность, что в основном заключается в ниже

следующих 6 аспектах:

Прежде всего глава двух государств выражают сочувствие друг другу, взаимосвязь на высоком уровне между двумя странами все-таки остается тесной.

Во-вторых, наши страны придерживаются одинаковой позиции, «онлайн-дипломатия» обеспечивает надлежащее развитие двусторонних отношений.

В-третьих, народы двух стран взаимно помогают и поддерживают, отправляя материалы и медицинских кадров друг в друга.

В-четвертых, это научно-техническое сотрудничество, которое предоставляет научное руководство борьбой с эпидемией.

В-пятых, это тесная связь между народами, которая развивает традиционную дружбу между нашими странами.

В-последних, это взаимовыгодное сотрудничество, что стимулирует экономическое развитие.

2. Китайско-российское сотрудничество полно демонстрирует взаимное стратегическое доверие и единую позицию наших стран, служив примером взаимодействия в борьбе с эпидемией.

Такое тесное сотрудничество приносит ниже следующие 3 ключевые пользы:

Во-первых, это укрепление традиционной дружбы и связующего звена интересов двух стран. В постэпидемическую эпоху становятся все близкими концепция государственного управления, развития и ценностей двух стран.

Во-вторых, это проявление преимущества держав и углубление сотрудничества. Китай и Россия демонстрируют свое политическое влияние на разрешение нетрадиционных вызовов безопасности как глобальные державы, что еще раз свидетельствует о необходимости и возможности развития сотрудничества между державами в этом отношении.

В-последних, это укрепление китайско-российского стратегического взаимодействия для разрешения международных проблем. Вне американского гегемонизма сотрудничество между нашими странами показывает всему миру другую модель – модель сотрудническую и взаимовыгодную.

3. Шагая в ногу с историей, Китай и Россия развивают тесное сотрудничество, выполняют реальные действия, защищают равноправную и взаимовыгодную многосторонность, стремятся к глубокой интеграции, совместно строят взаимовыгодную многостороннюю общность интересов также и Сообщество с единой судьбой, что заряжает глобальное управление позитивной энергией.

3.1 Выполнение реальных действий для защиты равноправной и взаимовыгодной многосторонности

Пандемия COVID-19 ускоряет колоссальные мировые изменения, возникшие впервые за столетие, на этом фоне Китай и Россия служат ключевой силой, стабилизирующей международную ситуацию, и отношения между двумя странами пережили тяжелое испытание пандемии и изменений, возникших впервые за столетие. Наши страны взаимно помогают и поддерживают, совместно борются с пандемией и обмениваться противоэпидемическим опытом. Кроме того, Китай и Россия совместно сопротивляются «политическим вирусом» и преодолевают общие угрозы и вызовы, защищают глобальную безопасность в сфере здравоохранения, продвигают деловое сотрудничество во всех сферах вперед вопреки кризисам и защищают многосторонность своими практическими усилиями.

3.2 Стремление к глубокой интеграции для строительства многостороннего взаимовыгодного сообщества с едиными интересами

По словам президента РФ В. В. Путина, «у обеих сторон имеются общие интересы, и Россия готова работать с Китаем над укреплением и углублением двусторонних и многосторонних связей и координации³¹». 15 декабря 2021 г. генеральный секретарь ЦИК КПК Си Цзиньпин четко отметил: «под совместным влиянием пандемии и изменений, возникших впервые за столетие, мир входит в эпоху неустойчивости и радикального изменения, а китайско-российские отношения продемонстрировали новую жизнеспособность и энергию, выдержав различные тяжелые испытания. Китай и Россия провозгласили продление срока действия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ, дали ему содержанием новой эпохи. В отношении проблем, касающихся ключевых интересов обеих сторон, наши страны устойчиво поддерживают друг друга, что защищает достоинство каждой страны и общие интересы³²».

3.3 Совместное строительство сообщества с единой судьбой в соответствии с исторической тенденцией

Инициатива «Сообщество с единой судьбой человечества» постепенно превращается в реальные

³¹ 俄罗斯总统普京：俄中关系达到前所未有的高水平 // 新华网。2021.06.05。URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-06/05/c_1127532463.htm

³² 中俄关系经受各种风浪考验，日益展示新的生机与活力。URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1216/c1002-32310030.html>

действия после своего выдвижения. Как новая концепция человеческого общества, данная инициатива привлекает на себя все больше внимания представителей российских научных кругов, которые довольно высоко ценят и одобряют эту инициативу. По мнению директора ИДВ РАН С. Г. Лузянина, «глава Китая выдвинул концепцию Сообщество с единой судьбой человечества передо всем миром, и содержание этой концепции расширяется на фоне распространения пандемии COVID-19, концепция строительства сообщества человеческого здравоохранения становится общим мнением во всем мире. Как ответственная развивающаяся большая страна, Китай вводит собственный вклад во глобальное управление китайской мудростью и инициативами. Инициативы и мнения Китая защищают международную справедливость и равноправие, предоставляют многочисленным странам новую возможность развития³³».

4. Перспективы развития китайско-российских отношений

16 июня 2022 г. посол Китая в РФ Чжан Ханьхуэй принял участие в Бизнес-диалоге «Россия-Китай», по его словам, «стоя перед лицом испытания распространения эпидемии COVID-19, глобального экономического спада, потрясения на международном рынке и многих других, Китай и Россия усиливают взаимную стратегическую поддержку и слияние интересов. Торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами продвигаются вперед вопреки кризисам³⁴». Министр иностранных дел Китая Ван И подчеркивает: «Китай и Россия сплочены вместе, как великая гора, наши страны всегда являются надежной опорой стабильности и мира на Земле. Чем неустойчивее и тревожнее становятся ситуация в мире, тем устойчивее продвигаем вперед китайско-российское сотрудничество³⁵».

По мере упорного развития всестороннего делового сотрудничества и углубления стратегического взаимодействия между Китаем и Россией в разрешении международных и региональных проблем в грядущем наши страны будут укреплять согласование в отношении глобальных острых проблем и давать всему миру позитивный сигнал: китайско-российские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, безусловно введут большой вклад в защиту мира, стабильности и развития на Земле, также в продвижение строительства новой модели международных отношений и Сообщества с единой судьбой человечества.

新冠肺炎疫情影响下中俄关系的检视

阿依吐松·苏旦

新疆大学马克思主义学院

近三年，新冠疫情肆虐及全球抗疫成了焦点。在后疫情时代的国际政治中，以全球合作应对各类非传统安全威胁的客观需求继续上升，为国际合作，尤其是为中俄合作提供了驱动力。面对疫情大考，中俄相互支持，精诚合作，变危为机，双方共同践行人类命运共同体理念，为国际合作抗疫树立了典范，使其成为促使两国关系迸发新的生机与活力的催化剂，体现了新时代中俄关系的高水平。疫情大流行及双边全面战略协作伙伴关系升级的背景再一次凸显了构建人类命运共同体的必要性。

一、疫情背景下的中俄关系：稳中有进，共战疫情

中俄协作抗疫表现在多方面，可以说，当前的中俄关系正处于两国历史上“最好的时期”，也是“中国对外关系中层次最高、内容最丰富的一对战略伙伴关系” [王毅, 2013]。中俄在抗疫方面的合作本身就是中俄新时代全面战略协作伙伴关系迈上新高度的体现 [Ковальчук, 2021]。首先是中俄元首互致问候，双边高层保持强劲势头 [韩显阳 c]。其次是立场一致，“云外交”力保中俄关系高位运行。³⁶ 第三是两国人民守望相助，物资互通，人员互助 [李奥, 2000; 韩显阳 c, 2020]。第四是科技合作，提供防疫指导 [韩显阳 a; 韩显阳 c]。第五是民心相通，弘扬传统友好。³⁷ 第

³³ 重访俄罗斯知名学者卢贾宁：“世界再一次见证了中国奇迹”。URL: <http://news.ynet.com/2021/03/04/3170227t2518.html>

³⁴ 俄罗斯-中国商务对话聚焦俄中经贸合作。URL: <http://www.crntt.com/doc/1063/9/2/2/106392265.html?coluid=0&docid=106392265&kindid=0&mdate=0617191942>

³⁵ 世界越是动荡不宁，中俄合作越要坚定前行。URL: <https://news.sina.com.cn/c/2021-03-07/doc-ikkncsh8966860.shtml>

³⁶ 中俄应对新冠疫情政治化的国际合作国际研讨会在线上举行。URL: http://news.china.com.cn/2021-11/29/content_7790041.htm

³⁷ 俄界：中国经济活力将逐渐释放 疫情对俄影响“微不足道”。URL: <http://chinaru.info/News/redianjujiao/59643.shtml>

六是合作共赢，拉动经济增长 [韩显阳 b, 2020; 中国驻俄大使..., 2020; 王毅..., 2020]。

综上所述，中俄双方在涉及彼此核心利益问题上相互坚定支持，把中俄高水平政治互信转化为更多战略协作成果，树立了合作共赢的新型国际关系典范，为动荡变革中的世界注入了宝贵的稳定性和正能量。

二、双边全面战略协作伙伴关系进一步升华

疫情影响下的中俄关系，不但巩固传统友好，加强战略协作，为动荡变革的世界注入正能量，以“大格局”的外交姿态，释放战略价值。

(一) 巩固中俄传统友谊，拉进共同利益的纽带。后疫情时代中俄关系真正开始释放战略价值，取得实际成果。两国治国理政的理念、发展观、价值观等进一步接近，有利于推动中俄背靠背协作，拉进共同利益的纽带。

(二) 发挥中俄大国优势，开展广泛深入合作。中俄在非传统安全问题上发挥自己作为世界大国的政治影响力，成为国际公平正义的中流砥柱，树立了邻国互利合作的典范，这是国际社会特别期待的，再次印证中俄两国在非传统安全合作的必要性和可行性。

(三) 加强中俄战略协作，致力国际问题的解决。中俄在抗疫斗争中取得成绩，加强战略磋商，两国关系不断深化，夯实互信基础。充分体现了中俄之间的战略互信和一致目标，而中俄的合作也让全世界看到了除了美国的霸权模式，还有一种合作共赢的模式，现在中俄合作进一步加深。

三、中俄密切合作为全球治理注入正能量

后疫情时代是一个全新的时代，人类需要适应新的生活习惯和交往模式。在已营造出的良好外部环境下，中俄两国将在各个领域继续加强交流与合作，不断深化中俄全面战略协作伙伴关系，从而实现两国关系与更大范围内的多边共赢 [Забора, 2021]。

(一) 开展实际行动，捍卫平等互惠的多边主义

在新冠肺炎疫情加速世界百年未有之大变局背景下，中俄成为动荡不安的国际形势中的重要稳定力量，两国关系经受了世纪疫情洗礼和百年变局考验，双方守望相助，共抗疫情，相互分享抗疫经验，合力抗击“政治病毒”，携手应对共同威胁和挑战，维护全球公共卫生安全，推动各领域务实合作逆势前行，以实际行动捍卫多边主义。

(二) 谋求深度融合，打造多方共赢的利益共同体

俄罗斯总统普京表示，双方具有共同利益，俄方愿同中方在更广领域深入开展合作 [俄罗斯..., 2021]。2021年12月15日习近平总书记明确指出：“当前，世界百年变局和世纪疫情交织影响，世界进入动荡变革期，中俄关系经受住各种风浪考验，展示出新的生机活力。中俄双方正式宣布《中俄睦邻友好合作条约》延期，并赋予其新的时代内涵，在涉及彼此核心利益问题上，坚定相互支持，捍卫了各自国家尊严，两国的共同利益。”³⁸

(三) 顺应历史潮流，共建荣辱与共的命运共同体

自人类命运共同体理念提出后，这一倡议逐渐转化为行动，它作为人类社会的新理念，逐渐吸引了俄罗斯学界的广泛关注，也体现了俄罗斯学界对其高度认同。俄罗斯科学院远东研究所所长谢尔盖·卢贾宁(Лузянин)认为中国领导人向世界提出构建人类命运共同体理念，疫情之下这一理念得到了延伸，构建人类卫生健康共同体理念也正在成为全世界的共识，中国今天正在为全球治理贡献中国智慧和方案，作为一个负责任的发展中大国，中国的倡议和主张维护了国际公平正义，为许多国家提供了新的发展机遇。³⁹

四、中俄关系的可能性展望

2022年6月16日，中国驻俄罗斯大使张汉辉参加俄罗斯--中国商务对话并表示，面对新冠肺炎疫情、全球经济下行、国际市场震荡等多重考验，中俄不断彼此加大战略支持，深化利益交

³⁸ 中俄关系经受各种风浪考验，日益展示新的生机与活力。URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1216/c1002-32310030.html>.

³⁹ 重访俄罗斯知名学者卢贾宁：“世界再一次见证了中国奇迹”。URL: <http://news.ynet.com/2021/03/04/3170227t2518.html>.

融，两国经贸合作逆势前行显示出强大韧性。⁴⁰ 我国外交部长王毅指出：“中俄组合团结如山，始终是世界和平稳定的中流砥柱，世界越是动荡不宁，中俄合作越要坚定前行。”⁴¹ 2022年2月，两国元首签署《关于国际关系进入新时代以及全球可持续发展的联合声明》⁴² 未来，随着中俄全方位务实合作扎实推进在国际和地区事务中的战略协作日益深化，我国将与俄方加强在全球热点问题上的协调，共同向世界发出正面信号，新时代中俄全面战略协作伙伴关系必将为维护世界和平稳定与发展，为推动建设新型国际关系、构建人类命运共同体作出更大贡献。

参考文献

Забора Е. А. Влияние пандемии коронавируса на китайско-российские отношения [*Zabora E. A. Impact of the Coronavirus pandemic on Russian-Chinese relations*] // Россия в глобальном мире [Russia in the global world]. 2021, № 18 (41). С. 15–22. (in Rus.)

Ковальчук В. С., Петров Д. П. Отношение развития российско-китайских отношений в условиях пандемии Covid-19 [*Kovalchuk V. S., Petrov D. P. Features of the development of Russian-Chinese relations in the conditions of the Covid-19 Pandemic*] // Современная наука [Modern Science]. 2021. № 2. С. 48–53. (in Rus.)

俄罗斯总统普京：俄中关系达到前所未有的高水平 // 新华网。2021.06.05。URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-06/05/c_1127532463.htm. (in Chin.)

韩显阳 a。俄罗斯：全民期待疫情拐点早日来临 // 光明日报。2020年4月15日。第12版。(in Chin.)

韩显阳 b。国相交 民相亲 心相通——中俄友好的社会民意基础扎实稳固 // 光明日报。2020年6月21日。第8版。(in Chin.)

韩显阳 c。在携手抗疫中续写中俄友谊 // 光明日报。2020年5月3日第4版。(in Chin.)

李奥。中国政府援助俄罗斯第二批抗疫物资运抵莫斯科 // 新华网。2020年5月23日。URL: <https://news.china.com/domestic/945/20200523/38255722.html>. (in Chin.)

王毅。开启中国外交新征程：在“新起点、新理念、新实践—2013 中国与世界”研讨会上的演讲 // 外交部网站。2013.12.16。URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201312/t20131216_7945148.shtml. (in Chin.)

王毅在十三届全国人大五次会议举行的视频记者会上就中国外交政策和对外关系回答中外记者提问 // 人民日报。2020年5月25日。第5版。(in Chin.)

中国驻俄大使：对新时代中俄全面战略协作伙伴关系的前景充满信心：专访 // 搜狐网。2020年6月10日。URL: https://www.sohu.com/a/401129638_626761?_f=index_pagefocus_3. (in Chin.)

关键词：疫情；中俄关系；人类命运共同体

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В ОБЛАСТИ ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В КОНТЕКСТЕ «ОДНОГО ПОЯСА-ОДНОГО ПУТИ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Хайригуль Нияз

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Будучи важными странами вдоль «Одного пояса – одного пути» (ОПОП), Китай и Россия проявляют все большую активность в области сотрудничества в сфере здравоохранения, и интерес медспециалистов и пациентов обеих стран к традиционной медицине постепенно растет. Академические и культурные обмены между Китаем и Россией в области традиционной медицины играют важную роль в продвижении контактов между людьми с обеих сторон.

С ростом спроса на натуральные лекарства и нелекарственные методы лечения для профилактики и

⁴⁰ 俄罗斯-中国商务对话聚焦俄中经贸合作。URL: <http://www.crntt.com/doc/1063/9/2/2/106392265.html?coluid=0&docid=106392265&kindid=0&mdate=0617191942>.

⁴¹ 世界越是动荡不宁，中俄合作越要坚定前行。URL: <https://news.sina.com.cn/c/2021-03-07/doc-ikkncs8966860.shtml>.

⁴² 普京与习近平签署关于国际关系进入新时代以及全球可持续发展的联合声明。URL: http://news.sohu.com/a/520610870_626761.

лечения заболеваний среди населения Китая и России, традиционная медицина стала одной из важнейших областей медицинских исследований в Китае и России.

В настоящее время российско-китайское сотрудничество в области медицины имеет организационный механизм, и в основном проводит с помощью российских и китайских мединверситетов и соответствующих научно-исследовательских институтов. В рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС Китай и Россия провели множество встреч и мероприятий, направленных на содействие обмену и развитию традиционной медицины между двумя странами. С момента вспышки коронавирусной эпидемии по всему миру в начале 2020 г. китайская медицина глубоко вовлечена в ее профилактику, контроль и лечение, что дало весьма значительные результаты. Китай и Россия должны иметь возможность добиться большего развития в совместных исследованиях в области традиционной медицины для борьбы с основными инфекционными заболеваниями и использовать преимущества и роль традиционной медицины обеих стран в профилактике и борьбе с эпидемией. В будущем сотрудничество обеих стран может быть еще более углублено в области выращивания лекарственных растений, проведения оздоровительного туризма, развития институционального сотрудничества и обмена медперсоналами.

Сотрудничество между Китаем и Россией в области традиционной медицины будет способствовать дальнейшему формированию сообщества здравоохранения между Китаем и Россией и поможет обеим странам реализовать концепцию здоровья для всех.

“一带一路”背景下中国与俄罗斯在传统医学领域的合作及其发展前景

海里古力·尼牙孜
新疆大学外国语学院

作为“一带一路”沿线重要国家，中国和俄罗斯在卫生领域的合作越来越活跃，两国医护人员及患者对对方传统医学的兴趣也在逐渐上升。中俄双方在传统医学领域的学术和文化交流，对促进双方民众民心相通发挥着重要作用。

中国传统医学政策法规较完善，设有专门的管理机构，传统医学被纳入国家医疗卫生保健体系，也形成了较完整的传统医学教育体系，拥有较多执业医师。现代医药学在俄罗斯的医疗卫生体系占主导地位。近年来俄罗斯也将一些传统医学内容纳入医疗体系，并制定相关的法律法规，不断完善传统医药发展途径。随着中俄民众在疾病预防和治疗中对天然药物和非药物疗法需求的增加，中俄均尝试从传统医药里寻找解决现代医药发展中一些难题的解决方案，通过科学的研究手段，让传统医药得到更多的应用。传统医药已经成为中国及俄罗斯医学研究的重要领域之一。

俄罗斯的传统医药有俄罗斯本土传统医药学治疗方法，也有包括中医药以及其他国家的传统医药。草药疗法在俄罗斯久负盛名，自古罗斯时期就被广泛使用。俄罗斯的中医药传播历史可以追溯到 18 世纪初在北京建立的东正教传教团。近 20 届传教团陆续将中国传统医药学理论带回俄国。19 世纪开始，俄国医师对针灸产生特别的兴趣。历经三个世纪的发展，中医药在俄罗斯获得较广泛的认可，吸引一些专家学者开展研究，出版论著。

20 世纪 50 年代初期，苏联卫生部派出首批赴北京中国中医研究院学习针灸的医师。1957 年，中国中医专家代表团两次访问苏联，讲授中医、针灸学知识。中国的针灸在苏联掀起传统医学的热潮。60 年代，莫斯科、列宁格勒（圣彼得堡）、喀山等成为针刺反射疗法教学与研究研究中心。1976 年，苏联卫生部中央反射疗法科学研究院在莫斯科市成立，主要进行针灸和艾灸术的学术研究。从那时起，针灸和艾灸疗法均纳入“反射疗法”这一术语中。1997 年根据俄联邦卫生部的要求，反射疗法正式归入医生和药剂师专业名录，反射疗法医师的地位、职业技术等级以及评级制度得到确立。现在在俄罗斯针灸已成为规范的医学专业，国立医学机构中已有 2000 多针灸治疗室。医学院校中设有近 30 个针灸教研室。每年有上千名针灸医生接受培训或提高专业素质。目前，针灸仍是俄罗斯最常使用的中医疗法。

进入 21 世纪，为加强中俄在医学领域的合作，中俄在组织机制方面成立中俄教育文化卫生

和体育合作委员会卫生分委员会，并在该委员会领导下，于 2001 年在北京召开首届中俄传统医学研讨会，开启了新世纪两国政府间在传统医学领域的合作。中俄双方在传统医学方面的合作包括俄罗斯派医生到中国学习传统医学；中国派中医专家赴俄罗斯讲授中医药；在俄罗斯建立中俄传统医药中心；俄罗斯为中药进入俄罗斯市场提供咨询；在俄罗斯解决中医师资格认可问题等。

中国和俄罗斯均在不断发展传统医药。俄罗斯打造了一系列重要的中医研究中心，其中中俄两国医科大学的合作发挥了桥梁纽带作用。2014 年 6 月，莫斯科第三医科大学和哈尔滨相关医学院校开始合作，研究包括药品的使用安全、医药效果的保障等课题。该校还开设了俄罗斯第一家中医药临床研究所，主要在临床、科研和教育三个方向开展合作，意在将传统医药和现代医药相结合。高校之间的合作，对于中医药在俄罗斯的发展和應用奠定坚实的基础。

中国和俄罗斯是上海合作组织和金砖国家的重要成员，借助这些平台，中国已与俄罗斯及其他国家在传统医药方面开展了众多会议和活动，促进了各国间传统医学交流和发展。传统医学合作是上合组织卫生合作的亮点。2007 年，俄罗斯总统普京提出成立上合卫生组织的想法。之后，俄罗斯提出成立传统医学研究院的倡议。2010 年，中国、俄罗斯等六国成立上合组织传统医学院。2015 年 11 月，中国和俄罗斯等五国签署“丝绸之路经济带国家传统医学推广联盟”协议。2016 年 7 月，“北京中医药大学圣彼得堡中医中心”正式成立，成为俄罗斯历史上第一所中俄合作成立的中医院，具有中医康复保健资格认证和俄罗斯医保资格。这是中俄传统医学合作的一个重大突破。2018 年 5 月，上合组织成员国签署《上海合作组织医院合作联盟北京宣言》，提出合作建立中医药临床准入标准、推进产业融合战略等。

新的国际环境下，非传统安全领域获得国际社会的持续关注。全球公共卫生问题领域凸显突发性和严峻性等特点，建立国际机制应对突出公共卫生事件是国际医疗合作的必然趋势。自 2020 年初新冠肺炎疫情发生后，中国政府坚持中西医结合综合治疗，不断完善诊疗方案，使中医药深度参与新冠防控救治，效果非常显著。2022 年 2 月 28 日至 3 月 2 日，世界卫生组织对中医药救治新冠肺炎进行评估，认为中医药在救治新冠肺炎方面具安全性、有效性，建议在各成员国借鉴及推广。因此，中俄可以在联合开展传统医学防治重大感染性疾病方面开展相关研究，发挥双方传统医学在疫情防控中的优势和作用。

未来，为拓宽中俄传统医学合作途经，特别是中医药在俄罗斯的传播，可尝试与俄罗斯非政府组织进行合作。传统医学在俄罗斯法律政策层面还受到一些限制，可以发挥非政府组织在社会和卫生服务方面的作用，尝试与非政府组织开展合作的可能性，以拓宽渠道。

中国的农业用地有限、适合中草药种植的土地少。加强药用植物种植合作，对中俄两国来说是互利共赢的事，也是俄罗斯积极推动的项目。2015 年，中俄开展中医药国际合作，俄罗斯允许中国农民在俄种植中草药。俄罗斯将中国作为其主要出口目标，希望占领中国市场。而俄罗斯优越的自然和地理条件，也可以满足中国国内对提高药材质量的需求。

中俄发展传统医学领域的合作还可以拓展具有特色的健康旅游。中医对俄罗斯人民很有吸引力，而中国人民对俄罗斯的一些传统医学领域也感兴趣。双方开展传统医药健康旅游，能激活双边跨境医疗市场。

上合组织传统医学研究院成立，自 2020 年起每年均举办上合组织传统医学论坛等，均为中俄之间传统医学交流和实践提供平台。未来加强中医药与俄罗斯传统医学的交流互鉴，可以借助平台加强互派学者交流，共同从事科学研究。双方还可以在传统医学医疗、教育、科研以及药材资源方面开展广泛的交流与合作，建立双方多层次的人才培养与交流机制，多种形式培养双方的传统医学国际化人才。

中国与俄罗斯在传统医学领域的合作，将进一步促进中俄构建卫生健康共同体，助力两国实现人人享有健康的美好愿景。

A STUDY ON THE ROLE OF WOMEN'S WORK IN CHINA-RUSSIA RELATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF BUILDING A COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND

Hou Yu

Xinjiang University, Urumchi, China

The friendship between China and Russia can't be done without women who make their own efforts working on diplomatic cause and keep promoting people-to-people communication between the two countries all the time. This paper intends to analyze the deeds of women who have played a role in promoting the friendship between China and Russia in history by means of literature review. The paper will also show the current situation of mutual interactions of women from the two countries. It means a lot to the future development of China-Russia relations if we can find out the importance of female strength.

1. Female Driving Force in the Friendship Between China and Russia

As the Chinese saying goes, "Women hold up half the world", which is an affirmation of ability and contribution of women. The friendship between China and Russia is the result of the joint efforts of countless people. In this long history, women in both countries have made significant contribution.

Song Qingling, a famous Chinese female politician, had visited many countries with the great ideal of peaceful diplomacy. She had devoted her life to the development of China's diplomacy and made a good start for China-Russia relations. Moreover, she was committed to fighting for the rights of women and children. She had made great contribution to the cause of women and children's security. Before 1949, Cai Chang tried to liberate Chinese women. She encouraged women to participate in activities of social production. After 1949, Cai Chang became the president of All-China Women's Federation. She combined women's cause with diplomatic cause, led Chinese women to participate in China's diplomatic cause. She advocated women from all over the world to learn from each other. Cai Chang believed that uniting all the women in Asia and even in the world was a prerequisite for achieving world peace and striving for people's democracy.

Galina Veniaminovna Kulikova is the first vice president of Russia-China Friendship Association. She is the second Russian who got Friendship Medal of the People's Republic of China in 2019. This medal shows respect for Kulikova and recognition of her contribution. Kulikova has spent her whole life working on maintaining friendship between China and Russia. She focuses on the people-to-people communication between two countries. After entering a new era, she believes that the maintenance of friendship should depend on the participation of the younger generation. Except for working for international relations, she is also an outstanding sinologist. She cares about China's development in all aspects and tries to study Chinese culture. She has played a pivotal role in this friendship.

2. Communications between Chinese and Russian Women in the New Era

With the further protection of women's rights in China and Russia at the legal level, women of two countries have begun to make achievements in various fields. The participation of Russian women in politics has been greatly improved after the Constitution stipulates that men and women enjoy equal rights. At the same time, the proportion of women who are active in innovation and entrepreneurship has begun to increase. The number of women participating in the BRICS Women Innovation Contest in 2022 has increased by 117% compared with 2021, of which 23.6% are Chinese women and 20.3% are Russian women. And women seem to have stronger power participating in various fields. This situation helps to break the gender stereotype of career development in the past. It is conducive to gender equality and economic development.

While two countries try to promote women's development, women themselves in both countries are also conducting continuous mutual interactions to learn. In 2019, Chinese and Russian Women's Forum carried out a meeting on the topic of "Unique Role of Women in Society and Family", hoping to promote female power in win-win cooperation and economic development. At the 20th anniversary of signing China-Russia Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation, two countries held an online meeting for Chinese and Russian women with the theme of "Highlighting Female Strength and Promoting China-Russia Friendship Together". Women in various fields have made significant contribution to the development of China-Russia friendship.

3. Strengthen female power in the future development of China-Russia relations

As two major countries in the world, China and Russia have the obligation to maintain world peace and build a community with a shared future for mankind. Women are an important part of mankind, and their contribution to the cause of mankind cannot be ignored. Women in both two countries are brave and persistent. Women's rights should be secured, thus their enthusiasm can be mobilized. Their strength and communication will become an important part of the development of China-Russia relations.

人类命运共同体视角下妇女工作在中俄关系中的作用研究

侯 钰

新疆大学马克思主义学院

中俄友好关系离不开两国妇女各自的努力和相互之间的交流学习，这种交流互动不仅有官方层面的，也有民间的。本文拟通过文献梳理和史料分析的方式，对历史上对中俄友好关系起到推动作用的妇女事迹进行举例分析，从中俄妇女交流现状出发，以人类命运共同体的视角展望中俄关系的未来发展。

一、中俄友好关系中的女性推动力

中国俗语讲“妇女能顶半边天”，这是对妇女能力和贡献的肯定。中俄友好关系是无数人共同努力的结果，在这段长久的历史中，两国女性起到的作用同样是巨大的。如果说妇女顶起了半边天，那么两国女性便顶起了中俄友好关系的一半。

著名的中国女性政治家宋庆龄怀揣和平外交的伟大理想，带着中国人民的友好态度和对和平的渴望出访了多个国家，一生为中国外交事业奔走，为中俄关系开了一个好头。同时，她致力于争取妇女儿童权力，为妇女儿童保障事业做出了巨大贡献。在新中国成立之前，蔡畅便致力于中国妇女解放事业，鼓励妇女参与到社会生产活动中去。新中国成立后，蔡畅成为全国民主妇女联合会的主席，她将妇女事业和外交事业结合起来，以她在妇女事业中独特的身份带领着中国妇女一起积极参与到中国的外交事业当中，提倡各国妇女多多交流、相互学习。蔡畅认为，团结亚洲全体妇女乃至全世界妇女是实现世界和平和争取人民民主的前提。

2019年，习近平总书记授予俄罗斯中国友好协会第一副主席加林娜·维尼阿米诺夫娜·库利科娃友谊勋章，继2018年第一次授予俄罗斯总统普京之后，库利科娃是第二位获此勋章的俄罗斯友人。这枚勋章表示了对库利科娃的敬意以及对她工作贡献的肯定，库利科娃终其一生都在为维系中俄友好关系而奔走，她在强调不干涉别国内政的基础上，注重中俄两国之间的民间发展，而在进入新时代以后，她认为中俄友好关系的维系不能仅仅靠历史，更要靠年轻一代的积极参与和主动了解。除了推动中俄友好关系的发展以外，她更是一位杰出的汉学家，她关心中国各方面发展，毕生致力于了解中华文化，她在这段大国友谊中扮演了举足轻重的作用。

二、中俄妇女在新时代的交流

普京总统在妇女节的致辞中用诗歌肯定了妇女对世界的杰出贡献，习近平总书记指出“妇女是人类文明的开创者、社会进步的推动者”。随着中俄两国的妇女权利都在法律层面上得到进一步的保障，中俄两国妇女也开始在不同领域书写卓越的传奇。俄罗斯妇女的参政情况在《宪法》规定男女享有同等权利后得到了大大的改观，政府中已出现身担要职的女性。同时，在创新创业领域活跃的女性占比开始增大，2022年金砖国家女性创新创业大赛参赛人数比2021年增长了117%，其中中国参赛女性人数占比23.6%，俄罗斯参赛女性人数占比20.3%，各个参赛对手表现出的特点是能力更强、涉及范围更广，这种局面有助于打破过去对于职业发展的性别刻板印象，有利于性别平等建设和经济建设。

在中俄两国推动妇女工作的同时，两国妇女也在进行不断的交流和学习。2019年中俄妇女论坛就“妇女在社会和家庭中的独特作用”开展了分享和交流，期盼发掘出同样能顶半边天的两国妇女在家庭生活和社会生活中的作用，推动合作共赢和经济发展。2021年是《中俄睦邻友好合作条约》签署20周年，为此中俄开展了主题为“彰显巾帼风采、共话中俄友谊”的中俄妇女视频交流会，各行各业的妇女都为推动中俄关系友好发展做出了重要的贡献。

三、强化中俄关系未来发展中的妇女力量

中俄两国作为两个世界大国，有责任有义务担当起维护世界和平、构建人类命运共同体的重任。除了国家层面的交流，中俄两国民间交流也要稳步推进。妇女是人类重要的组成部分，其为人类事业做出的贡献不可忽略。历史上，勇敢坚毅是中俄两国妇女的共同特征，在中俄两国关系的未来建设中，应全方面保障妇女权利，调动妇女工作积极性，让中俄妇女之间的沟通与交流成为中俄友好关系发展中的重要组成环节。

Изучение и преподавание китайского языка. Роль вэньяня
Teaching and studying Chinese. The role of classical Chinese (Wenyan) learning
中文教与学研究

THE ROLE OF CLASSICAL CHINESE IN CHINESE LEARNING AND TEACHING

An Lirong

College of Chinese Language and Literature, Xinjiang University, Urumchi, China

The inheritance of language has three aspects: phonetics, vocabulary and grammar. Of course, the vocabulary is the most inherited.

First of all, the inheritance of ancient pronunciation is in dialect and Place names. If we understand the pronunciation of ancient pronunciation, we can explain why it's pronounced the way it is. For example, fanyu City, Guangzhou, now the word "fan" says pān instead of the usual pronunciation. Therefore, place names can also be said to be living fossils of speech.

Secondly, at the lexical level, modern Chinese vocabulary inherits classical Chinese. Modern Chinese still uses classical Chinese words, which are an important part of modern Chinese vocabulary. The things or phenomena expressed in prose and Chinese language still exist in the real life of the nation, and there is often a strong color of written language in the use of language. For example, "inside information, boundless, so, it, it, with, also, very, just" and so on.

Many idioms in modern Chinese idioms come from classical Chinese, which are mainly from the following aspects: some from fable, some from history story. Only when we know where an idiom comes from can we better understand it.

Some historical words are still used in today's international exchanges, such as "Your Majesty, Your Highness, emperor, princess, duke" and so on. Some historical words are still used when stating historical facts.

Although some basic words have been replaced by later compound words, they still have strong word-forming ability in modern Chinese and become a morpheme of new words. Its basic meaning is still preserved in new words. For example, the word "目" in classical Chinese is instead of by "eye" in modern Chinese, and some of the words formed by "目" in modern Chinese, retain the meaning of the word "目" in classical Chinese.

Finally, the use of ancient Chinese characters to explain the meaning of words, such as oracle script, Jinwen, small seal character, etc. "木" in modern Chinese often means wood, used for making utensils or building wood. Some words are difficult to understand, for example 灌木 and 乔木. If the teacher in the process of explanation can be combined with oracle bone character 𣎵, the students will remember the original meaning of the word, other meaning is the extended meaning.

文言文在汉语学习和讲授中的作用

安丽荣

新疆大学中国语言文学学院

文言文就是中国古代用文言写成的文章。文言具有广义和狭义之分，广义上的文言就是相对于白话而言的，也可以称之为古代汉语，从时间上看，“五四”以前的汉语书面语言都属于文言。狭义上的文言则是指以先秦口语为基础而形成的上古汉语书面语言以及后来历代作家仿古的作品中的语言。古代汉语是一个比较宽泛的概念，它除了文言这个系统外，还有一个系统就是以北方话为基础而形成的古白话。我们通常所说的文言是指以先秦口语为基础形成的上古汉语书面语言以及后来历代作家仿古的作品中的语言。

文言文是汉语学习和讲授中的重要内容。可以说，不学习和讲授文言文就不能真正精通汉语。若要精通汉语就要学习文言文，因为文言文是文言的载体，文言是汉语的源，而现代汉语则是流，二者是源流的关系。只有学习了文言文才能真正掌握现代汉语，否则对现代汉语的理解就会一知半解，不够深刻。对汉语和汉字只能知其然而不知其所以然。因此，无论是汉语的学习者，还是汉语的讲授者都应该学习文言文，使教学相长。

随着经济全球化的发展，中国与世界的交往日益密切。世界各国的朋友学习汉语的也越来越多。不同的学习者学习汉语的动机和目的是不同的，有的希望研究中华优秀传统文化，有的希望来中国留学，有的希望与中国有经济上的往来……总之，希望掌握汉语，主要是掌握现代汉语，从而达到各自的学习目的。现代汉语的真正掌握需要学习和掌握文言文，了解文言文所承载的思想内容，了解文化的传承，达到知其然还要知其所以然的目的，变成一个“中国通”。

无论是什么样的学习目的，最终学生都希望自己要掌握两个本领，一个是说汉语的口语能力，能够用汉语与他人交流，这是语言能力；另一个就是用汉字记录汉语的书面语能力，这是语言和文字能力的共同体现。

我们都知道，语言和文字是两个系统，语言是由语音、词汇和语法组成的复杂的统一体，而文字包括字形、字音和字义三个方面。

为了使学生在口语和书面语两个方面都能精进，教师需精通文言文。文言文中有语言现象，也有文字现象。文本是语言和文字的共同体现。汉语和汉字的发展是从未中断的连续性发展。因此，古今一体，有继承，也有发展。我们学习文言文更多关注语言文字的继承部分。继承部分是古今相同的。

口语和书面语中所使用的语言，书面语中所使用的文字，都是从古到今一脉发展而来的。我们能够以古观今，从文言中汲取养分，掌握现代汉语。语言的传承性告诉我们，能够在现代汉语中找到古代汉语的语言因素，只有学习文言文，才能更好地掌握现代汉语。语言的传承有语音、词汇和语法三个方面。当然，词汇方面的传承是最多的。

首先在语音层面，古今语音的传承有助于我们了解现代汉语方言中的一些词语的发音、地名保留的古音等，如广州番禺市，“番”字就不读通常的读音，而是读 pān，这就是清代学者钱大昕提出的“古无清唇音”，这个读音就保留了古音。所以，地名也可以说是语音的活化石。

其次，词汇层面，现代汉语词汇对文言词汇的继承。现代汉语仍然使用文言词语，这些文言词语是现代汉语词汇的重要组成部分。文言词所表示的事物或现象还存在于本民族的现实生活中，在语言使用中常有浓重的书面语色彩。例如“底蕴、磅礴、如此、其、之、以、与、亦、甚、而已”等。

现代汉语熟语中的成语有很多都来自于文言文，来源主要有以下几个方面：

1. 来源于寓言

刻舟求剑（《吕氏春秋·察今》）

守株待兔（《韩非子·五蠹》）

愚公移山（《列子·汤问》）

自相矛盾（《韩非子·难一》）

滥竽充数（《韩非子·内储说上》）

2. 来源于历史故事

不擒二毛（《左传·僖公三十三年》）

不入虎穴，不得虎子（《后汉书·班超传》）

不值一钱（《史记·魏其武安侯列传》）

画蛇添足（《战国策·齐策二》）

狐死兔泣（《宋史·李全传下》）

3. 来源于诗文

学而不厌（《论语·学而》）

五十步笑百步（《孟子·梁惠王上》）

相濡以沫（《庄子·大宗师》）

积善成德（《荀子·劝学》）

清官难断家务事（《儒林外史》第二十九回）

有些历史词，在如今的国际交往中还有使用，如“陛下、殿下、皇帝、公主、公爵”等，有的

历史词在陈述历史事实时也仍在使用。

以上词语是将文言词直接传承下来的，如果我们学习了文言文，对于这些词语的来源和意义就会了如指掌。另外还有些文言词是被发展了的，这部分词语的理解也需要文言文的功底。

有些文言词中的基本词虽然已经被后起的合成词所取代，但是在现代汉语里依然有很强的构词能力，成为构成新词的一个词素。其基本词义还保留在新词中，如文言词“目”在现代汉语中用“眼睛”来表示，现代汉语中用“目”构成的词中有一部分保留了文言词“目”的意义，如“历历在目，目瞪口呆，目空一切”等。如果仅仅知道现代汉语中的“眼睛”，而不知道文言词“目”也指称眼睛，对于以上几个词语的理解就存在困难。

“木”在现代汉语中往往表示木头，供制造器物或建筑用的木料。对于“乔木、灌木”这样的词语就不好理解。若教师在讲解的过程中若能结合甲骨文字形，那么学生对这个字的本义就会记忆犹新，“木”的甲骨文字形作, 表示一棵树，是象形字，非常形象地告诉了学生“木”的本义。“乔”表示高大的，“乔木”就表示高大的一类树，灌木则表示较低矮的一类树。“木”字的本义是树木，由此引申出木材，这个意义在现代汉语中常常使用。古代的棺槨常用木材做成，所以“木”也常表示棺材，如出自《左传·僖公二十三年》的成语“行将就木”。“木”这个文言词的词义引申路径是非常清晰的，树木→木材→棺材。

以上文言词参与构词的现象可以看作传承，也可以看作发展。无论怎样，文言文对于我们掌握现代汉语词语都是大有裨益的。可以毫不夸张地说，不掌握文言文中的词语就无法很好地掌握现代汉语的词汇。词汇是语言的建筑材料，不掌握这个材料就无法真正掌握一种语言。

语法方面，现代汉语中有使动用的传承。

以上是现代汉语对文言的继承，从继承中可以看到二者的紧密联系，不可须臾分离。

文字是社会进入文明的标志，由于汉字的产生和连续发展，使得中华文明源远流长，从未中断。中华民族的思想根源、文化基因都蕴含在文言文的字里行间。对于从事汉语教学的教师而言，如果能够弄清楚汉字发展演变的脉络，从某种意义上说就是在探索中华文化的源流。

文言文的学习能够促进现代汉语的学习，而对于文言文的掌握则要以词语的学习为重点，词语学习要从汉字开始。以汉字作为汉语学习的根本抓手，因为文言文所用的语言是文言，文言词汇的特点就是单音节词占优势。读书自识字始，只有精通文字，我们才能识别文言中的文字假借、异体字等，这些文字背后都具有一定的理据性。同时，也能理解现代汉字字形，认识字义和字形之间的紧密联系，做到读书时能够准确理解词义，书写时也能减少错误。抓住了文言文这个牛鼻子，汉语学习和讲授就能达到事半功倍的效果。

A COMPARATIVE STUDY OF LANGUAGE LEARNING STANDARDS IN SURROUNDING COUNTRIES OF XINJIANG

Chen Wei

Xinjiang University, Urumchi, China

Language learning standards are an important basis for language teaching, language learning, textbook development, assessment testing and a comparative study of language learning standards in different countries is of positive significance. Previous studies have mostly focused on classical language learning standards in Europe, the United States, and Australia, and have not paid enough attention to atypical regional and national language learning standards. In this article, we translate and organize the language learning standards of the countries around Xinjiang, and conduct a comparative study with the newly promulgated Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education in China to explore the differentiated features of different language learning standards. The issues and findings explored in the article are mainly as follows.

(1) The article provides a detailed analysis of the newly developed Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education, focusing on the dynamic trend of syllable occurrence frequency,

the correspondence between syllable ordering and the number of Chinese characters. In addition, the article attaches importance to the combination of epochal and co-occurrence studies, and explains the development history of the Chinese Proficiency Level Standards and the Language Elements Level Syllabus, on the basis of which the Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education are compared with the Chinese Proficiency Vocabulary and Chinese Characters Level Syllabus (Revised, 2001), the Chinese Proficiency Level Standards and Level Syllabus (Trial, 1988), the Chinese Proficiency Grade Standard and Grammatical Grade Syllabus (1996), and summarize the differences of vocabulary list and grammatical syllabus.

(2) The article analyzes the reality of the national languages of Kyrgyzstan, Russia and Kazakhstan, and analyzes the significance of the study of language learning standards in the destination countries. In addition, the article translates and organizes the second language learning standards of the above three countries, plans and reorganizes some of them, and devotes itself to presenting the characteristics of different language learning standards and laying a solid foundation for the subsequent comparative analysis.

(3) The article divides the comparative analysis of language learning standards into two main types. First, it is a multi-dimensional comparative analysis based on the subject research object, and explores the differentiated features of the four language learning standards. The second is to summarize the characteristics of classical foreign language learning standards, analyze the differences and mutual appreciation against the subject of this article and gain relevant insights.

(4) The article compares and analyzes the development goals and principles, framework structure, language benchmarks, language skills, core competencies, topic tasks, quantitative indicators, content of language elements, cultural competence and intercultural communication competence, and performance assessment bodies of the Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education with the Subject Standard for Kyrgyz as a Second Language, the Russian National Standard for Russian as a Foreign Language, and the National Standard for Communicative Language Proficiency in Kazakh, to explore the differences between the four language learning standards, to provide reference for promoting the development of international Chinese language education, improving the international Chinese language education system, and to provide assistance to language education in other countries and regions.

(5) The article summarizes and analyzes the framework structure, specific features, and revised contents of the Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment developed by the Council of Europe and the Standards for Foreign Language Learning in the 21st Century developed by the ACTFL. On this basis, it compares with the four language learning standards described in this article and proposes thoughts on the improvement of the Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education, so as to lay the foundation for further building an international Chinese language education system supported by the disciplines of linguistics, education, psychology, and communication, and in line with the laws of language and culture transmission.

(6) The article focuses on the effective interface between language learning standards and language teacher standards, the article highlights the complementary contents of the Professional Competence Standards for International Chinese Language Teachers and the Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education. In addition, the article introduces the relevant teacher standards of other countries, and analyzes some of the content of the Russian Professional Standards for Teachers and the teacher competency requirements in the Subject Standard for Kyrgyz as a Second Language for the country that is the subject of this article.

Key words: language learning standards; Chinese language proficiency level standards; Kyrgyz language standards; standards for Russian as a foreign language; Kazakh language proficiency standards; comparative study

新疆周边国家语言学习标准对比研究

陈 魏

新疆大学国际文化交流学院

语言学习标准是开展语言教学、语言学习、教材编写、评估测试的重要依据,对不同国家语言学习标准的对比研究具有积极的意义。以往的研究多集中于欧洲、美国、澳大利亚的经典语言学习标准,对非典型区域、国家语言学习标准的关注不足。本文对新疆周边国家的语言学习标准进行翻译整理,并与我国最新颁布的《国际中文教育中文水平等级标准》进行对比研究,探讨了不同语言学习标准的差异化特征。文章探讨的问题及发现主要有以下几方面。

(1) 文章对最新研制的《国际中文教育中文水平等级标准》进行了分析,着重探讨了音节

出现频次的动态趋势、音节排序与汉字数量的对应关系。此外，文章重视历时研究与共时研究的结合，对汉语水平等级标准、语言要素等级大纲的发展历程作出了说明，在此基础上，将《国际中文教育中文水平等级标准》与《汉语水平词汇与汉字等级大纲》（修订本，2001）、《汉语水平等级标准和等级大纲》（试行，1988）、《汉语水平等级标准与语法等级大纲》（1996）进行对比分析，总结词汇表、语法大纲的差异内容。

（2）文章分析了吉尔吉斯斯坦、俄罗斯、哈萨克斯坦的国语现实状况，对目的国语言学习标准研究的意义进行了分析。此外，文章对上述三个国家的第二语言学习标准进行了翻译整理，对部分内容进行规划重组，致力于呈现不同语言学习标准的特点，为后续的对比分析打下坚实的基础。

（3）文章将语言学习标准的对比分析分为两大类型，一是基于课题研究对象的多维度对比分析，探寻四种语言学习标准的差异化特征。二是总结国外经典语言学习标准的特色，对照本文的研究对象，分析差异与互鉴，获得相关启示。

（4）文章将《国际中文教育中文水平等级标准》与《吉尔吉斯语作为第二语言学科标准》《俄罗斯国家对外俄语标准》《哈萨克语语言交际能力国家标准》的制定目标与原则、框架结构、语言基准、语言技能、核心能力、话题任务、量化指标、语言要素内容、文化能力与跨文化交际能力、成绩评估体系进行对比分析，探寻四种语言学习标准的差异，为推动国际中文教育发展，完善国际中文教育体系提供参考，并对其他国家和地区的语言教育提供帮助。

（5）文章总结分析了欧洲理事会制定的《欧洲语言共同参考框架：学习、教学、评估》和美国外语教学委员制定的《21世纪外语学习标准》的框架结构、具体特色、修订内容，在此基础上，与本文所述的四种语言学习标准进行对照，并对《国际中文教育中文水平等级标准》的完善提出思考，为进一步构建以语言学、教育学、心理学、传播学为学科支撑，符合语言文化传播规律的国际中文教育体系打下基础。

（6）文章注重语言学习标准与语言教师标准的有效衔接，重点介绍了《国际中文教师专业能力标准》与《国际中文教育中文水平等级标准》的互补内容。此外，文章介绍了其他国家的相关教师标准，针对本文的研究对象国，分析了《俄罗斯教师专业标准》的部分内容和《吉尔吉斯语作为第二语言学科标准》中的教师能力要求。

关键词：语言学习标准；中文水平等级标准；吉尔吉斯语标准；对外俄语标准；哈萨克语能力标准；对比研究

POTENTIAL OF SELF-ORGANIZATION DURING STUDYING CHINESE FOR THE PROFESSIONAL PURPOSE

Vera A. Voroshilova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia

1. Point of discussion: possibilities of self-studying Chinese
2. Simplified idea about easier studying Chinese in China
 - lots of questions at the beginning
 - complicated educational and psychological stress of studying Chinese without help of medium-language and at self-studying
 - value of any help during self-studying
 - time-management in self-studying Chinese during staying in China for the professional purpose
 - power-and-time-consuming organizing problems and house chores
 - perception of foreign speaking around as a noise caused by absence of purposeful studying Chinese
3. Clear purpose – the basis of self-studying Chinese optimization
4. Choosing the most suitable materials – the first guarantee of efficient studying
5. Extra-time-spending for Chinese (Chinese / European language; studying with teacher / self-studying)
6. Inquired level of using Chinese – something important that might correct purpose and methods of studying
7. Understanding the dual nature of technical training aids for the best choice of learning strategy

8. Possible ways to measure the progress of self-studying Chinese:

- real communication results (level of satisfaction)
- HSK, HSKK, other kind of tests (work, study etc.)

ВОЗМОЖНОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

В. А. Ворошилова

Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия

1. Дискуссионный характер вопроса о возможности самостоятельного изучения китайского языка
2. Упрощенность представлений об однозначно более легком изучении языка при нахождении в языковой среде
 - множественность вопросов, возникающих на начальном этапе
 - повышенные учебные и психологические нагрузки при изучении китайского языка без языка-посредника (родного для обучающегося или иного знакомого иностранного языка)
 - важная роль любой возможной помощи и открытости в поиске источников знания при самостоятельном изучении языка
 - распределение времени, отводимого на изучение китайского языка с учетом приоритета занятий профессиональной деятельностью
 - поглощение свободного времени изучающего язык и сил организационными и бытовыми проблемами
 - восприятие незнакомой речи как информационного шума, мало помогающего прогрессу при отсутствии целенаправленного изучения языка
3. Ясность целей изучения китайского языка как основной вопрос, определенность ответа на который позволяет оптимизировать пути самостоятельного изучения языка
4. Выбор наиболее подходящих материалов и средств как залог эффективности обучения
5. Повышенные временные затраты на изучение китайского по сравнению с европейскими иностранными языками и на самостоятельное изучение
6. Желаемый уровень овладения языком как важный параметр, уточняющий цели и корректирующий методы изучения иностранного (китайского) языка
7. Понимание двойственной природы технических средств обучения – знание их плюсов и минусов как основа сознательного выбора стратегии обучения
8. Возможные способы контроля результатов самостоятельного изучения китайского языка
 - субъективная удовлетворенность от непосредственного общения с носителями, не владеющими родным для изучающего китайский язык, и от результатов коммуникации
 - объективный контроль (с помощью участия в международных квалификационных экзаменах, и других видах тестирования)

THE HISTORY OF CHINESE LANGUAGE TEACHING AT MOSCOW INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES IN USSR AND ITS IMPACT

Peng Lemei

Beijing Normal University, China

Russia is one of the world's leading countries in Chinese studies, and Chinese language teaching in its Higher Education Institutions began as early as the 1830s. After the October Revolution in 1917, Lenin and the Communist Party of the Soviet Union paid special attention to political propaganda and the development of revolution in the Eastern countries in the context of their pluralistic diplomatic strategy of "world revolution" and "peaceful coexistence". Thus, there was the need for professionals who knew the Eastern languages and were familiar with the situation in these countries and societies. In 1921, The Moscow Institute of Oriental Studies (Московский институт востоковедения) was founded. In order to strengthen its faculty of Chinese language, the Soviet regime mobilized the resources of sinology in Moscow and Petrograd and established the Chinese language Department. And after the dissolution of the Institute in 1954, most of students and teachers of the Chinese Language Department were transferred to the Institute of Oriental Languages of Moscow State University (Института восточных языков МГУ) and Moscow State Institute of International Relations (МГИМО).

The Moscow Institute of Oriental Studies greatly expanded the scale of Chinese language teaching in the 1950s and produced the largest and most successful generation of sinologists in the history of Russian sinology, including M.V. Klyukov. These students have made outstanding contributions to the study of Chinese studies in the Soviet Union and were active in various fields of Sino-Soviet communication. A historical review of Chinese language teaching at Moscow Institute of Oriental Studies is helpful for exploring the historical development of Chinese language teaching in Russia. What is more, it is worth mentioning that its Chinese language teaching activities also made an active impact on China and became an important reference sample for China to build his own career of Chinese language teaching abroad.

This article summarizes the development of Chinese language teaching at the Moscow Institute of International Relations and gives a glimpse of the Chinese teaching achievement by using the oral interviews of Russian sinologists. In addition, the article also unearths documents about teaching Chinese as a foreign language in China, and presents the influence and status of The Moscow Institute of Oriental Studies.

Throughout the thirty years history of the Institute, it can be found that its development was closely related to the "Oriental Revolution" policy of the Communist Party of the Soviet Union and the national fate of the Soviet Union. Although the study in Moscow Institute of Oriental Studies was disrupted by political and social turmoil at home and abroad, it is gratifying to note that its academic legacy was inherited and continued to develop by Moscow State Institute of International Relations, and its influence also radiated to the education of Chinese as a foreign language in China. The Moscow Institute of International Relations and the School of Oriental and African Studies of Moscow State University today have taken the period of Moscow Institute of Oriental Studies as an important part while writing the historical chapter of Chinese language education. Likewise, when writing the history of Chinese language education in China, the Moscow School of Oriental Studies should also fill in this page.

苏联莫斯科东方学学院的汉语教育史及其影响

彭乐梅
北京师范大学

俄罗斯是世界上的汉学大国，其高等院校的汉语教学早在 19 世纪 30 年代已起步。1917 年十月革命后，列宁和俄共（布）在推行“世界革命”和“和平共处”的多元外交战略的背景下，格外重视在东方国家进行政治宣传和发展革命。懂得东方民族语言，熟悉东方国家和社会情况的专业人才成为俄共（布）和苏维埃政权亟待解决的问题。莫斯科东方学学院（Московский институт востоковедения）在此背景下于 1921 年创立。为加强该学院师资和汉学力量，苏维埃政权调集莫斯科、圣彼得堡的汉学资源，建立东方学学院汉语教研室。该学院是苏联政府所建立第一个汉语教育机构，在 20 世纪上半期是莫斯科地区唯一一所较为稳定地开展汉语教学的高等院校。1954 年东方学学院解体后，汉语教研室的师生除一部分转入后来成立的莫斯科大学东方语言学院（Института восточных языков МГУ）外，其余大部分并入莫斯科国际关系学院（Московский государственный институт международных отношений, МГИМО）。

莫斯科东方学学院于五十年代极大地扩大汉语教学规模，培养了俄罗斯汉学史上包括克留科夫（М. В. Крюков）在内的人数最多、成就最高的一代汉学家，教学成就在欧洲乃至世界汉语教育史上屈指可数。这些学生为苏联的中国学研究作出了突出贡献，活跃在中苏交流的各个领域。对莫斯科东方学学院汉语教学的历史回顾，有利于梳理俄罗斯汉语教学的历史沿革与发展脉络。更值得一提的是，莫斯科东方学学院的影响辐射到新中国，成为中国对外汉语教学草创时期的重要参考样本。

本文主要利用莫斯科国际关系学院编写的校史资料总结勾勒东方学学院汉语教学的发展始末，并运用俄罗斯汉学家口述史集中展现莫斯科东方学学院的汉语专业师生及基本的教学面貌。除此之外，文章还挖掘出国内尚缺乏整理和深入研究的新中国对外汉语教学的相关资料，客观呈现东方学学院的影响和地位。

纵观莫斯科东方学院三十余年的历史，可以发现，这所政治色彩浓厚的语言专科院校的兴起、发展乃至最后的撤销均与苏共的“东方革命”政策和苏联的国家命运休戚相关。尽管集中苏联全国的东方学资源开办的莫斯科东方学学院遭遇国内外政治、社会动荡的干扰，教学秩序一再被

打乱,但是令人欣慰的是,东方学学院的学术遗产为莫斯科国际关系学院所继承并继续发展,其影响还辐射到新中国的对外汉语教育。今天的莫斯科国际关系学院以及莫斯科大学亚非学院在书写汉语教育的历史篇章时,都将莫斯科东方学学院作为重要的发展阶段。同样的,书写新中国对外汉语教育史时,也理应填补上莫斯科东方学学院这一页。

ПИСЬМО КАК ОБЪЕКТ ОВЛАДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Е. С. Карманова

Московский городской педагогический университет

Компонент письма на иностранном языке является неотъемлемой составляющей процесса обучения. Придерживаясь концепции Л. К. Мазуновой, в данном исследовании феномен письма будет рассматриваться как методическая категории, объект целенаправленного и системного обучения. В исследуемой проблематике центральными становятся вопросы – что такое письмо, может ли письменная речь претендовать на большую роль, чем вспомогательное средство овладения языком.

В контексте понимания термина «письмо» при обучении китайскому языку представляется весьма актуальным исследование китаеведов, специалистов в области китайской письменности. А. Я. Шер считает, что с научной точки зрения, письмо – это система графических знаков для фиксации языка слов, т.е. устной речи людей. В современной китайской иероглифической письменности каждый знак – иероглиф служит для записи отдельного односложного слова или для записи значимой части слова. В звуковом отношении иероглиф соответствует слогу.

В исследовании В. М. Солнцева письмо определяется как система графических знаков для записи звукового языка. Иероглифическое письмо – эта такая система письма, в которой один графический знак записывает либо одно целое слово, либо морфему – значимую часть слова.

Е. Н. Горелов предлагает разделение систем письменности на фонетическую и иероглифическую. При фонетическом письме каждый знак-буква обозначает звук. Следовательно, фонетическое письмо фиксирует звуковую сторону слова. При иероглифическом письме каждый знак – иероглиф обозначает односложное слово или значимую часть многосложного слова.

Несомненная важность этих работ состоит в том, что в них определена специфика иероглифического письма, которая сводится к тому, что в данной системе письма каждый знак – иероглиф служит для записи отдельного односложного слова, либо морфемы – значимой части слова. Несомненно, данная особенность влияет на то, что весь процесс обучения китайскому языку становится чрезвычайно трудоемким и весьма непростым.

Причины такого положения, на наш взгляд, кроются прежде всего, в том, что методические проблемы обучения иероглифической письменности китайского языка являются едва ли не наименее разработанными современно отечественной и зарубежной методике.

В отечественной традиции методики преподавания китайского языка можно выделить три основных работы: И. В. Кочергин «Очерки методики обучения китайскому языку», О. А. Масловец «Методика обучения китайскому языку в средней школе Н. А. Демина «Методика преподавания практического китайского языка». Рассмотрим более подробно подход к обучению письма в китайском языке, представленный в них.

И. В. Кочергин считает необходимым разделить обучение письму на два этапа – начальный и продвинутый, содержание которых значительно отличается. Первый этап ориентирован на формировании моторных графических навыков и навыков зрительной идентификации отдельных графических элементов, их несложных комбинаций в составе простейших иероглифов, овладение базовыми графическими элементами. В то время как на продвинутом этапе задача состоит в овладении все новыми и новыми иероглифическими знаками в качестве активных лексических единиц, т.е. в запоминании этих знаков в комплексе «иероглиф – чтение – значение» и удержание их в долговременной памяти с целью рецепции и репродукции в письменной речи.

Особое значение для методики преподавания письма является утверждение автора о том, что на начальном этапе обучения китайскому языку навыки устной коммуникации и навыки и умения письма необходимо формировать раздельно, т.е. овладение иероглификой не должно тормозить формирования навыков слушания и говорения, с самого начала должен быть произвольным и осознанным. Более того у обучаемого должно быть сформировано представление о том, что отдельные иероглифы – это графические

знаки, обладающие семантикой и, как правило, выражающие понятия, а не конкретные лексические (словарные) значения. Организация процесса формирования лексических навыков должна предусматривать не только общую классификацию лексических единиц, но и возможность построения каждым обучаемым своей сети ассоциативно связанных иероглифов с опорами на индивидуальные особенности психики.

О. А. Масловец полагает, что процесс обучения китайской письменности, выстроенный без учета исторических, семантических, психологических особенностей овладения иероглификой, значительно уменьшает эффективность усвоения иероглифического материала и снижает мотивацию к изучению китайского языка в целом.

Учебное пособие О. А. Масловец позволяет глубже понять методы и приемы обучения иероглифическому письму китайских авторов. Они полагают, что этот процесс будет протекать более успешно, если не только обращать внимание учащихся на запоминание чтения, записи и употребления каждого иероглифа, но и развивать у них иероглифическое «чутье», основываясь на причинно-следственной связи трех составляющих иероглифа (звучания, написания, значения) и их составных элементов, то есть анализа и синтеза внутренней структуры, формы, сочетаемости каждого составного элемента.

Н. А. Демина придерживается точки зрения, что важным для обучаемого является овладение графемами и ключами, а сам процесс овладения иероглификой можно разделить на несколько периодов: 1) обучение графическим элементам и ключам; 2) обучение иероглифики при прохождении всего курса. На первом этапе закладываются основы каллиграфии, педагог должен обращать внимание на все особенности написания иероглифа, в элементарной форме познакомить с историей возникновения и развития иероглифической письменности, категориями иероглифов и принципами их написания. На втором этапе запоминание иероглифов проводится обучающимися самостоятельно.

Китайские специалисты уделяют большое внимание обучению письму, используя комплексный подход, при котором важно изучение таких компонентов, как особенности иероглифической письменности как системы письма, ее истории, в том числе особенности изменения и упрощения знаков; структуры, видов и элементов иероглифа, произношения, чтения и письма и культурно-исторического наполнения каждого письменного знака.

Обобщая материал данных авторов, результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

1) Процесс обучения письму должен быть осознанным и напрямую взаимосвязан с особенностями мыслительной деятельности обучаемого и видами памяти, эффективна актуализация ассоциативной связи, процесс обучения должен обеспечивать обобщенность восприятия и классификации наиболее продуктивных языковых знаков (И.В. Кочергин);

2) Процесс обучения письму будет наиболее эффективным при условии включения разных способов и приемов как отечественных, так и китайских методистов (О. А. Масловец).

3) Мнения авторов сходятся в том, что процесс обучения письму неразрывно связан с ознакомлением обучаемого с этимологией и развитием иероглифической письменности, категориями иероглифов и принципами их написания.

При всей значимости работ названных исследователей, они не отвечают на вопрос о том, может ли письмо претендовать на большую роль, чем вспомогательное средство овладения языком. Значение данной проблемы повысилось в последнее время в связи с введением новых образовательных стандартов и требует поиска подхода, при котором обучение письму на китайском языке перестает быть неким изолированным от других предметных областей процессом.

С нашей точки зрения это возможно при применении принципа когнитивной направленности процесса обучения. Методика обучения иероглифике в рамках когнитивного подхода находится в стадии становления (Хэлен Шэнь, Цай Чэньхуэй, Лиша Сю, Шу Чжу). Данный подход основан на исследованиях когнитивной психологии (Дж. Брунер, У. Ривер, Д. И. Озбел). Он появился как результат исследований ученых в сфере ментальных процессов приема, переработки и хранения информации, особенностей ее структурирования в сознании обучающихся. В соответствии с положениями данного подхода обучение иероглифике должно происходить с опорой на умственные процессы.

Данный подход не только учитывает особенности усвоения обучающимися китайского письма, но и обращает внимание на их способность организовывать свою учебную деятельность самостоятельно и сознательно и более того способствует обучению стратегиям учебно-познавательной деятельности, которые носят универсальный характер для всех учебных предметов.

ПЕРЕВОДНОЙ МЕТОД ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Н. Н. Репнякова

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

Сегодня методика обучения иностранным языкам, в целом, и китайскому, в частности, имеет богатый и разнообразный арсенал методов (грамматико-переводной, аудиовизуальный, коммуникативный и т.п.). Современная тенденция – это ориентация на формирование тех или иных компетенций, обусловленных получаемой студентами специальностью (как правило, выделяют лингвистов и нелингвистов).

В неязыковом вузе преподаватель работает со студентами, для которых языкознание и лингвистическая терминология – материал, требующий отдельной проработки. Данная ситуация обуславливает разные подходы в преподавании иностранного языка, включая выбор принципов и методов обучения. Например, на начальном этапе (первом курсе) студентам-экономистам иероглифика преподается с использованием этимологического метода, а фонетика и устная речь – аудиолингвальным методом и методом устного опережения.

Особого внимания заслуживает переводной метод, который, на наш взгляд, несправедливо исключен из ряда эффективных методов обучения иностранному языку. Данный метод параллельно с методом опор (визуальных и аудиовизуальных) используется при объяснении незнакомых лексических единиц, изучении нового грамматического материала (при чтении и переводе примеров), работе с текстами профессионального содержания. Переводной метод позволяет сэкономить время, способствует повышению эффективности процесса обучения, развивает профессиональные навыки владения китайским языком, учит работать со словарем, находить нужную информацию, готовит студентов к самостоятельной работе.

Можно сделать вывод, что преподавателю при обучении китайскому языку студентов неязыковых специальностей требуется особое внимание уделять как выбору методов обучения (переводных, прямых, смешанных), так и балансировке их применения, что зависит от этапа и цели изучения китайского языка.

Изучение китайского языка на уроках и во внеклассной деятельности

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ЗА ПАРТОЙ И ВНЕ КЛАССА: ОПЫТ ПАРТНЕРСТВА ШКОЛЫ № 112 ГОРОДА НОВОСИБИРСКА С НОВОСИБИРСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ

В. Н. Платонов¹, Ю. А. Азаренко²

¹ Средняя общеобразовательная школа № 112 г. Новосибирска

² Новосибирский государственный университет

В декабре 2009 г. на региональном этапе VIII Международной ярмарки социально-педагогических инноваций в Новосибирске было анонсировано начало сотрудничества школы №112 с Новосибирским государственным университетом (НГУ) в рамках проекта «Класс Конфуция НГУ», с 2020 г. – «Институт Конфуция НГУ». Вскоре после этого на базе школы был создан Международный центр изучения китайского языка и культуры, деятельность которого сегодня ведется при поддержке научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» Гуманитарного института НГУ и стал ежегодным набор в первый класс с китайским языком.

В настоящее время китайский язык изучают более 300 учеников школы, начиная с первого и заканчивая одиннадцатым классом. В начальных классах традиционно работают молодые педагоги, которые успешно применяют современные методы обучения, их главная задача – увлечь детей изучением китайского языка, заложить основы навыков говорения и познакомить с иероглификой. Для этого используются китайские учебники, специально разработанные для детей младшего возраста, и различные мультимедийные, интерактивные материалы. С обучающимися среднего звена занимаются более опытные учителя по учебникам, рекомендованным министерством образования РФ (второй иностранный язык). Школьники участвуют в различных интернет-олимпиадах и конкурсах китайского языка, фестивалях и выставках творческих работ, в том числе проводимых китайскими учредителями. В 2022/23 учебном году несколько учеников дополнительно занимаются с китайским преподавателем НОКЦ «Институт Конфуция» Гуманитарного института НГУ в онлайн формате разговорным языком и подготовкой к детскому международному тесту по китайскому языку YCT.

Кроме занятий иностранным языком, школьники знакомятся с культурой Китая. На базе международного центра школы № 112 ежегодно проходят мероприятия, посвященные Китаю, такие как конкурсы каллиграфии, эссе, произведения, фотографии; различные выставки, вечера китайской поэзии; до пандемии организовывались выступления китайских художественных коллективов. В числе красочных и веселых традиционных мероприятий школы – концерты по случаю всемирного Дня институтов Конфуция, празднование Нового года по лунному календарю, мастер-классы по вырезанию из бумаги «цзяньчжи» и каллиграфии, у-шу, чайной церемонии, китайской кулинарии.

Педагоги и выпускники имеют возможность участвовать в культурно-образовательных программах китайских вузов (ныне – дистанционных); с возможностями изучения китайского языка в китайских университетах старшеклассники знакомятся на презентациях, организованных посольством и генконсульством КНР. Учителя повышают квалификацию на курсах в Китае и в России, выступают на научно-практических конференциях, делясь своим опытом. Один из учителей в 2020/2021 учебном году сдал экзамены, получив статус «местного преподавателя китайского языка» Института Конфуция. В ноябре 2021 г. успехи двух педагогов были отмечены жюри всероссийского конкурса Московского государственного лингвистического университета «Лучший сценарий урока по китайскому языку». В школе, совместно с преподавателями НГУ, неоднократно проводились семинары и открытые уроки для педагогов и студентов, изучающих китайский язык. Осенью 2022 г. на базе школы № 112 впервые проходили педагогическую практику студенты Горно-Алтайского государственного университета (также партнера НГУ по проекту «Институт Конфуция»).

В 2020 г. две ученицы школы № 112 стали победителями регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку, одна – победителем заключительного этапа. В 2021 г. две выпускницы школы поступили в Шанхайский педагогический университет, входящий в 30 передовых университетов КНР. В 2022 г. две ученицы школы заняли третье место в индивидуальном зачете Всероссийского конкурса по китайскому языку среди младших школьников «Китайский язык – это мост», а также второе место в командном рейтинге (Екатеринбургский консульский округ). Эта победа стала возможной благодаря совместной подготовке конкурсанток педагогами школы и преподавателями «Института Конфуция НГУ».

Привитая в школьные годы любовь к китайскому языку сохраняется и последующем. Одна из выпускниц, уже получив диплом экономиста, весной этого года вновь пришла изучать китайский в «Институт Конфуция НГУ», в октябре став победителем всероссийского молодежного конкурса «China professional HiPo» (в составе команды).

В школе № 112 одним из приоритетных направлений подготовки является инженерное, сотрудничество России с Китаем в области науки и техники – важный элемент стратегического партнерства двух стран. Мы надеемся, что знакомство с Китаем и китайским языком в стенах школы поможет ее будущим выпускникам лучше понимать коллег из Поднебесной – не только в гуманитарных контактах, но и в профессиональной деятельности в технической сфере.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Ван Личжун

**Ульяновский государственный технический университет, Россия;
Харбинский политехнический университет, Китай**

В настоящее время сопоставительная лингвистика как научная дисциплина привлекает к себе все больше и больше внимания. Что же касается методики преподавания китайского языка в российской аудитории, то обращение к родному языку — русскому для подчеркивания его сходств и различий с изучаемым языком — довольно часто встречающийся прием, то есть чаще всего сопоставительные исследования связываются с задачами преподавания китайского языка. Например, существительное в китайском языке не имеет грамматической категории рода. В отдельных случаях род выражается лексически, причем это касается только некоторых существительных, обозначающих одушевленные предметы, например, 男老师— преподаватель, 女老师— преподавательница. Существительное в китайском языке нейтрально в отношении числа. Оно может обозначать как единичный предмет, так и совокупность однородных предметов. Число существительных является аффикс 们. Однако и он используется ограниченно. Аффикс 们 образуется, главным образом, множественное число имен существительных, обозначающих лица, например, 老

师们— преподаватели, 学生们 — учащиеся. Редко аффикс 们 используется для образования множественного числа существительных, являющихся названиями животных и птиц. Таким образом, как мы видим, деление межъязыковых сходств и различий на методически релевантные и нерелевантные имеет огромное практическое значение. Без внимания к этому аспекту исследования результаты сопоставительного изучения невозможно использовать при обучении китайскому языку как иностранному, при создании научно обоснованной системы учебников, учебных пособий и программ по китайскому языку как иностранному. И поэтому сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях полезно для обучения китайскому языку в российской аудитории.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ И ГРУППАМ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

А. В. Выбойщик

**Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия**

В настоящее время запрос на обучение китайскому языку в Уральском регионе сформировался не только среди молодежи, но и среди лиц, уже получивших высшее или среднее специальное образование и работающих на различных предприятиях. Это обусловлено переориентацией предприятий, в т.ч. машиностроительного комплекса, с европейского и американского рынка на Китай, что обусловило необходимость обучения специалистов указанных отраслей китайскому языку.

В отличие от студенческой аудитории, где рабочие программы утверждаются министерством и содержат строго определенный набор тем, специалистам, которые, как правило, включают слушателей среднего возраста, требуются темы, непосредственно связанные с их производственной деятельностью. Опыт перевода технической документации показал, что хорошо подготовленный в своей области инженер может понять текст на китайском языке, относящийся к сфере его деятельности, при знании примерно 1500–1800 базовых иероглифов и необходимых для его специальности технических терминов. С другой стороны, профессиональный переводчик, имеющий опыт работы с текстами различной тематики, может при необходимости освоить новую для себя область перевода. Таким образом, задача обучения специалистов, в первую очередь инженерных, китайскому языку является актуальной.

На наш взгляд, вне зависимости от специальности основное внимание следует уделять таким темам, как профессиональная терминология, деловой язык, разговорный практикум, грамматика научно-технических текстов.

Опыт преподавания технических дисциплин студентам из КНР с параллельным комментарием на китайском языке показал более высокую степень усвоения материала, чем при преподавании на неродном языке (русском или английском).

Таким образом, можно предположить, что преподавание китайского языка специалистам, базирующееся на профессиональной терминологии будет эффективным.

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОЙ РЕЦИРКУЛЯЦИИ ИЗУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ СО ШКОЛЬНИКАМИ

А. С. Елецкая

Средняя общеобразовательная школа № 112 г. Новосибирска, Россия

В любом правильно спланированном курсе будет достаточно возможностей для реализации процесса повторения изученного материала. Потому что если мы будем просто переходить от темы к теме, то ученики будут забывать все, что они учили ранее.

У школьников много предметов, а китайский язык часто не является первым иностранным языком, однако преподаватель может выстроить учебный процесс таким образом, что в результате ученики успешно осваивают материал, умеют и не боятся его использовать в отношении всех аспектов языка.

Обеспечить необходимый уровень рециркуляции возможно, добавив больше связей между изучаемыми темами на протяжении всего курса китайского языка, при формировании и использовании соответствующих заданий и упражнений. Обеспечение рециркуляции пройденных тем, лексики, грамматики и навыков не занимает много времени, но помогает учащимся чувствовать себя все более уверенно, быстрее

и лучше запоминать материал, более ответственно подходить к учебному процессу, и, соответственно, с большим интересом вовлекаться в процесс обучения в целом.

В своей работе как с индивидуальными учениками, так и с учениками в группах, на онлайн уроках, и в школьных классах, с детьми, и со взрослыми, я обязательно обеспечиваю повторение на всех уровнях: тематическом, лексическом, грамматическом, на уровне отработки навыков.

Подбор материалов и подготовка упражнений и заданий на рециркуляцию занимает не много времени, но позволяет добиться больших успехов и результатов при работе с учениками, особенно со школьниками, которые ограничены временем и программой, иногда пропускают уроки по причине болезней.

Мои ученики регулярно занимают призовые места в различных конкурсах, в том числе, в 2022 г. ученицы нашей школы заняли третье место на всероссийском этапе конкурса «Китайский язык – это мост». Я уверена, что успехи моих учеников напрямую связаны с тем, как выстроен мною процесс обучения, и как естественно встраиваются в него упражнения и задания на рециркуляцию, обеспечивающие качественное запоминание и овладение лексико-грамматическим материалом и навыками, необходимыми при столкновении с китайским языком.

«ДРИЛЛ» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ ШКОЛЬНИКОВ

Ю. А. Шилова

**Новосибирский государственный университет,
средняя общеобразовательная школа № 112, образовательный центр «Горностаи»,
г. Новосибирск, Россия**

Школьные учебники китайского языка для 5–6-го классов содержат весьма скромный набор упражнений, невелико и их количество. Основные виды заданий: «прочитай вслух», «переведи с русского на китайский», «перепиши иероглифический текст фонетической транскрипцией», «заполни пропуски».

Недостаток заданий и упражнений на тренировку в школьных учебниках и рабочих тетрадях требует от учителя не только введения нового материала, но и подготовку дополнительных заданий и упражнений на тренировку и закрепление.

В выступлении будет показано, как с помощью такого упражнения, как «дрилл» можно выполнить эту важную задачу в рамках обучения школьников китайскому языку начального уровня.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

А. М. Заставенко

Средняя общеобразовательная школа №112 г. Новосибирска, Россия

В данной статье рассматривается польза применения информационных технологий в введении и отработки нового лексического материала на уроках китайского языка.

Изучение иностранных языков является одной из основных задач среднего общего образования, это связано с тем, что многие специальности и профессии сейчас тесно связаны с иностранным языком: IT-технологии, маркетинг, бизнес, международные отношения и пр. В связи с этим требования к преподаванию иностранных языков также повышается, что кардинально меняет подход к обучению. Многие школы города Новосибирска с 2015 г. выбрали в качестве второго обязательного иностранного языка китайский.

Современные УМК по китайскому языку имеют множество дополнительных пособий, которые направлены на отработку лексического и грамматического материала. Но основная проблема в том, что большинство материала может не усваиваться только по той причине, что преподавание новой информации и его отработка не были запоминающимися, если преподаватель использует только бумажный носитель информации, не прибегая к использованию современных технологий.

Обучение китайскому языку несколько сложнее, чем любому другому, в силу того что письменная речь – иероглифическая, поэтому необходимо очень много внимания уделять правильному формированию навыков письма: правильному написанию черт, их порядку письма.

Использование таких информационных технологий как наглядная презентация, интерактивные лексические игры, образовательные сайты, способствует быстрому и прочному закреплению лексического материала. Главная задача педагогов – создать интерес и замотивировать обучающихся активно участвовать

в дальнейшем образовательном процессе, а также работать с учениками привычными, понятными им способами.

Ключевые слова: современные технологии, информационные технологии, иностранные языки, китайский язык, среднее звено, лексика.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Еэрбаота Нуэрпулати

Факультет иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Русский язык относится к славянской языковой группе и является официальным языком Российской Федерации, а также Советского Союза. Китайский язык относится к китайско-тибетской семье языков. И русский, и китайский языки являются одними из самых богатых языков в мире. Русский и китайский языки похожи или идентичны с точки зрения фонологии, но в то же время очень различны или диаметрально противоположны. Данная статья посвящена особенностям русской и китайской фонетики и выявляет сходства и различия между ними путем сравнения.

Сравнение русского и китайского слогов

Русские слова можно разделить на слоги, слог обычно состоит из гласного и согласного, или слог без согласного, но обязательно содержащий гласную или гласную букву. Русский язык более богат слогами и более свободно сочетается, согласные появляются перед и после гласных, а количество слогов в слове может состоять из одного или нескольких согласных, в основном это закрытые слоги. Слоги не обязательно должны быть словами, а слова могут состоять из одного или нескольких слогов. Например:

1. единичный согласный, например, я;
2. гласный + согласный, например, он;
3. гласный + гласный, например, аэропорт;
4. согласный + гласный, например, но;
5. согласный + гласный + гласный + согласный, или согласный + гласный + гласный + гласный + согласный + согласный, театр;
6. согласный + гласный + согласный, например, без;
7. согласный + согласный + гласный, например, слова;

Слоговая структура китайского языка проста, с четкими границами слогов, а тоны являются важной частью слогов и обладают сильным чувством ритма. Китайские слоги обычно делятся на три части: гласные, рифмы и тоны. Например:

1. один гласный, например, "啊" [a];
2. гласный + согласный, например, "安" [ан];
3. гласный + гласный, например, "哎" [э];
4. согласный + согласный, например, "哼" [хенг];
5. согласный + гласный + гласный + согласный, "光" [гуан];

Китайские слоги имеют единообразную комбинацию гласный + рифма, причем гласный берется согласным, а рифма берется одним или несколькими гласными. В отличие от русских слогов, которые являются преимущественно закрытыми слогами, китайские слоги являются преимущественно открытыми слогами.

Русское ударение в сравнении с китайской интонацией

Русский язык – это язык, в котором слог выделяется фонетическими средствами, называемыми ударением, а выделенный слог называется ударным слогом. Ударение в основном отражается на интенсивности и длительности слога за счет его усиления. В некоторых многосложных русских словах ударение может переноситься с одного слога на другой. В китайском языке, с другой стороны, тон характеризуется главным образом в пределах слога, как дифференцированная относительная высота тона в пределах слога, форма и амплитуда изменения высоты тона в единой основе, определяемые сравнительным методом, и это относительное изменение высоты тона является скользящим. Тон чрезвычайно важен для китайских слогов. Русское ударение отличается от китайского тона тем, что русский язык увеличивает разнообразие слогов за счет использования согласных, в то время как китайский увеличивает количество слогов за счет тона. Ударения в русском языке, с их интенсивностью тона, относительно свободны и нетипичны. Четыре тона в китайском языке, с другой стороны, являются типологическими, при этом слог имеет отдельный тон. В

русских многосложных словах ударение – это звук, который произносится сильнее других слогов, тогда как в китайском языке тоны – это относительные высоты тона с фиксированным тональным значением.

Читать слитно – распространенное явление в русском языке. Слово, заканчивающееся на согласную, будет писаться с последующей гласной, образуя слог, а слова, которые читаются вместе, будут едины с точки зрения произношения, например: согласная **б** в слове об этом находится в конце предыдущего слова, а следующая за ней гласная э, как правило, читается вместе, образуя слог. В русском языке слоги сочетаются более свободно, и ударение иногда смещается вместе с ними. В китайском языке, напротив, слоги облегчаются, педалируются и тонизируются в потоке речи, и когда они читаются вместе, тембр гласных не меняется и ослабляется в меньшей степени. Но в феномене легких и педализованных звуков происходит изменение тембра; не происходит изменения в реорганизации между другими слоговыми элементами. Подводя итог, можно отметить три различия.

Что касается согласных: в русском языке 36 согласных, а в китайском – 21 согласный, один нулевой согласный и пг согласных, используемых в качестве рифменных окончаний. Наиболее трудными для русских являются те согласные, которых нет в родном языке, но есть в китайском, например, *zh, ch, sh* т.д. Следующие по трудности согласные – это те, в которых есть небольшая разница между родным и китайским языками, например, *j, q, x* (русские т, ч, щ), которые близки к китайским, но имеют разные части речи.

Тон: Русский язык – это язык без тона, и неважно, каким тоном произносится слово, это не меняет его смысла. Китайский язык является тональным языком, где высота тонов различима, и любая незначительная неточность в тонах может привести к двусмысленности. Однако русские склонны использовать русское ударение, чтобы соответствовать китайскому склонению, что приводит к такому явлению: 你去哪里? (Куда ты идешь?) Это связано с тем, что китайское склонение очень короткое, в то время как русское произношение характеризуется удлинением ударного слога, так что "那里" (там) звучит как "哪里" (где).

Фонологические изменения в потоке речи: В потоке речи соседние фонемы взаимодействуют друг с другом, и произношение некоторых фонем меняется определенным образом. В китайском языке это связано, главным образом, с фонетической природой русского и китайского языков. В основном это связано с фонетической природой ударения в русских и китайских словах: в русском языке – это «качественное ударение», а в китайском – «музыкальное ударение».

俄汉语音对比分析

叶尔宝塔·努尔普拉提

新疆大学外国语学院

俄语属于斯拉夫语族，是俄罗斯联邦以及前苏联地区的官方语言。汉语属于汉藏语系，是世界上使用人数最多的语言。俄语与汉语都是世界上最丰富的语言之一。俄语与汉语在语音方面，既有相似或相同之处，也有相差很远或截然相反的地方。本文着重对俄语与汉语语音方面的特点进行具体阐述，并通过对比，揭示二者的异同。

俄汉音节对比

俄语的词语可以划分为音节，一个音节通常是由元音和辅音组成的，也有音节可以没有辅音，但是必须要含有元音或者元音字母。俄语的音节较为丰富，组合也较为自由，元音的前后都可以出现辅音，单词中的音节数目较为灵活，可以由一个辅音或多个辅音组成，多以闭音节为主。音节不一定是单词，而单词可以由单音节构成，也可以是多个音节构成。例如：

1. 单元音，如 я;
2. 元音+辅音，如，он;
3. 元音+元音，如，аэропорт;
4. 辅音+元音，如，но;
5. 辅音+元音+元音+辅音，或辅音+元音+元音+辅音+辅音，如，театр;
6. 辅音+元音+辅音，如，без;
7. 辅音+辅音+元音，如，слова;

汉语的音节结构简单，音节界限分明，声调是音节的重要组成部分，节律感强。汉语音节

总体分为声母、韵母、声调三部分。例如：

1. 单元音，如“啊”[a];
2. 元音+辅音，如“安”[an];
3. 元音+元音，如“唉”[ai];
4. 辅音+辅音，如“哼”[heng];
5. 辅音+元音+元音+辅音，如“光”[guang];

汉语音节有着统一的组合规律，即声母+韵母，声母就是由辅音来担当的，韵母由一个或一个以上的元音来担当。不同于俄语音节是以闭音节为主，汉语则是开音节占多数。

俄语重音与汉语声调对比

俄语是以语音的手段，来突出某一音节，被称作重音，被突出的音节被称为重读音节。重音主要是通过加强音节的强度与音节的长度来体现的。在一些多音节词的俄语单词中，重音可以从一个音节转移到另一个音节上。而汉语中的声调的特征主要体现在音节内部，是音节内的有区别作用的相对音高，是用比较的方法确定的统一基调的音高变化的形式和幅度，这种相对音高的变化是滑动的。声调对汉语音节来说极其重要。俄语的重音与汉语的声调有区别，俄语是通过辅音的运用，来增加音节的种类，而汉语是通过声调来增加音节的数量。俄语中的重音，音高音强，相对来说是自由的、非类型化的。汉语的四个声调则是类型化的，一个音节拥有一个独立的声调。俄语多音节词中，重音就是比其他音节要重读的音，而汉语的声调是具有固定调值的相对音高。

俄语中有普遍的连读现象。连读指的是一个单词的词尾若是辅音，将与其后相邻的元音相拼，实际效果为组成了一个音节，连读的词在发音方面也会统一，如：говори́ть об э́том 中的 б 这个辅音位于前一单词的词尾，与其后的 о 这个元音，按照规则，将进行连读，构成一个音节。俄语中音节之间较为自由，会重新组合，重音有时候会随之产生移位的现象。而汉语的音节在语流中会发生轻声、儿化和变调，在连读时，元音音色不会改变，弱化程度较小。但是在轻声与儿化音的现象中，音色会有变化，其他音节的因素之间是不会产生重组的变化。总结下来，有以下三点不同之处：

声韵母方面：俄语有 36 个辅音，而汉语有 21 个辅音声母，一个零声母，ng 辅音用来做韵尾。对俄罗斯人而言最难的是母语中没有而汉语中有的声母，如 zh、ch、sh 等；其次是发音过程中母语和汉语之间有着细微差别的声母，如 j、q、x(俄语 т、ч、ш) 的发音接近汉语，但发音部位有差别。

声调方面：俄语是无声调的语言，一个词无论读什么调，都不会改变这个词的意义。可是汉语属于有声调语言，声调的高低升降都是具有区别作用的，只要声调稍不准确，就会产生歧义。但俄罗斯人往往拿俄语的重音对应汉语的声调去声，于是就会出现这种现象：你去那里(哪里)？这是因为汉语的去声很短促，而俄语重音的特征是将重读的音节拉长，这样一来“那里”听上去像“哪里”。

语流音变：在语流中，相邻的音素互相作用，相互影响，有些音素的发音就起了某些变化。在汉语中语流音变主要体现在了轻声、儿化音方面。主要是因为俄语与汉语词重音的语音本质所致：俄语是“质重音”(качественное ударение)，而汉语是“乐调重音”(музыкальное ударение)。

文中重点比较分析了俄语和汉语语音的不同，产生这种不同的原因是多方面的、复杂的。语音是语言的物质外壳，是语言的载体，俄语和汉语语音的巨大不同导致了两种语言的不同系属。分析比较两种语音文化的差别，也非常有助于大家相互学习语言。

AN EXPERIMENTAL STUDY ON DISYLLABIC NEUTRAL TONE PRODUCTION OF RUSSIAN INTERMEDIATE STUDENTS ⁴³

Wang Yingying, Wang Wei

College of International Cultural Exchange at Xinjiang University, Urumchi, China

Mandarin neutral tone is one of the difficulties for international students to learn Chinese phonetics. In this paper, the experimental method of phonetic annotation and acoustic analysis is used to examine the output of Russian intermediate students' Mandarin Chinese neutral tone by comparing with native Chinese speakers, and to explore the role of three phonetic elements, pitch, tonal range and duration, in the output of neutral tone.

The study was divided into two experiments: Experiment 1 was conducted by three native Chinese speakers to listen to and label 1128 (24 × 47) neutral tone data produced by 24 Russian intermediate students to obtain bias rate information. The experimental results showed that (1) the incidence of wrong tonal patterns varied among different disyllabic neutral combinations, with the highest error rate of light tones after the T3 context. The error rate of neutral tones was 74.9%, 45.1%, 20.4%, 20.3%, and the overall error rate of neutral tones was 40.2%. (2) The error rate of neutral tones after different tones varied, with 5.1% tending to be pronounced as T1 and 4.1% tending to be pronounced as going in the T1 context. In the T2 context, 20% tended to pronounce it as a T4; in the T3 context, 34.6% tended to pronounce it as a T4 and 26.4% tended to pronounce it as a T1; in the T4 context, 6.9% tended to pronounce it as a T2 and 5.3% tended to pronounce it as a T4.

Experiment 2 used 940 (20×47) neutral tones produced by 20 native speakers as the base data and analyzed them in comparison with the subjects, for a total of 2,068 (44×47) experimental data to obtain the acoustic experiment of neutral tone output. The results revealed that (1) in terms of pitch, there were different degrees of deviations between the subjects' output of neutral tone and native Chinese speakers, showing significant differences between Russian and native speakers in the T1 context ($F(18, 16.014)=1.485, p=0.025<0.05$), and between Russian and native speakers in the T2 context ($F(18, 14.564)=4.157, p=0.005<0.05$), In the T3 context, a non-significant difference between Russian and native speakers emerged ($F(18, 18)=0.033, p=0.737>0.05$), and in the T4 context, a non-significant difference between Russian and native speakers emerged ($F(18, 14.471)=4.240, p=0.144>0.05$). (2) In terms of tonal range, there was an overall tendency to flatten and a generally narrow tonal range, with Russian subjects being closer to native speakers in the tonal range of the neutral tone after the T3 and T4 than in the neutral tone after the T1 and T2. This also indicates that Russian subjects have a better command of the tonal range of the tones after the T3 and T4. (3) In terms of duration, there was a tendency for different degrees of lengthening. In the T1 context, the proportion of Russian neutral tone duration was significantly different from that of the native speaker group ($F(41, 37.689)=5.607, p=0.009<0.05$), and the subjects' neutral tone duration was relatively longer; in the T2 context, there was a significant difference between subjects and native speakers ($F(41, 40.601)=0.153, p=0.001<0.05$), with a relative lengthening of the duration of the neutral tone; no significant differences were found between subjects and native speakers in the T3 context ($F(41, 40.995)=0.179, p=0.327<0.05$), and significant differences were found between the subject group and the native speaker group in the T4 context ($F(41, 38.062)=2.187, p=0.000<0.001$).

In this study, two experiments, phonetic annotation and acoustic analysis, were conducted to explore and analyze the errors of Russian intermediate level international students in Chinese neutral tone, in order to provide a theoretical basis for future teaching of Chinese neutral tone to foreigners and to provide basic data for the field of intelligent speech technology.

Key words: Russia; intermediate international students; disyllabic neutral tone

俄罗斯中级留学生双音节轻声产出实验研究 ⁴⁴

王莹莹、王 玮

新疆大学国际文化交流学院

普通话轻声是留学生学习汉语语音的难点之一，本文运用语音标注和声学分析的实验方法，通过与汉语母语者的对比，考察俄罗斯中级留学生汉语普通话轻声的产出情况，探讨音高、调域

⁴³ 本研究得到新疆大学科研启动项目 中亚汉语学习者声调习得规律研究（项目编号 BS202101）的资助。

⁴⁴ 本研究得到新疆大学科研启动项目 中亚汉语学习者声调习得规律研究（项目编号 BS202101）的资助。

和时长三个语音要素在轻声产出中的作用。

本研究分为两个实验：实验一由 3 位汉语母语者对 24 名俄罗斯中级留学生产出的 1128 (24×47) 条轻声数据进行听辨标注实验，以获得偏误率信息。本实验选取 3 名标注员使用 Praat 声学软件对所选语料进行标注，标注员普通话水平在二级甲等及以上，为保证标注结果的可靠性，标注分为先有两位标注员标注，最后由第三位标注员确定最终的标注结果。同时为求得更加精准的结果，沿用强制选择的实验范式，引入“/”这一符号，其中加“/”即为标准，否则为不标准，并将其产出的偏误进行分类。统计被试对四个不同声调后轻声的偏误规律。实验结果表明：(1) 不同双音节轻声组合的错误调型发生率均不相同，上声背景后的轻声偏误率最高。轻声偏误情况由高到低分别为上声+轻声>阳平+轻声>去声+轻声>阴平+轻声，偏误率依次为 74.9%、45.1%、20.4%、20.3%，轻声的总体偏误率为 40.2%；(2) 不同声调后的轻声偏误情况各不相同，阴平背景下，5.1%倾向发为阴平，4.1%倾向发为去声；阳平背景下，20%倾向发为去声；上声背景下，34.6%倾向发为去声，26.4%倾向发为阴平；去声背景下，6.9%倾向发为阳平，5.3%倾向发为去声。实验表明轻声的掌握对俄罗斯中级留学生而言仍存在问题，需后期加强关注和学习，尤其对上声背景后的轻声。

实验二以 20 名母语者产出的 940 (20×47) 条轻声作为基础数据，与被试对比分析，以获得轻声产出的声学实验。本实验分析学习者轻声产出在音高、调域和音长三个维度的声学特性。首先，声学参数的提取主要基于 Praat。在音高方面，为去除弯头降尾以及发音人个性特征的影响，对 2068 (44×47) 条实验数据的基频，手动在每个语音样本的基频曲线上平均等距离选取 10 个基频点，提取每个点的基频数据，并通过采用将音高转为半音的方式，力求得到听觉标度更为可靠的音高值。调域方面，由音高的上下限所得，上限即四种轻声调值中的最高点，下限即为最低点。在时长方面，我们计算轻声音节相对于前接音节的比值作为时长的观测量，所采用的比值的计算公式，计算绝对时长。其次，采用 SPSS 对实验数据进行统计分析。实验结果发现：(1) 在音高方面，被试对轻声的产出与汉语母语者之间存在不同程度的偏离，在阴平背景下，俄罗斯和母语者之间呈现显著性差异，($F(18, 16.014) = 1.485, p = 0.025 < 0.05$)，在阳平背景下，俄罗斯和母语者之间呈现显著性差异，($F(18, 14.564) = 4.157, p = 0.005 < 0.05$)，在上声背景下，俄罗斯与母语者之间出现差异性不显著，($F(18, 18) = 0.033, p = 0.737 > 0.05$)，在去声背景下，俄罗斯与母语者之间差异性不显著，($F(18, 14.471) = 4.240, p = 0.144 > 0.05$)。(2) 在调域方面，总体趋平，调域普遍偏窄，俄罗斯被试在上声和去声后的轻声调域较阴平和阳平后的轻声而言，更接近母语者。这也就说明俄罗斯被试在上声和去声后的轻声在调域方面掌握得比较好。(3) 在时长方面，存在不同程度的延长趋势，在阴平背景下，俄罗斯的轻声时长占比显著区别于母语者组 ($F(41, 37.689) = 5.607, p = 0.009 < 0.05$)，被试轻声时长相对延长；阳平背景下，被试与母语者存在显著差异 ($F(41, 40.601) = 0.153, p = 0.001 < 0.05$)，轻声的时长有相对延长；上声背景下，被试与母语者之间并未出现显著性差异 ($F(41, 40.995) = 0.179, p = 0.327 < 0.05$)，去声背景下，被试组与母语者组之间存在显著性差异 ($F(41, 38.062) = 2.187, p = 0.000 < 0.001$)。

本研究通过语音标注和声学分析两个实验，对俄罗斯中级阶段留学生在汉语轻声的偏误方面加以探讨和分析，以期今后对外汉语轻声教学提供理论基础，为智能语音技术领域提供基础数据。

关键词：俄罗斯；中级留学生；双音节轻声

THE TONE PRODUCTION OF MANDARIN DISYLLABIC WORDS BY INTERMEDIATE LEVEL RUSSIAN LEARNERS ⁴⁵

Zhou Qiqi, Wang Wei

International Cultural Exchange College, Xinjiang University, Urumchi, China

In order to explore the characteristics of Mandarin tonal acquisition of Russian learners and to further understand the phonetic acquisition process of second language learners, this study statistically analyzed the output results of 20 intermediate-level Russian learners with a total of 4740 disyllabic words. The results show that the results obtained under the mandatory choice scheme and the non-mandatory choice scheme are relatively different, and the pronunciation errors obtained by the latter are more complicated. First, from the overall error rate of the four tones, the order of pronunciation difficulty of intermediate level Russian students is $T3 > T2 > T4 > T1$, of which the error rate of T3 is as high as 74.3%, and the results obtained under the two schemes are consistent. A slight difference is that under the non-mandatory selection scheme, T3 is more mispronounced as non-standard T2 when production by intermediate-level Russian speakers. Second, from the perspective of syllable combinations, the total error rate obtained under the non-mandatory selection scheme is higher, which is mainly manifested in the fact that there are many cases of substandard pronunciation in the syllable combinations that are actually pronounced in this key. For syllable combinations that exceed the overall error rate, the results presented by the two schemes are basically the same, namely "T4+T3", "T1 T3", "T2+T3", "T2+T1", "T3+T2" and "T2+T4". The bias pattern is mostly "standard tonal pronunciation + non-standard tonal pronunciation". Especially when the latter syllables are T1 and T4, the former syllable T2 is more likely to be misdiagnosed as T3 with standard pronunciation; when the current syllables are T1 and T4, the latter syllable T3 is more likely to be misdiagnosed as T2 with non-standard pronunciation. In addition, it is worth noting the combination of T3 and T2. When T3 is located in the front syllable, it is more likely to be mispronounced as a standard T2, and when T3 is located in a post syllable, it is more likely to be mispronounced as a non-standard T2. Second, the pronunciation of intermediate level Russian learners showed that the latter syllables were better than the former syllables.

The above results show that the Mandarin tone acquisition system of intermediate-level Russian learners is more unstable after entering the stage of speech flow, and the pronunciation of tones cannot be well mastered in actual output, indicating that there is a long transition period in the process of Russian students' Mandarin tone acquisition, poor mastery even at the intermediate level. Specific performance: First, intermediate level Russian learners have universal characteristics when acquiring Mandarin tones, and T2 and T3 are still difficult to pronounce. Second, Russian learners at the intermediate level can distinguish the tones of two-syllable words when they pronounce them, especially when they read T2 and T3, although they can distinguish the difference between the two, but the pronunciation is still not standard when they are produced, and they are easily confused, which is affected by the environment of the before and after syllables larger. The odds of bias are higher when T2 and T3 are combined with T1 or T4, respectively, or when T2 and T3 are combined. This may be influenced by negative transfer of native language, such as stress patterns and register features, tonal categories, and co-articulation. In addition, the results obtained by the mandatory selection scheme and the non-mandatory selection scheme in this study show a certain difference, indicating that the experimental scheme should be kept as detailed as possible in the experimental design part, so as to reduce the deviation caused by the ambiguous tones and improve the accuracy of the experimental results.

Therefore, based on the above acquired characteristics, teachers can refine the tone learning of intermediate-level learners, and plan to increase the practice of tonal combination discrimination, especially the discrimination of tones that are difficult to pronounce due to the influence of the syllable environment. It's a good teaching method.

Key words: Russia; disyllabic tone; production; type of bias

⁴⁵ 基金项目：新疆大学科研启动项目（BS202101）。

中级水平俄罗斯学生汉语双音节词声调产出浅析

周琪琪、王玮

新疆大学国际文化交流学院

研究表明外国学生学习汉语声调呈现国别化特征。目前,二语声调习得的产出研究大多偏向日韩、美国、泰国等国家。相对而言,针对俄罗斯的声调产出研究较少,其主题多为语音习得研究或者声调教学研究,包括对单音节、双音节和句子等方面的研究。在专门的双音节词研究中,其实验设计多为发音人的声调进行强制性选择而得出的结果,且研究对象偏广,对实际听感有模糊但模糊度不高的声调并未作明确处理。那么基于强制性选择的实验结论会不会跟发音人实际产出的结果存在差异?如果存在差异,那么区别有多大,会不会影响结论的准确性?这些需要进一步的探讨。所以,为探寻俄罗斯学习者的汉语声调习得特点,进一步了解二语习得者的语音习得过程,以帮助中级水平俄罗斯学生更好地习得汉语声调,本研究对20名中级水平俄罗斯学生共计4740个双音节词的产出结果进行统计分析。与以往不同的是,本研究将采用强制性选择和非强制性选择两种实验设计对标注结果展开细致的讨论,得出结果。

实验结果显示:强制性选择方案与非强制性选择方案下得出的结果具有相对差异性,且非强制性选择方案下得出的发音偏误情况更为复杂。第一,从四个声调的总体偏误率来看,中级水平俄罗斯学生的发音难度顺序依次是 $T3 > T2 > T4 > T1$,其中 $T3$ 的偏误率高达74.3%,强制性选择方案与非强制性选择方案下得出的结果一致。稍有区别的是,在非强制性选择方案下得出的结果中发现,虽然发音为标准的偏误声调在数量上多于发音为不标准的偏误声调,但中级水平俄罗斯发音人产出时 $T3$ 更多地偏误成发音为不标准的 $T2$ 。第二,从音节组合来看,非强制性选择方案下得出的总偏误率高达65.8%,比强制性选择方案下得出的总偏误率高出2.7%,主要表现在实际发音为本调的音节组合中存在不少念得不够标准的情况比较多。对于超过总体偏误率的音节组合,强制性选择方案与非强制性选择方案下呈现的结果基本一致,分别为“ $T4+T3$ ”“ $T1+T3$ ”“ $T2+T3$ ”“ $T2+T1$ ”“ $T3+T2$ ”和“ $T2+T4$ ”这几种组合类型,其内部的偏误模式多为“声调发音标准+声调发音不标准”。尤其是当后音节为 $T1$ 和 $T4$ 时,前音节 $T2$ 更容易偏误为发音标准的 $T3$;当前音节为 $T1$ 和 $T4$ 时,后音节 $T3$ 更容易偏误为发音不标准的 $T2$ 。另外,值得注意的是 $T3$ 与 $T2$ 的组合情况, $T3$ 位于前音节时更容易偏误成发音为标准的 $T2$,而 $T3$ 位于后音节时更容易偏误成发音为不标准的 $T2$ 。其次,中级水平俄罗斯学生的发音表现为后音节好于前音节。

上述结果表明:中级水平俄罗斯学生汉语声调习得系统进入语流阶段后更不稳定,实际产出时不能很好地掌握声调的读音,说明了俄罗斯学生汉语声调习得过程存在较长的过渡期,即使到中级水平也掌握不佳。具体表现:第一,中级水平俄罗斯学生习得汉语声调时具有普遍性特征, $T2$ 和 $T3$ 仍然是发音难点。第二,中级水平俄罗斯学生念双音节词声调,尤其是念 $T2$ 和 $T3$ 时虽然能够分辨出两者的区别,但在产出时发音还是不太标准,容易相混淆,受前后音节环境的影响较大。当 $T2$ 和 $T3$ 分别与 $T1$ 或 $T4$ 组合,或者 $T2$ 和 $T3$ 组合时出现偏误的几率更高。这有可能是受母语负迁移如重音模式和音域特征、声调范畴还有协同发音等因素影响的。此外,本研究中强制性选择方案与非强制性选择方案分别得出的结果呈现一定的差异,说明在实验设计部分应尽量保持实验方案的细致,以减少因发音模糊的声调造成的偏差,提高实验结果的精确性。

因此,基于中级水平俄罗斯学生汉语声调呈现出来的习得特点,教学者可以细化中级水平学生的声调学习,有计划地加大声调组合分辨等练习,尤其是对受音节环境影响而发音难辨的声调进行区分练习,将会是个不错的教学方法。另外,希望本文也能对智能语音识别研究做出一份绵薄之力。

关键词: 俄罗斯; 双音节词声调; 产出; 偏误类型

基于 PRAAT 语音分析软件的国际汉语语音教学研究 ——以越南南北部汉语学习者习得汉语韵母为例

熊 芮

北京语言大学汉语学院

近年来,随着中国综合国力的提升,国际汉语教学也呈现出大好态势,越南作为汉语文化圈中的一员,更是深受汉语的影响,相较于欧美地区的汉语学习者,越南汉语学习者能更容易习得汉语,且中越两国经济往来更加密切,越南的汉语教学以及对越南汉语学习者的研究都有很大发展越南的汉语教学有很大发展,但越南的汉语语音教学仍以传统的口授跟读方式为主,且越南汉语教师大多为越南本国人,其发音存在越南南北部差异或受到越南不同地区方言的影响,无法准确地教授汉语语音和纠正学生语音偏误;且受疫情影响,越南学习者只能在线上听中国的汉语教师上课,线上课程尤其是语音课还会受到网络延迟、卡顿、学生上课环境、学生上课专注度以及作业反馈等各方面的影响,给汉语语音教学带来了重重阻碍。

而语音分析软件 Praat 能采集语音信息,显示基频、强度、共振峰等语音参数并进行语音标注和绘制语图,为国际汉语语音教学和学习者语音偏误的分析、纠正提供可视化的技术支持。目前利用 Praat 软件的越南汉语语音教学研究主要集中在声调和塞擦音声母上,缺少对韵母的研究。因此本文从越南学习者习得汉语韵母出发,以越南南北部中级汉语学习者为例,利用 Praat 语音软件分析她们的第一/第二/第三共振峰的数据,并对比其在单元音韵母、复元音韵母和带鼻音韵母的发音上存在的语音偏误,从中找出偏误规律以及越南南北部学习者习得汉语韵母的差异。结果发现越南南北部学习者习得汉语韵母产生偏误主要还是受母语负迁移的影响,越南语和汉语的韵母除了在数量、种类、发音时的舌位唇形和音长不同以外,在用法上也大有不同,越南南北部的发音亦是如此。

这就导致将中国人和越南南北部汉语学习者的韵母发音呈现在 praat 上的数据合并在一张折线图上时,可以明显看出越南南部学习者发音的圆唇程度偏高且舌位偏后,舌位前后总体排序大致为:中国人>越南北部>越南南部等结果。在习得韵母的过程中,越南学生共同的偏误就体现在汉语有而越南语没有的韵母上,如 er 和 ü、前后鼻音等,汉语学习者会选择把这些母语中没有的音念成跟母语相似的音;而对于一些跟越南语韵母相似的汉语韵母,学生则更会用越南语的韵母发音来代替。

最后我们综合过去对线上教学和 praat 使用情况的研究分析了在越南汉语语音课堂上应用 Praat 进行线上汉语语音教学的可行性,并以此提出有针对性的区域化信息化的汉语语音教学策略,包括重视语音教学的可视化、利用汉越语音对比进行教学、利用语音教学资源辅助教学以及加强学生自主学习的能力。虽然本文研究对象较少,所获得的数据有限,研究结果还存在一定误差,但仍希望以此为越南地区汉语韵母教学提供示例。

关键词: Praat 语音分析软件;越南南北部中级汉语学习者;汉语韵母习得

汉语教材《华俄合璧》(第六版)研究

张晓静

俄罗斯国立人文大学孔子学院

教材作为教学的重要载体,是汉语教学研究中必不可少的一项内容。教材研究有助于新教材的开发、编写,有利于教材建设的长足发展。上世纪三十年代编写出版的《华俄合璧》(第六版)

有诸多值得研究之处。

《华俄合璧》由吴索福与郑爱堂合编。这套教材共四册,每册十课。整套教材具有实用性强,针对性突出等特点。

一、在整体设计上,分为汉语、俄语分册,并且每册书前均绘制有各课插图。中文分册为课堂教学所使用。每课首先列出词语、语言点,然后是正文(问答形式)、问答(针对正文内容进行提问)、小说儿(短文)。俄文分册是中文分册的辅助材料,包括插图、俄文转写词语及课文,译文及语法讲解三部分。每册还附有单音节字表。该教材配套资料丰富,甚至有唱片录音等。

二、内容安排由易到难、由浅入深。从篇幅来看,第一册仅第十课包含有三篇短文,一篇问答。第二册增加了“问话”,有的课文包含两至三篇问答,并且增加了小短文。第四册每课包括三篇文字、一篇对话和一篇短文。

每课的新词语被分别编写为单独的小对话,在文中反复出现,易于阅读、模仿,便于理解、记忆。第三、四册,在小对话之后,增加了围绕一个主题编写的长对话,用记述的方式编写的短文。该套教材所收录词汇、汉字以及注释条目也基本呈现出逐步增加的特点(见下表)。

分册	中文分册所收录词汇	俄文分册所列单音节汉字	俄文分册注释条目 (语法、语言点)
第一册	192 个	140 个	69 条
第二册	366 个	210 个	113 条
第三册	305 个	192 个	164 条
第四册	668 个	413 个	-
共计	1531 个	955 个	346 条

总体上来看,课文内容涵盖诸多方面,涉及学校学习、家庭生活、日常活动、卫生习惯、个人爱好、季节特点、会客交友、休闲度假、交通出行等。从地域来看,介绍了东北地区的风土人情,上海、北京地区的风俗习惯,以及法国、日本等异域文化。

三、汉语教学观

编者一针见血地指出汉语教学中的两大难点:缺乏好的教材与教学法。这套教材融入了编者的一线教学经验,并且经过多次修改。编者从学习者的角度出发,注意到学习者在汉语学习过程中产生的客观性的畏难情绪,考虑到了外国人学习汉语与中国人学习汉语的不同。该书在语音、词汇、语法、汉字以及汉语教学上的特点有:

语音方面:1)用俄文字母所转写的汉字发音,数字1、2、3、4来分别代表一声至四声,简单明了;2)标注出语流中的音变。例如,“我有 во3 ю3 - следует читать во2 ю3”;3)多音字注明全部读音。例如:“量”- лян2,4;4)以当时普遍使用的北京话来标注字音。编者注意到“各界之酬应交际,皆以京音”,而且编者认为“俄国为中华之北邻,更宜趋重于京音。”5)注意到由不同发音方法、临近发音部位所造成的语音偏误。6)关注逻辑重音。

词汇方面除了收录常用词之外,还关注多义词、易混淆词语辨析,口语和书面用语的不同。

汉字方面:1)注重实用性,“繁难之字概不选入”;2)俄文分册中汉字采用手写体,便于学习者书写。

教学法方面,强调:1)声调训练,避免学习者将“椅子”误读为“胰子”之类的弊端。2)让学习者“耳听”、“口诵”、“眼读”、“手写”,即要在释义后让学生听辨发音,在领读时注意纠正学生的读音,通过读来识字、记字,以及默写词语。3)使用汉语作为教学语言,“纯用华语,不宜杂以俄言”。4)词语教学要让学习者获得直观的认识和感受。5)利用学习者已经知道的词语来引入新词,将已经学过的汉字可以组成新词,或编成有趣味的小故事,既能温故知新、避免枯燥,

又可避免学习者顾此失彼。

除此之外，该教材俄文分册序文中肯定了语言在文化交流中的作用，指出俄国作为中国的近邻，俄国人必须对汉语学习加以重视。

通过对该教材的初步研究，可以看出这些特点：双语分册，分工明确，有助于初学者保持学习兴趣。中文分册由浅入深，循序渐进，收录字词突出实用性。即使是从今天的眼光来看待这套教材，从学习者出发、注重培养实际运用能力的编写理念也丝毫不过时。当然，该书也有一些不足，例如校对上存在一些纰漏，从欧洲语言体系的角度来阐释汉语语法，忽略汉语自身语法特点等。

关键词： 华俄合璧；语言教材；汉语教学；教材编写；汉语教材研究

Key words: учебник; Китайский разговорный язык; language teaching materials; Chinese language teaching; composition of Chinese teaching materials; analysis of Chinese teaching materials

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ МИКРОУРОКОВ ПО КИТАЙСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ

Ли Линси

Синьцзянский университет, г. Урумчи, КНР

Во многих зарубежных институтах Конфуция предлагаются курсы каллиграфии, которые завоевали любовь и поддержку студентов. Однако в процессе преподавания каллиграфии обнаружился ряд проблем. Согласно опросу, уровень мастерства каллиграфии китайских преподавателей существенно различается, к тому же широко распространена проблема языкового понимания – преподаватели могут недостаточно свободно владеть русским языком для объяснений, а обучающиеся – китайским для глубины понимания изложения материала. Основные трудности, возникающие при преподавании каллиграфии в русскоязычных странах, также включают ограниченный лексико-иероглифический запас студентов и недостаточные знания китайской культуры и философских идей.

Для преодоления вышеуказанных проблем, исследовательская группа реализует проект по разработке учебной модели микрокурса китайской каллиграфии для российской аудитории, целью которого помочь китайским преподавателям в раскрытии ключевых и трудных для объяснения моментов, дополнив практические занятия теорией. Микроуроки составляют законченную учебную программу, содержащую сведения об эволюции и развитии китайской каллиграфии, о «четырёх сокровищах кабинета ученого», об общей структуре китайской каллиграфии, о философских идеях, реализуемых в китайской каллиграфии. Исследовательская группа подготовила ряд презентаций Power Point и записала видеоролики длительностью 6–15 минут с целью углубить теоретические знания обучающихся, прежде чем переходить к практическим занятиям. Темы видеосюжетов включают основные характеристики китайской каллиграфии, происхождение и эволюцию китайских иероглифов, основные характеристики иероглифов и их базовые приемы написания, а также представление принципов эстетической оценки произведений каллиграфии. Видеоматериал оснащен русскими субтитрами для облегчения просмотра студентам в русскоязычных странах.

Разработка микроуроков может помочь обучающимся понять связь каллиграфии с китайской историей, традиционной культурой и философскими идеями, развить интерес к китайской культуре, а также познакомиться с традиционно воплощаемыми в произведениях каллиграфии идеями, особенностями проявления национального духа, характера и эстетики в искусстве.

Ключевые слова: обучение каллиграфии; культура каллиграфии; китайский язык как иностранный; китайское международное продвижение

面向俄语学习者的中国书法教学微课设计研究

李灵兮

新疆大学外国语学院

书法作为艺术性汉字的书写形式和中华文化独有的文化符号，在文化的交流与传播中起着

非常重大的作用。书法不仅是促进国家间文化交流的桥梁与纽带，而且书法教学还能够培养学生学习汉字与繁体字识读的兴趣。因此，加强书法教学在中文教学中显得格外重要。

近些年来，国外的一些孔子学院开设书法课，获得了学生的喜爱与支持，然而在书法教学过程中也遇到很多问题。由于书法不仅是一门实践性课程，要想取得面向国外书法课程的成功，更需要大量的理论来加以支撑。根据调查显示，在孔子学院教授书法的中国教师书法水平参差，普遍存在语言不通等问题，在面向俄语国家学生教授书法的过程中遇到的主要困难有学生汉字储备不足，对于中国文化与哲学思想的知识储备薄弱等。学生普遍热爱中国传统文化，但侧重于可感的艺术形式，难以理解抽象的文化与思想，以及书法中的运笔等规则，这些问题也使得学生难以理解汉字的形态特征、书写的章法与背后的含义，以及难以对书法作品进行鉴赏等，只能模仿，有书而无法。同时，书法课程在时间上有所限制，老师无法在课堂上过多地讲解理论部分知识，学生难以在短时间内吸收理解，课下也无法自主进行书写练习。

书法学习不是简单地模仿字的外形，而是要追本溯源，了解汉字的演变过程与历史，再去欣赏与临摹。基于上述问题与背景，并结合近些年全球对于新媒体行业的热情，对于微课，直播授课等形式的大力推崇，研究小组将对面向俄语受众的中国书法微课教学模式展开研究，使面向俄语国家的书法教学在特殊情况下不被束缚。并针对前面提到的问题设计合理的微课课程，利用视频授课这一新兴模式，以及其可以重复播放学习，为课后继续吸收消化的提供便利的这一大突出优点，分别从中国书法的演变与发展，文房四宝，中国书法的常见结构，中国书法与中国哲学这些方面制作合理的课程设计，明确教学重点难点，研究小组制作完成幻灯片并录制 6-15 分钟的视频，加强中国书法在理论层面的教学，更直观形象地展示书法作品，表现书法的直观特点，讲解中国书法的历史及背后蕴藏的文化内涵与哲学思想。使学生能够在学习书写前了解中国书法的基本特点，中国汉字的起源及演变，汉字的基本特征与基本书写技巧，并掌握一定的书法鉴赏能力与审美。同时配以俄语字幕，为俄语国家的学生在观看时提供便利。

这可以辅助他们了解接触中国历史，中国传统文化与中国传统哲学思想，培养对于中国文化的兴趣与热情，在书法学习中感受中国传统的思想，中国人的性格与气质，中国式的情感与审美。并对汉语学习也加以辅助，加强学生对于汉字的记忆与理解，将复杂的框架艺术化，生活化。在远程的教学授课模式下，微课教学可以打破传统教学模式的弊端和不足，并且，微课与传统文化的结合有助于展现中国文化的魅力与深厚的历史。

书法是汉字与符号的艺术，它演变发展四五千年，包含着中国古代人民延续至今的精神与智慧，通过汉字字形来展现其魅力，是中国艺术历史上辉煌永恒的文化瑰宝。它看似使用工具简单，只需寥寥数笔，实则深邃如海，联系着文化、美学、与哲学。书法教学进入国际教学舞台，不仅是一门简单的课程，更是中国传统文化的注入与传播。书法在国际中文文化传播与汉语国际教学中也起到重要的作用，在学习书法艺术的同时还能够将汉字教学更直观形象地引入。

此外，将中国书法教学引入面向俄语受众的文化教学中可以更好地促进中国与俄罗斯语言国家的文化交流。因此，将书法引入世界非常必要。需要增加书法教学在国际的研究力度，扩大中国书法艺术的影响力，在微课这种新兴模式中增加俄语国家学生对书法艺术内容及其背后深刻思想与哲学的领悟、探索和开发，引导其对中国传统文化与艺术的关注，并且在一定程度上扫除中国书法教学上存在的困难与问题。为中国书法艺术在面向俄语国家学生的教学与交流尽绵薄之力。

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: АНАТОМИЯ УПАДКА

В. А. Козлов, Н. П. Коробкова
г. Барнаул, Россия

Великий Шелковый путь (ВШП), специфику которому с античных времен создавали евразийские караванные маршруты, в XV в. практически прекратил свое существование. Этот обрыв традиционных связей между европейским Западом и азиатским Востоком породил колоссальные, всемирно-исторические последствия. Поиск логистической альтернативы привел, в конечном счете, к установлению глобального колониального господства Запада над Востоком. Отражением последнего в исторической науке стало почти абсолютное доминирование европоцентристского мировидения в оценке тех или иных событий и процессов, которое рано или поздно будет преодолеваться по мере дальнейшего изменения мирового баланса сил. Достаточно часто данный европоцентристский крен формируется путем предвзятой селекции фактов, использования явных домыслов или, напротив, сохранения двусмысленных недоговоренностей.

Со всем этим приходится сталкиваться во многих научных, научно-популярных и учебных публикациях, посвященных разыгравшейся драме в Средиземноморье и вокруг него в вышеуказанном столетии. В результате ознакомления с ними не должно остаться сомнений относительно виновности «во всем плохом», что перевернуло жизнь европейцам, османских захватчиков, даже если авторы не заявляют это напрямую. Дата 1453 г. приобретает сакральную окраску безвозвратности не только в смысле ликвидации Византийской империи, но и обрушения ВШП. Однако, если безусловность первого определялась здоровым инстинктом завоевателя, то второе лишало его очевидных выгод от завоевания, связанных с уникальным местоположением Константинополя–Стамбула. Не тиражируемыми фактами является то, что еще до взятия Константинова града турки отладили торгово-транспортную инфраструктуру и товарные потоки между Малой Азией и Балканской Европой, а сразу после его взятия мегаполис не разрушался, а исламизировался с претензией на сохранение прежней роли крупнейшего центра транзитной торговли.

Не лишним будет вспомнить, что еще меньше цивилизованные, чем турки, монголы во времена Чингисхана и его ближайших преемников прекрасно понимали свою выгоду от налаженного по всей громадной империи товарного транзита. Именно в это время, в XIII в., был достигнут наивысший подъем торговли на ВШП, после которого обозначился долгосрочный тренд ее угасания вплоть до полного обрушения к концу XV в. Первоначальную «дикость» османов, вероятно, можно рассматривать в качестве одного из второстепенных факторов торгового упадка наряду с исчезновением ярмарок в Шампани, дуополизмом Генуи и Венеции и т. п. Куда большее значение имел факт распада монгольского имперского пространства и переход его на столетия в режим «воюющих царств», резко увеличившим риски и издержки караванного транзита, не говоря уже о сознательном разрушении торговой инфраструктуры конкурентами. Северный сухопутный отрезок ВШП так и не смог полностью восстановиться после одного только рейда войск Тамерлана.

Однако подлинная неотвратимость обрушения караванных маршрутов, являющихся квинтэссенцией ВШП, закладывалась прогрессом в мореплавании, реализовавшим естественные преимущества водного транспорта над гужевым в торговле на дальние расстояния. К концу XV в. грузоподъемность торгового корабля стала сопоставимой с нагрузкой тысячи верблюдов. К тому же в открытом море-океане не было таможен. Не случайно не только португальцы, но и испанцы искали именно морской путь на Восток. Примечательно, что задолго до вторжения португальского флота в Индийский океан в условиях совокупного сокращения торговли с Востоком Венеция продолжала наращивать собственный товарооборот по южному отрезку ВШП, в рамках которого возрастала роль морской компоненты (Красное море – Индийский океан), контролируемой египетскими вассалами Османов. Со временем в эпоху Великих географических открытий была подведена окончательная черта под традиционным сухопутным ВШП.

КИТАЙ И ЕГО ВЫЗОВ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

Е. В. Матвеев
г. Новосибирск, Россия

За период с 1949 г. со дня образования по настоящее время Китайская Народная Республика превратилась из полукolonии Запада и Японии в первую по ВВП экономику мира, бросившую вызов глобальному лидеру – США. Ни для кого не секрет, что по показателю паритета покупательной способности, по ВВП и темпам роста Китай стоит на первом месте в мире.

Китай является настоящей «мастерской мира» с постоянно увеличивающейся долей в мировой торговле. В настоящее время Китай построил общество средней зажиточности, искоренена абсолютная бедность.

Своими экономическими успехами Китай доказал перспективность «великого красного проекта». Коллективная мудрость партии и интеллект ее руководителя Си Цзиньпина позволили открыть второе дыхание теории «социализма с китайской спецификой». Председатель Си Цзиньпин стал ведущим современным теоретиком социализма. Теоретические труды сейчас оформлены в четырех томах «О государственном управлении».

Сложившаяся на планете ситуация объективно делает КНР первопроходцем новых экономических и социальных процессов.

XX съезд КПК (16–22 октября 2022 г.) дал трезвую оценку обстановки в Китае и глобальных процессов, утвердил дорожную карту развития на следующие 5 лет. Переизбрание Си Цзиньпина и продолжение его курса, отвечающего национальным интересам, стали реальностью. В программу «Великого возрождения китайской нации» включен тезис «новой модели развития» и «новой формы человеческой цивилизации», то есть цивилизационной модели, доступной и привлекательной для всего человечества. Подтвержден «курс товарища Си».

Китай и Россия – стратегические партнеры. Китай и Россия движутся в направлении взаимовыгодной поддержки в трех направлениях: двухстороннее партнерство, борьба за мир и противостояние гегемонии Соединенных Штатов Америки. Сейчас отношения Китая и России близки к союзническим, что вселяет оптимизм на дальнейшее развитие.

ЛЕДЯНОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Н. В. Селезнева
Новосибирский государственный технический университет, Россия

Ледяной шелковый путь является еще одним китайским амбициозным проектом, призванным укрепить экономический потенциал Китая и упрочить его позиции на мировой арене. Инициатива построения Ледяного Шелкового пути была высказана председателем КНР Си Цзиньпином в 2017 г. в ходе его визита в Москву, где на встрече с президентом России В.В. Путиным обсуждались вопросы совместного освоения и развития Северного морского пути.

Несмотря на то, что Китай не является арктической страной, однако крайне заинтересован в «прагматическом сотрудничестве в Арктике» и строительстве «Ледяного (Полярного) Шелкового пути», что зафиксировано в плане 14-й пятилетки (2021–2025 гг.), а также в планах развития страны до 2035 г.

Ледяной Шелковый путь был вписан Китаем в более глобальный проект «Морского Шелкового пути XXI века», являющегося частью глобального проекта Пояс и Путь, и представляет собой один из трех океанических «голубых экономических коридоров».

В России инициативу Ледяного Шелкового пути часто рассматривают как «китайскую версию» российского проекта развития Северного морского пути, что является в корне не верным и приводит к недопониманию сторон. Китайский проект гораздо масштабнее. Ледяной Шелковый путь – это не только возможность «приблизить» Китай к Европе путем использования Северного морского пути для транспортировки грузов, но и как часть морского коридора замыкающего путь вокруг Евразии.

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что китайский проект рассчитан на длительную перспективу и не предполагает реализацию в настоящем моменте. Учет Китаем разнообразных факторов (геополитических, экономических, климатических, экологических и др.) дает основу для подготовки к эффективной реализации проекта. В вопросе развития Ледяного Шелкового пути Китай выбирает тактику «малых шагов» и проводит планомерную подготовку для получения выгоды в долгосрочной перспективе.

АФГАНИСТАН БЕЗ ВОЙНЫ

В. Н. Пластун

Новосибирский государственный университет, Россия

1. Впервые боевики организации «Движение талибан»⁴⁶ (ДТ) захватили столицу страны Кабул 27 сентября 1996 г. В октябре 2001 г. вторгшиеся американские войска вытеснили их на территорию Пакистана. Вторично талибы вошли в Кабул 15 августа 2021 г., но это был уже не захват: столицы. Ее попросту сдали командиры Афганской национальной армии (АНА) и влиятельные лица оппозиции. Власть перешла к временному правительству Исламского эмирата Афганистан (ИЭА), и 30 августа того же года последний американский солдат покинул афганскую территорию.

2. Прошло немногим более года правления талибов, которые навели в стране относительный порядок. Однако экономика Афганистана разрушена, страна находится под санкциями ООН. Правительство ИЭА не получило официального признания и на нем остаётся клеймо терроризма.

3. Массового сопротивления новому режиму нет. Какое-то открытое недовольство возможно только в случае сильного ухудшения социально-экономической ситуации или более явного давления на этнические меньшинства. Власть на местах находится в руках авторитетов из среды мусульманского духовенства, которые, конечно, не имеют опыта административного управления.

4. В сложившейся ситуации представители ИЭА вынуждены обращаться за помощью к России и соседним странам региона. Так, 27 мая 2022 г. в Душанбе состоялся саммит с участием секретарей совбезов и советников по национальной безопасности. В мероприятии участвовали представители России, Китая, Индии, Ирана, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Киргизии. В совместном заявлении стороны подчеркнули, что мирный, стабильный Афганистан отвечает общим интересам стран региона и международного сообщества. Они призвали к созданию инклюзивной политической структуры и уважению прав и свобод всех афганцев.

5. В середине ноября 2022 г. планируется провести в Москве очередной форум по Афганистану. В его рамках внесли предложение о более «камерном» взаимодействии с участием России, Китая, Индии, Ирана и Пакистана. Действует также формат сотрудничества стран – соседей Афганистана с участием России, некоторые партнеры предлагают подумать над запуском консультаций спецпредставителей в формате Россия – Центральная Азия.

LANGUAGE POLICY AND NATION-BUILDING IN KAZAKHSTAN

Wei Xiongsheng

Xinjiang University, Urumchi, China

The Ukrainian crisis has been undergoing for nearly a decade. One of the important incentives for this crisis is the right of Russians in Ukraine to use Russian language. Coincidentally, a large number of Russians also live in Kazakhstan. As one of the most important countries along the “Belt and Road” initiative, the stability of Kazakhstan is very important to China. Language policy is an important part of nation-building, and it has a significant impact on the stability of newly established countries, especially in multiethnic countries.

After gaining independence, Kazakhstan began the process of nation-building. In this process, the first issue is the status of the language and culture of the so-called titular nation. The titular nation is the legacy of Lenin's nationality policy, and the territory of the Kazakh Soviet Republic was divided from the Russian Empire according to the principle of the titular nation. According to Lenin's nationality policy, the titular nation enjoys a series of preferential treatment in the autonomous republic named after its titular nation, which is regarded as the historical motherland of the titular nation. Since the Stalin period, the Soviet Union has vigorously promoted the use of Russian in the republics, making Russian the dominant language of the Kazakh republic, and the use of Kazakh has been shrinking. During Gorbachev's reform period, the republics began to improve the status of the language of titular nation through legislation and executive orders, and the Kazakh republic was no exception. On September 22, 1989, the Kazakh republic passed the "Language Law", confirming the dominant position of Kazakh language in the republic.

After the disintegration of the Soviet Union, in terms of language policy, the newly independent Kazakhstan government continued the line of the Gorbachev period and continued to strengthen the official status of Kazakh

⁴⁶ Организация, запрещенная на территории РФ.

language. In 1997, Kazakhstan promulgated the first "Language Law", which determined that Kazakh is the only national language of Kazakhstan, and Russian was established as the language of communication among different nationalities. It can be seen that Kazakhstan is constantly improving the status of the language and culture of the titular nation, the Kazakh people, and strengthening the national consciousness of the Kazakh people.

There are two approaches to nation-building, the ethnic-based or civic-based approach to nation-building. An example of ethnic nation-building is Israel, which emphasizes the kinship-based ties of the nation and its nation-building and national identity is based on this. An example of civic nation-building is the United States, emphasizing that all citizens can be from different ethnic groups and bloods, but should enjoy the same legal rights and obligations, all citizens have the same legal status. In terms of language policy, the two different ways of nation-building also show significant differences. Ethnic nation-building emphasizes the dominant and official status of the language of the titular nation, while civic nation-building emphasizes protecting the languages and cultures of various ethnic groups. For example, the United States has no official language, but emphasizes that each nationality has the right to use its own language.

In the early days of Kazakhstan's independence, the Kazakh government continued to strengthen the language and culture of the Kazakh people, emphasizing that this was a historical justice to restore the Kazakh culture and language that had been suppressed during the Tsarist Russia and Soviet times, but the Kazakh government did not take into account that Kazakhstan is a multiethnic country. The status quo, especially the language and culture of ethnic Russians, has been excluded and ignored, which has led to dissatisfaction and unrest in society. Since the beginning of this century, the Kazakh government has begun to recognize the reality of multiethnic coexistence in the country, and has continuously emphasized the construction of a civic nation and the protection of the cultures of various nationalities. However, in terms of language policy, Kazakhstan has not changed the legislation that Kazakh is the only national language and has continuously promoted the use of Kazakh language in education, administration, media and other fields. From a practical point of view, Kazakhstan emphasizes civic nation-building, but strongly promotes the language of the titular nation, which reflects the contradiction at the policy level. There are a large number of ethnic Russians in Kazakhstan, and their demands for Russian to be listed as the national language cannot be satisfied. If they cannot master Kazakh, they can not even work in the government, their legal and social status is weaker than that of Kazakhs. This will inevitably lead to the dissatisfaction of non-Kazakh ethnic groups such as Russians.

The language policy is different from the line of nominal nation-building. In addition to causing dissatisfaction among non-titular nation in Kazakhstan, it may also become a potential contradiction in the relationship between Russia and Kazakhstan. The Ukraine crisis erupted when Russia claimed to protect the right of Russians in Ukraine to use the Russian language. Once Russia-Kazakhstan relations deteriorate, the issue of the right of Russians in Kazakhstan to use Russian will become an excuse for Russia to intervene in the affairs of Kazakhstan. From this perspective, language policy is also an important issue concerning Kazakhstan's territorial integrity and social stability.

To sum up, language policy is an important part of nation-building, and the contradiction between language policy and actual nation-building policy will eventually become a potential negative factor affecting social stability and territorial integrity in Kazakhstan.

哈萨克斯坦的语言政策与民族国家构建

魏熊生

新疆大学外国语学院

乌克兰危机至今已持续近十年，这场危机的重要诱因之一就是乌克兰境内俄罗斯族使用俄语的权利问题。无独有偶的是，哈萨克斯坦境内也生活着大量俄罗斯族，作为“一带一路”倡议最重要的沿线国家之一，哈萨克斯坦的国家稳定对中国至关重要。语言政策是民族国家构建(nation-building)的重要组成部分，它对新成立国家尤其是多民族国家的稳定产生重大影响。

获得独立后，哈萨克斯坦开始民族国家构建的进程。在这一进程中，首先出现的是主体民族语言和文化的地位问题。主体民族是列宁民族政策的遗产，哈萨克加盟共和国的国土正是根据主体民族的原则从俄罗斯帝国划分而来。根据列宁的民族政策，主体民族在以自己民族命名的自治共和国内享有一系列优惠待遇，官员选拔及教育、文化政策均实行本土化的原则。从斯大林时期开始，苏联在各加盟共和国大力推广俄语的使用，使俄语成为哈萨克加盟共和国的优势语言，

哈萨克语的使用范围不断缩小。到戈尔巴乔夫的改革时期，各加盟共和国开始通过立法及行政命令的方式提高主体民族语言的地位，哈萨克加盟共和国也不例外。1989年9月22日，哈萨克加盟共和国通过了《语言法》，确认了哈萨克语在共和国境内的优势地位。

苏联解体后，在语言政策方面，新独立的哈萨克斯坦政府延续了戈尔巴乔夫时期的路线，继续强化哈萨克语的官方地位。1997年哈萨克斯坦出台独立后首部《语言法》，确定哈萨克语是哈萨克斯坦唯一的国家语言，而俄语被确立为不同民族间的交际语言。可以看出，哈萨克斯坦在不断提高主体民族即哈萨克族语言和文化的地位，强化哈萨克族的民族意识。

民族国家构建存在两种途径，即基于族群或者基于公民的民族国家构建路径。基于族群构建的例子是以色列，强调国民基于血缘的联系，并基于此进行民族国家构建和认同。基于公民构建的例子是美国，强调全体国民可以源于不同的民族和血缘，但应享有相同的法律权利和义务，全体国民都是拥有相同法律地位的公民，并以此进行民族国家构建和认同。在语言政策方面，两种不同的民族国家构建方式也体现出明显的不同，基于族群的构建方式强调优势民族的语言的主体和官方地位，而基于公民的构建方式强调保护各民族和族群的语言和文化，如美国就没有国家的官方语言，而是强调每个民族都有权使用自己本民族的语言，由每个州根据本地的实际情况来制定相关法律和规定。

哈萨克斯坦独立初期，哈政府不断强化哈萨克族的语言和文化的地位，强调这是恢复沙俄和苏联时期哈萨克族文化和语言受到压制的历史正义，但哈政府却没有顾及哈国是多民族国家的现状，尤其是俄罗斯族的语言和文化受到了排挤和忽视，这导致社会上出现不满和动荡。进入本世纪以来，哈政府开始认识到本国多民族共存的现实，不断强调进行基于公民的民族国家构建，保护各民族的文化。但是在语言政策方面，哈萨克斯坦却没有改变哈萨克语是唯一国家语言的立法，并不断推进哈萨克语在教育、行政、媒体等领域更大范围的推广和使用。从实际情况来看，哈萨克斯坦强调基于公民的民族国家构建，但又强势推广主体民族的语言。哈境内有大量俄罗斯族，他们要求将俄语也列为国家语言的诉求无法得到满足，而如果不能掌握哈萨克语，甚至不能进入政府部门工作，与哈萨克族相比，其法律和社会地位处于弱势，这不免会导致俄罗斯族等非哈萨克族的不满。

语言政策与名义上基于公民身份进行民族国家构建的路线体现出不同，除导致哈境内非主体民族的不满外，还有可能成为俄罗斯和哈萨克斯坦两国关系的潜在矛盾。乌克兰危机就是俄罗斯宣称要保护乌境内俄罗斯族使用俄语的权利而爆发的。一旦俄哈关系恶化，哈境内俄罗斯族使用俄语权利的问题就会成为俄罗斯介入哈萨克斯坦局势的借口。从这一层面而言，语言政策也是事关哈萨克斯坦国家领土完整和社会稳定的重要事项。

综上所述，语言政策是民族国家构建的重要组成部分，语言政策与实际推行的民族国家构建政策的不一致，最终会成为影响哈萨克斯坦社会稳定和国土完整的潜在因素。

THE ECONOMIC COOPERATION OF CHINA'S XINJIANG AND ASIAN COUNTRIES AND REGIONS UNDER THE FRAMEWORK OF BELT AND ROAD INITIATIVE

**Wang Xiaokun
School of History, Xinjiang University, Urumchi, China**

This year marks the 9th year since the beginning of Belt and Road Initiative (BRI), which envisions trade and infrastructure networks connecting participating countries along the ancient Silk Road routes.

Located in the hinterland of the Eurasian continent, Xinjiang Uygur Autonomous Region of China is an important passage along the ancient Silk Road, an important gateway for China to open to the west and a core area of the Silk Road Economic Belt (SREB). With the steady progress of the BRI, Xinjiang serves as an external radiating function, becoming a bridgehead for China's westward opening up. There is a realistic basis for economic

and trade cooperation between Xinjiang and the countries along the SREB and they share common interests. Xinjiang boasts a unique location channel, which borders 8 neighboring countries, and is located at the intersection of the Six Economic Corridors.

Xinjiang should fully use its advantages in terms of regional, policy and resources, taking the BRI as an opportunity to promote trade liberalization with Central Asian countries and forming institutional arrangements, which goes beyond national power institutions. Infrastructure connectivity is the foundation of the SREB, for which Xinjiang and Central Asian countries should work together to build. Infrastructure connectivity between Xinjiang and Central Asian countries.

Unimpeded trade is an important part of the construction of the SREB. Unimpeded trade means opening each other's markets wider and promoting trade facilitation. Xinjiang and Central Asian countries may continue to strengthen services and encourage competent and qualified companies from countries along the SREB to invest and do business abroad. Both sides should gradually expand access to more areas for foreign investment, improve the international business environment, and attract foreign investment.

The huge financial demand for the construction of the SREB makes financial integration particularly urgent and important. Central Asian countries have actively aligned their development strategies with the BRI. To build the SREB between these countries and Xinjiang, all this depends on the support of a huge amount of fund. Fortunately, remarkable progress has been made in building a financial center in the core area of the SREB in Xinjiang. Xinjiang is accelerating the planning and construction of the second and third phases of China-Kazakhstan Logistics, making it a model project of the Belt and Road. China-kazakhstan logistics links go through the Khorgos transit port in Xinjiang and through cities along the Silk Economic Belt. In addition to logistics infrastructure, energy connectivity will be another key model project of the BRI. Xinjiang, as an energy base to enter Central Asia's oil and gas, is speeding up, and the cooperation of China-Kazakhstan oil and gas exploitation has entered a fast track.

For implementing the BRI, Xinjiang has accelerated the pace of going global, overall planning the construction of Customs Supervision Center of multimodal transportation and China-Europe Cluster Center. As for connectivity, Xinjiang is connected with three main Belt and Road corridors: the CPEC, the New Silk Road, and the Eurasian Corridor. But the transport and power infrastructure of China's neighbors needs to be upgraded to further improve connectivity and increase cross-border trade.

However, the construction of Xinjiang as the core area of the SREB with Central Asian countries is affected by factors such as poor geopolitics, transportation, economic complementarity, and weak international division of labor and cooperation. Central Asian countries are eager to acquire capital and technology from the construction of the SREB, attaching importance to economic and trade exchanges with China, and are increasingly active in the construction of the SREB. But it should clearly visible that the financial system of Central Asian countries is generally backward, especially Tajikistan and Kyrgyzstan have weak ability to repay foreign debts. Coupled with the influence of international factors, the trend of devaluation of their currencies continues, which brings certain financial risks to Chinese investment managers in Central Asian countries.

To prevent financial risks in Central Asian countries, the first step is to strengthen cooperation between Xinjiang financial institutions and those of Central Asian countries and provide more convenience for Chinese investment managers in Central Asian countries. Secondly, investment operators from Xinjiang may settle accounts in local currency. To avoid the risks and losses caused by the depreciation, Central Asian countries' currencies may reduce the link and frequency of exchanging US dollars. Thirdly, in the financing of large-scale infrastructure projects in Central Asian countries, more financial institutions from international and Central Asian countries should be involved in order to decompose and mitigate financial risks and the resulting losses. Finally, Xinjiang should pay close attention to and study the political trend of Central Asian countries and the regional and international situation, improving its ability to deal with financial risks of Central Asian countries.

Key words: Belt and Road Initiative, Economic Corridors, Regional Cooperation, Policy Communications, Unimpeded trade

“一带一路”倡议框架下中国新疆 与中亚国家和地区的经济合作

王晓坤
新疆大学历史学院

今年是“一带一路”倡议提出的第9个年头。中国国家主席习近平于2013年提出的“一带一路”倡议展现了沿着连接亚欧非三洲的古代丝绸之路实施贸易和基础设施建设网络联通的前景。该倡议遵循以下几条原则进行亚洲国家间更为紧密的合作：基础设施和设备建设，投资与金融、贸易和宏观政策以及人文交流，沿着陆地和海上线路实施，中国在其中起到协调者的角色。“一带一路”倡议的主要愿景是打造经济走廊，旨在通过陆地和海上网络连接亚洲、非洲和欧洲，促进区域一体化，增加国际贸易，刺激经济增长。“一带一路”倡议的目标包括政策沟通、基础设施联通、贸易畅通、资金融通、民心相通。因此，“一带一路”可以成为促进经济相互依存、增进文化理解的力量，为所有沿线参与国人民创造共同繁荣。“一带一路”倡议充分考虑沿线国家的实际情况和文化、环境等因素，通过对基础设施、制造业、加工、贸易和服务等领域的投资，促进沿线国家社会稳定和经济发展。“一带一路”倡议依托中国丝绸之路经济带沿线基础设施互联互通，优化沿线贸易和生产要素配置，促进区域一体化和发展。中国对沿线国家的开放将带动区域基础设施投资和建设，包括边境口岸设施和中心城市市政基础设施建设、跨境铁路扩容改造、港口高速公路等建设项目。

回顾过去，“一带一路”倡议具有先见之明，为沿线地区带来了丰富的经济效益。大量研究证明，“一带一路”通过促进互联互通创造了收入效益。在当前复杂多变的国际形势下，思考谋划构建新发展格局，共建“一带一路”具有重要意义。在全球范围内，中巴经济走廊、斯里兰卡的港口城市建设和印度尼西亚雅万高铁都是目前该倡议下最大的一些项目。放眼中国国内，古代海上丝绸之路的起点则是福建和新疆。

“一带一路”倡议包括“丝绸之路经济带”和“21世纪海上丝绸之路”两个方面，已经吸引了80多个国家和国际组织参与其中。“一带一路”将中国与中亚、俄罗斯、欧洲、中东、东南亚和南亚连接起来。而中国新疆地区在这一倡议下将发挥举足轻重的作用。丝绸之路经济带是六条陆上、跨区域贸易路线的组合，旨在创建一个有凝聚力的经济区。另一方面，“一带一路”将中国沿海通过南海和印度洋连接到欧洲，将中国沿海通过南海连接到南太平洋。海上丝绸之路也给参与国带来了巨大利益，其对航运物流链的转变是最重要的。连接欧洲和亚洲港口的多条航线将比现在的运输时间缩短三分之一，这极大地节省了成本。

目前，“一带一路”倡议得到了参与国家的热烈响应。“新欧亚大陆桥”、“中蒙俄经济走廊”、“中国-中亚-西亚经济走廊”、“中国-中南半岛经济走廊”、“中巴经济走廊”、“孟中印缅经济走廊”六大经济走廊的规划和推进是下一步工作的重点，也是“一带一路”的主干。我们要明确六大经济走廊的推进方向和各自发展重点，实现协调推进。

首先，中巴经济走廊被定义为“一带一路”倡议的旗舰项目，是“一带一路”倡议的重要先导项目。中巴经济走廊建设的主要愿景是：帮助中国的全天候战略伙伴巴基斯坦通过经济发展逐步实现国内稳定；同巴基斯坦合作，打击新疆“三股势力”，促进新疆稳定发展；在巴方的合作下，中国在波斯湾和阿拉伯海的能源通道将逐步得到保障，非传统安全威胁将得到化解。

中巴经济走廊目前面临的挑战是，在经济走廊的路线选择上，巴基斯坦国内仍存在主要争议。中方有必要通过中巴经济走廊委员会向巴方充分传达中方想法。第一，中方期待中巴经济走廊在较短时间内发挥示范引领作用，提振各方对“一带一路”建设的信心。因此，中方希望巴方早日受益。其次，建议中巴经济走廊的路线应选择经过巴基斯坦人口密集和工业发达地区。这样可以保证基本的运输量。最后，我们将积极向巴基斯坦介绍中国的经济发展经验，减少因巴基斯坦

国内政治内讧而耽误经济带整体发展的情况。

政策沟通良性互动是“一带一路”经济走廊建设的重要保障。只有政策沟通畅通、协调机制健全、设施联通、贸易联通、资金联通、人员联通，才能顺应潮流。为了进一步推动“一带一路”建设，中国必须与中亚各国政府进行对话与合作，否则合作项目难以实施。即便启动了联合项目，它们也是不可持续的。为此，9年来，中国与中亚国家以高层互访和视频交流为引领，加强政府间战略沟通，加强各领域合作协调，为双方企业发展创造了合作机遇。

中国新疆维吾尔自治区地处欧亚大陆腹地，是古丝绸之路的重要通道，是中国向西开放的重要门户，是丝绸之路经济带的核心区。随着“一带一路”建设的稳步推进，新疆不仅具有内部集聚作用，还具有对外辐射作用，成为中国向西开放的桥头堡。新疆与丝绸之路经济带沿线国家开展经贸合作具有现实基础和共同利益。新疆区位优势独特，与周边8个国家接壤，地处“六大经济走廊”交汇处。此外，中欧班列连接国内和国际两大市场，作为“通东西、通南北”的交通枢纽，优势明显。

新疆要充分发挥区位优势、政策优势、资源优势，以“一带一路”建设为契机，推进与中亚国家的贸易自由化，形成超越国家权力制度的制度安排。基础设施互联互通是丝绸之路经济带的基础，新疆和中亚国家应共同推进。新疆与中亚国家应实现铁路、公路、航空、管道等基础设施互联互通。目前，已初步形成立体建设格局。

贸易畅通是丝绸之路经济带建设的重要组成部分。贸易畅通，就是要扩大市场开放，促进贸易便利化。新疆和中亚国家可继续加强服务，鼓励沿线国家有实力、有条件的企业到境外投资兴业。逐步扩大外商投资领域，改善国际营商环境，吸引外资。

丝绸之路经济带建设的巨大金融需求，使金融一体化显得尤为迫切和重要。中亚国家积极将自身发展战略与“一带一路”倡议对接。建设这些国家与新疆之间的一带一路，需要大量资金的支持。可喜的是，丝绸之路经济带新疆核心区金融中心建设取得显著进展。当前，新疆应切实加快中哈物流二、三期规划建设，打造“一带一路”示范工程。中哈物流通道通过新疆霍尔果斯过境港和丝绸经济带沿线城市。除物流基础设施外，能源互联互通是“一带一路”的又一重点示范项目。新疆作为进入中亚油气的能源基地，正加快推进中哈油气开发合作项目。

为推进“一带一路”建设，新疆应加快走出去步伐，统筹规划建设多式联运海关监管中心和中欧集团化中心。在互联互通方面，中国新疆与中巴经济走廊、新丝绸之路、欧亚走廊三大“一带一路”走廊相连。但新疆地区周边的交通和电力基础设施需要升级，以进一步改善互联互通，增加跨境贸易。

另一方面，新疆作为丝绸之路经济带与中亚国家核心区的建设，易受到地缘政治、交通、经济互补性、国际分工合作薄弱等因素的影响。中亚国家迫切希望从丝绸之路经济带建设中获取资金和技术，重视与中国的经贸交流，参与丝绸之路经济带建设日益活跃。但应该清楚地看到，中亚国家的金融体系普遍落后，特别是塔吉克斯坦和吉尔吉斯斯坦偿还外债的能力较弱。加上国际因素的影响，各国货币的贬值趋势持续，给中国在中亚国家的投资经理带来了一定的财务风险。

防范中亚国家金融风险，首先要加强中国新疆金融机构与中亚国家金融机构的合作，为中国在中亚国家的投资管理人员提供更多便利。第二，新疆投资经营者可以用当地货币结算。为避免贬值带来的风险和损失，中亚国家的货币可以减少美元兑换的环节和频率。第三，在中亚国家大型基础设施项目的融资中，应更多地让国际和中亚国家的金融机构参与进来，以分解和减轻金融风险 and 由此造成的损失。四是密切关注和研究中亚国家政治动向和国际地区形势，提高应对中亚国家金融风险的能力。

关键词:“一带一路”；经济走廊；区域合作；政策沟通；贸易畅通

GOVERNMENT-BUSINESS RELATIONSHIP UNDER THE BRI: A STUDY ON INDUSTRIAL CAPACITY COOPERATION OF ZHEJIANG FIRMS IN AFRICA

Li Yanzhuo
Zhejiang University, Hangzhou, China

From the perspective of state-centric political economy theory, state is regarded as an independent actor that can exercise its own will. Enjoying a special position of bridging the domestic and the international, the state is given a unique motivation to pursue self-development. Whether it is fear from threat in international competitions or to meet the domestic expectations for development in exchange for the lasting social stability, achieving rapid economic development and building competitive advantages are the goals pursued by many latecomer states. The state thus becomes a key actor, making it possible to lead the society towards rapid development. This is particularly evident in the development of East Asian countries: we can see that it is the state, rather than other structures or institutions, such as enterprises or markets, that have played an irreplaceable role in the process of development and transformation. In China's context, the state, as the sole actor, has the fundamental motivation and persistent pursuit to overcome difficulties in development and build competitive advantages. At the local level, China's administrative contracting system also determines that the government's goals should revolve around national policies on the whole. This paper elaborates on the above stated, hoping to further explain China's economic ambition, the conditions and characteristics of its economic development. Specifically, how does China manage to sustain its development model featured by manufacturing? What kind of government-business relationship it established to achieve that goal?

As early as the end of the last century, "bringing in" and "going out" policies were established by the Chinese state as a major national strategy to catch up with other economies against the backdrop of globalization. Such policies aimed to make full use of the domestic and global markets and to participate in the international competition. This reaffirms the indispensability of the state actor in development issues.

Specifically, the "going out" strategy requires policy makers and firms to consider "where to go" and how to make full use of such opportunity to realize state's economic ambition. This paper mainly focuses on industrial capacity cooperation as a kind of concrete behavior of enterprises overseas as it is also in line with China's recent development in the manufacturing capacity, the domestic market and the industry upgrading. Intuitively, industrial capacity cooperation under the "going out" policy and later, the Belt and Road Initiative, offers both the state and the enterprises a chance to advance and to sustain the current developmental momentum at home. Although the Belt and Road Initiative is based on the national level, it is actually a "package plan" in which local governments and enterprises can act to achieve the goals envisioned by themselves. However, companies behave as direct participants in the industrial capacity cooperation. During this process, what is the nature of the relationship between the company and its home state? Do those actors follow a political logic or a more economic one? What kind of government-business relationship favors the long-term cooperation with target states, these problems still remain to be answered.

This paper uses the case analysis method and discusses the political and economical reasons of two Zhejiang enterprises in the field of wind power base materials "going out", and how they interact with their national and local governments in the process of entering and effectively taking root in the local society. The paper also shows the mechanism of government-business relationship influence on overseas industrial capacity cooperation. Finally, the paper puts forward some practical measures for industrial capacity cooperation. The main conclusions are as follows: in the process of supporting the development of domestic industry and climbing the global industrial chain, the latecomer state integrates industry goals into its strategic(geo-economic) considerations, and then translate into national preferences. This is also a reflection of the Chinese version as a developmental state; Since the two enterprises analyzed here are of different ownership, this study shows that the overseas behavior of enterprises cannot be differentiated on that matter. Enterprises mainly follow a market logic, while the national and local governments provide incentives and auxiliary policy support. Furthermore, during the process of production capacity cooperation, overseas enterprises and governments loosely formed an "autonomous under protection" relationship under which the state can withdraw and let enterprises operate freely at the right time. This finding also contributes to understanding the overseas impact of state capacity.

“一带一路”倡议下的政企关系： 以浙企出海的产能合作实践为例

李妍卓
浙江大学

无论是出于在国际竞争中自我保护、不受威胁的需要，还是出于回应国内民众的发展期待以维持社会长治久安的目的，快速发展经济、打造竞争优势是许多后发国家追求的目标。国家(state)因此成为关键行为者，为带领社会走向飞速发展的行列提供可能。上述内容尤其在东亚国家的发展历程中得到了比较充分的证明：我们可以看到是国家而非其他结构或制度——例如企业或市场——在发展和转型的过程中，发挥了不可替代的关键作用。在中国的语境下，也只有国家这一行为体，才拥有攻坚发展难关、打造竞争优势的根本动力和执着追求。关照现实，我们可以看到“引进来”和“走出去”早在上世纪末便被国家确立为一项适应于经济全球化发展趋势与国内经济发展需求的国家重大战略，旨在充分利用国内和全球两大市场，参与国际竞争。这再次印证了国家行为体在发展问题上的不可或缺。具体而言，“走出去”战略需要考虑“往哪里去”，以及如何充分利用大量中国企业“出海”的机会实现本国经济发展的问题。其中，产能合作便成为企业在海外的具体行动。再结合近年来中国制造业部门的快速崛起、产业结构的不断升级和庞大的国内消费市场为我国发起“一带一路”倡议、提升全球价值链地位提供了优势和基础的背景，在“一带一路”沿线国家和地区开展国际产能合作成为新时期国家提升“走出去”水平的破题之道。

以国家为中心的政治经济学理论视角下，国家被视为是可以独立行动的行为体。其处在连接国内和国际的特殊位置赋予了国家独特的行动动机，即追求自我发展。地方政府层面，中国行政发包制的体制决定了政府的发展目标必然围绕着国家政策展开。“一带一路”倡议虽然立足国家层面，实际上却是“一揽子规划”，地方和企业都可以进入到这个场域中行动，进而达成倡议所构想的目标。但具体而言，海外企业作为国际产能合作的直接参与者，在此过程中如何处理与母国、母公司之间的关系，换言之，政治逻辑和经济或市场考量之间是否存在一定张力，何种政商关系有助于企业实现在目标国长期稳定的发展，这些问题仍然有待回答。以此为研究旨趣，本文借助国家主义(statism)的理论观点，对话现有文献中关于企业出海行为的政治经济学讨论，以“一带一路”背景下我国浙江省的代表性企业在非洲大陆与当地国家开展产能合作为研究主题，运用案例分析法，从政企关系的角度展开分析其对国际产能合作的影响机理，主要回答风电基材领域两家浙江企业何以“走出去”、如何选择“走出去”，以及企业在进入并且有效扎根当地社会过程中与国家、地方政府互动的问题。最后，以提高国际产能合作效果以及巩固产业链地位为目标，提出相应的对策建议和具体举措。本文得到的主要研究结论如下：后发国家在扶持本国产业发展、爬升全球产业链的过程中会将行业目标纳入战略性考量，进而转化为国家偏好。这同时是中国作为发展型国家的特质体现；由于案例中的企业产权性质相异，研究表明企业的海外行为不因产权归属而有所偏重，出海企业仍主要奉行经济和市场逻辑，国家和地方政府主要借助政策和研究文件提供行动激励和辅助支持。进一步而言，出海企业在开展产能合作的过程中逐渐形成了“国家庇护、企业自主”的关系模式。在政治护航经济的松散型联合体内，企业行动者的自主性得以充分发挥，国家行动者则适时灵活退出。本发现对于理解国家能力(state capacity)的海外影响亦有贡献。

ON ANHUI PROVINCE'S OPEN ECONOMY DEVELOPMENT UNDER THE BRI

Li Ning¹, Ma Xiaoyun²

¹ Department of History and Culture, Lúliang University, Lúliang, China

² Party School of Tongling Committee of C.P.C., Tongling, China

Since the introduction of BRI, Chinese inland provinces were striving to build new open economy highlands, so did Anhui. In the past 5 years, the province had been actively engaged in this new round of open-up and made great achievements under the BRI. As an important node and hub of “One Belt and One Road”, Anhui should take advantage of the BRI construction, the Yangtze River Economic Belt green development and the integration of the Yangtze River Delta, to build a modern industrial system, to upgrade and expand the capacity of open-up platforms, to increase policy coordination with the countries and regions along the routes, and prioritize facility construction to improve facility connectivity for its going out of the world, to further push forward open economy high quality development, create a new open-up hinterland.

Key words: Anhui Province; BRI; Open Economy; High-Quality Development

RESEARCH ON THE DEVELOPMENT AND INNOVATION OF SILK CULTURE AND SILK INDUSTRY IN ZHEJIANG PROVINCE UNDER THE “BELT AND ROAD” INITIATIVE

Li Jiaxin
Zhejiang University, Hangzhou, China

Silk culture is the main carrier of the economic and cultural exchanges between China and the West on the ancient Silk Road, through which the interaction between Chinese and Western cultures was realized. Nowadays, under the gradual promotion of the "Belt and Road" initiative, the concept of cultural integration and economic development in the cultural interaction under the main line of building a community of Chinese national consciousness, the promotion of Chinese silk culture to the world, the promotion of local internationalization of silk culture, the construction of the "Silk Road Economic Belt" have positive and significant practical significance, through cultural interactions to achieve economic development and the progress of world civilization, greatly promote the deepening of silk culture in the country and the development of the global, for the construction of the "Silk Road Economic Belt" have a positive and significant value. Zhejiang, as the main birthplace of Chinese silk culture, has a long history. The development of Zhejiang silk culture is not only due to the advantages of timing and location, but also the brilliant results of the hard work of the people of Zhejiang, the courage to pioneer, in its tortuous development and growth process has revealed the unique charm of Zhejiang silk culture, to promote the development of Chinese silk culture. In the past few decades, Zhejiang Province to actively build industrialized business model to promote large-scale production; strengthen technological innovation capacity building; strengthen branding and standardization, strengthen the cultivation of silk brands; promote the innovative development of silk exhibitions; actively promote the training of silk professionals; strengthen international exchange and cooperation to improve the international impact of superior disciplines, in strict compliance with the Ministry of Commerce in September 2021 issued Cocoon silk industry, "Fourteen Five" development guidance "to promote the development and progress of the silk industry in Zhejiang Province and the country.

However, with the integration of world exchanges, the development of the times and technological advances, the development of the silk industry is faced with how to transform, adapt to the needs of the times, and the inheritance and development of silk culture is also facing a number of difficult issues and challenges. In recent years, Zhejiang silk culture and industry in the cultural dissemination, large-scale production, innovation in science and technology, personnel training, the shaping of well-known brands, etc., compared with some of the world's leading products, there is a considerable gap, which affects the inheritance and development of Zhejiang silk culture. Such as mulberry plantation area decreased, the decline in export trade; production technology innovation is not enough, product quality is not good; silk culture is forgotten, the lack of silk professionals, innovation and research and development capacity is not enough; low value-added products, brand awareness needs to be enhanced. China as the birthplace of silk culture, Zhejiang is a large province of silk historical and cultural heritage and industrial development, in the new era of the "Belt and Road" initiative, how to combine the historical and cultural value of silk with economic value, to promote the internationalization of silk culture industry in the field, so that the traditional industry of silk to give new life and vitality, to build a Chinese national consciousness community, there is an urgent need for further research and innovation.

In order to deeply promote the "Belt and Road" strategic hub construction, the next step, Zhejiang Province to respond to the new situation and new trends, and actively build a new development pattern, and continue to build a "World Silk Cultural Center", should be innovative and development from a number of aspects, such as closely linked to the double carbon goals, to help revitalize the countryside and promote sustainable development; promote the innovation of silk manufacturing technology and marketing model to enhance core competitiveness,

digital empowerment of silk industry development, the application of 5G big data and other information technology to promote the development of innovative and creative sharing platform for the silk industry, to accelerate the convergence of traditional and modern unity; cultural integration, broaden channels, and firm industrial culture confidence, the rapid development of new media industry in Zhejiang Province. It is recommended that the use of emerging self-media, integrated media and other new platforms for the international promotion of silk culture, in-depth upgrading of traditional silk culture industry outward-looking pattern, to help "Belt and Road" strategic hub construction, promote silk brand enterprises "go out" to promote Zhejiang silk Culture and industry influence in the global promotion and dissemination; enhance the level of openness to the outside world, promote local internationalization, create a new win-win situation, to further optimize the transformation and upgrading of import and export trade in the silk industry in Zhejiang Province, timely analysis of the existing situation and new trends in the development of the silk industry at home and abroad, the transformation and upgrading of low-end silk products, to enhance the additional amount of products, to create a new era of development of the silk industry belonging to the advantages and Features; encourage interoperability and mutual integration, strengthen economic and trade cooperation, promote academic development, and constantly enhance the silk industry in Zhejiang Province in the international discourse, in response to frequent trade frictions and various crises, should have an in-depth understanding and flexible grasp of international trade rules, to encourage the construction of domestic and international interoperability and mutual integration of the silk industry development platform and system, in order to achieve a wide range of areas, deep cooperation, rich levels of openness and sharing; cultivate cultural value identity, strengthen the silk heritage and the development of the team's talent security, the establishment of a close academic cluster. Emphasize the development of high-tech talent. Increase efforts to train silk faculty. Resolutely implement relevant training programs to implement the program, regular seminars and the establishment of a special flat-rate grant to build a more competitive silk talent team.

The "Belt and Road" initiative proposed nearly a decade ago, China has also proposed to build a community of Chinese national consciousness, silk culture and trade continues to serve as the medium and carrier, to promote the localization of the silk industry and the international development of the local, to reach a variety of development consensus. Zhejiang Province has also played an active and significant role in this process, whether it is talent training, cultural exchanges or scientific research and construction. Tell the story of Zhejiang silk, heritage, innovation and development of Zhejiang silk culture, to promote the economic and social development of Zhejiang, not a one-time thing, as long as a clear understanding of silk culture is an important part of Zhejiang culture and the essence of the realization that "no cultural products are not going far," the truth, Zhejiang silk culture will be able to show a new era of strong vitality.

Key words: Belt and Road Initiative; silk culture; internationalization; cultural communication; economic development

“一带一路”倡议下浙江省丝绸文化产业发展与创新研究

李嘉欣
浙江大学

丝绸文化是古丝绸之路上中西方经济和文化交流的主要载体，通过丝绸之路实现了中西方文化的互动交流，中华文化在发展和进步的漫长历程中，丝绸文化对其产生了深远的影响。现如今在“一带一路”倡议的逐步推进下，在共筑中华民族意识共同体的主线之下，在文化互动中实现文化融合和经济发展的理念，对促进中国丝绸文化走向世界，对推动丝绸文化的在地国际化，对共建“丝绸之路经济带”都具有积极且重大的现实意义，通过文化互通以达成经济发展与世界文明的进步的做法，大大地推动了丝绸文化在国内的深化和在全球的发展，对于共建“丝绸之路经济带”都具有积极且重大的价值。浙江作为中国丝绸文化的主要发源地，有着悠久的历史。浙江丝绸文化的发展不仅得益于天时地利的优势，而且也是浙江人民辛勤劳作、勇于开拓的辉煌成果，在其曲折的发展壮大过程中彰显了浙江丝绸文化的独特魅力，推动了中国丝绸文化的发展。在过去的几十年里，浙江省积极构建产业化经营模式，推动规模化生产；加强技术创新能力建设；加强品牌和标准化建设，强化丝绸品牌培育；推动丝绸展会创新发展；积极推进丝绸专业人才培养；加强国际交流合作，提高优势学科国际影响，严格遵循国家商务部 2021 年 9 月发布的《关于茧

丝绸行业“十四五”发展的指导意见》推动着浙江省乃至全国丝绸产业的发展和进步。

但是，随着世界的交流融合、时代的发展和科技的进步，丝绸产业的发展面临着如何转型、适应时代需要的困境，而丝绸文化的继承和发展也面临着诸多棘手的问题和挑战。近些年来，浙江丝绸文化和产业在文化传播、规模化生产、科技的创新、人才的培养、知名品牌的塑造等方面，与世界上一些知名产品相比，皆存在不小的差距，从而影响着浙江丝绸文化的传承和发展。如桑园种植面积减少，出口贸易下降；生产科技创新不足，产品质量欠佳；丝绸文化被淡忘，丝绸专业人才缺乏，创新研发能力不足；产品附加值较低，品牌知名度有待提升等。中国作为丝绸文化的发源地，浙江又是丝绸历史文化遗产和产业发展的大省，在“一带一路”倡议的新时代，如何将丝绸的历史文化价值与经济价值相结合，推动丝绸文化产业的在地国际化，让丝绸这一传统产业焕发新的生机和活力，共筑中华民族意识共同体，亟待进一步的研究和创新。

为了深度推进“一带一路”战略枢纽建设，下一步，浙江省要顺应新形势新趋势，积极构建新发展格局，持续打造“世界丝绸文化中心”，应当从多个方面进行创新和发展，如紧扣双碳目标，助力乡村振兴，推动可持续发展；推进丝绸制造技术和营销模式的创新，提升核心竞争力，数字赋能丝绸产业发展，应用 5G 大数据等信息技术，推进丝绸产业创新创意共享平台发展，加快传统与现代的衔接统一；文旅融合，拓宽渠道，坚定产业文化自信，浙江省新媒体产业发展迅速，建议利用新兴自媒体、融媒体等新平台进行丝绸文化国际化推广，深度升级传统丝绸文化产业外向型格局，助力“一带一路”战略枢纽建设，推动丝绸品牌企业“走出去”，推进浙江丝绸文化和产业影响力在全球的推广传播；提升对外开放水平，推进在地国际化，开创共赢新局面，进一步优化浙江省丝绸产业进出口贸易的转型和升级，适时分析国内外丝绸产业发展现有局势和新趋势，将中低端的丝绸产品转化升级，提升产品附加额度，创造出属于新时代丝绸产业发展的优势和特色；鼓励互通互融，加强经贸合作，推进学术发展，不断提升浙江省丝绸产业在国际上的话语权，为应对频繁的贸易摩擦和各种危机，应当深入了解和灵活掌握国际贸易规则，鼓励建设国内外互通互融的丝绸产业发展平台和体系，以实现广阔领域、深度合作、丰富层次的开放与共享；培育文化价值认同，加强丝绸传承及发展队伍的人才保障，建立紧密的学术集群。重视高新技术人才发展。加大丝绸师资队伍培养力度。坚决落实相关培训计划实施方案，定期开展研讨活动并设立专项定额补助，建设更有竞争力的丝绸人才队伍。

“一带一路”倡议提出的将近十年以来，我国又提出了共筑中华民族意识共同体，丝绸文化和贸易持续作为其中的媒介和载体，推动丝绸产业的本土化和在地国际化发展，达成多种发展共识。浙江省也在这一过程中发挥了积极且重大的作用，无论是人才培养、文化交流还是科研建设。讲好浙江丝绸故事，传承、创新、发展浙江丝绸文化，助推浙江的经济、社会发展，不是一蹴而就之事，只要清楚地认识到丝绸文化是浙江文化的重要组成部分和精华所在，认识到“没有文化的产品是走不远的”道理，浙江丝绸文化就能够展现出新时代的强大生命力。

关键词： 一带一路； 丝绸文化； 国际化； 文化传播； 经济发展

АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДЫСТОРИИ И ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

Лю Сай

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Инициатива «Один пояс и один путь» (ОПОП) – это инициатива сотрудничества, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. для строительства «Экономического пояса Нового Шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21 века» соответственно. По состоянию на июль 2022 г. Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве с более чем 140 странами и 32 международными организациями и добился большого прогресса во многих областях.

Китай примыкает к России и находится под влиянием геополитики. Китай и Россия имеют хороший дипломатический исторический опыт. В новую эпоху дипломатические отношения между Китаем и Россией продолжают подниматься на новый уровень. Кроме того, очевидны взаимодополняющие характеристики экономик двух стран. Китайско-российское экономическое сотрудничество не только вносит огромный вклад в экономическое развитие двух стран, но и оказывает влияние на мировую картину и международную безопасность. В рамках инициативы ОПОП Китай и Россия обладают большим потенциалом развития и широкими перспективами развития.

За девять лет, прошедших с момента запуска Китаем инициативы ОПОП в 2013 г., Китай и Россия активно сотрудничали. Только в 2020 г. общий объем импорта и экспорта между Китаем и Россией достиг 108,1 млрд долларов, а объем прямых китайских инвестиций в Россию достиг 12 млрд долларов, а чистый объем прямых китайских инвестиций в Россию составил 570 млн долларов. Объем торговли товарами между Китаем и Россией в 2021 г. достиг 146,8 млрд долларов, увеличившись на 35,9% в годовом исчислении. Китай является крупнейшим торговым партнером России уже 12 лет подряд. В этой статье собраны и сопоставлены основные существующие и строящиеся проекты экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией в рамках ОПОП с 2013 г., охватывающие энергетику, ресурсы, транспорт, сельское хозяйство, промышленность, электронная коммерция и другие области.

В области энергетики: сотрудничество в области энергетики является важным элементом интеграции интересов и стратегического взаимодействия между двумя странами. Что касается природного газа, то Китайско-российский газовый проект «Восточный фронт» (2014). К концу 2021 г. было транспортировано в общей сложности 13,6 млрд кубометров природного газа. В 2015 г. «Сила Сибири» была подключена к трубопроводу природного газа на восточной границе Китая и России. В 2018 г. компания сотрудничала в проекте на Ямале. Кроме того, китайско-российское совместное предприятие планирует инвестировать в строительство Амурского газохимического комплекса с первоначальными инвестициями в размере 110,7 млрд. долларов. Что касается нефти, то Россия является второй по величине страной в импорте нефти Китаем, объем импорта нефти в 2020 г. составил 227,3 млрд долларов. По китайско-российскому нефтепроводу ежегодно в Китай направляется 30 млн тонн сырой нефти.

В области транспорта: благодаря постоянному продвижению инициативы, транспортные оборудования постоянно совершенствуются. По состоянию на август 2022 г. по грузовому маршруту «Китай – Европа» эксплуатировали в общей сложности около 60000 поездов с совокупной стоимостью груза почти в 300 млрд долларов. Кроме того, китайские компании инвестируют и участвуют в строительстве российских международных железных дорог, автодорог, метрополитенов: проект скоростной автомагистрали Москва – Казань (2020), Санкт-Петербургского метрополитена (2020) и т.д.

В области сельского хозяйства: китайские компании построили в России более 40 зарубежных парков. Китайско-российское совместное предприятие «Сибирский лес» планирует инвестировать 226,5 млн долларов в развитие лесопромышленного комплекса в Томской области. Кроме того, специальный поезд для транспортировки сельскохозяйственной продукции обеспечивает удобство для сотрудничества сельскохозяйственной сфере. Россия экспортирует широкий спектр сельскохозяйственной продукции, включая зерновые, рапсовое масло, замороженное мясо, рыбу, конфеты и т.д.

В промышленной сфере: автомобили китайских марок, китайские электрические мотоциклы и электровелосипеды пользуются большим спросом у российских потребителей, и их доля на российском рынке продолжает увеличиваться. «Naval Motors» построила завод в особой экономической зоне «Узловая». В будущем в рамках особой экономической зоны будет создан центр по производству исследования и развития двигателей. Сумма инвестиций в проект составляет 66,4 млн долларов.

В области электронной коммерции: в 2018 г. подписан «Меморандум о взаимопонимании между Министерством коммерции КНР и Министерством экономического развития РФ по сотрудничеству в области электронной коммерции». Соответственно, Китай и Россия создадут механизм сотрудничества в области электронной коммерции для совместного продвижения сотрудничества в области электронной коммерции «Шелкового пути».

Благодаря проектам в вышеуказанных областях можно увидеть, что за последние лет сотрудничество между Китаем и Россией достигло замечательных результатов. Однако оно по-прежнему сталкивается с проблемами и вызовами. Необходимо повысить уровень признания и участия инициативы ОПОП в российском государстве; воздействие эпидемии и сложность условий международного сотрудничества, глобальный экономический спад ухудшили международную среду для экономического сотрудничества; области сотрудничества между двумя сторонами являются предвзятыми к традициям, а также необходимо укреплять возможности и уровень сотрудничества в области высоких технологий.

В процессе многостороннего экономического сотрудничества между Китаем и Россией правительства двух стран и частный сектор оказали большую поддержку с точки зрения политики, инвестиций и

средств массовой информации, постоянно повышались признание и внимание высокопоставленных российских чиновников и представителей интеллигенции.

С продвижением инициативы ОПОП сотрудничество между двумя странами принесло ощутимые выгоды прагматическому сотрудничеству между Китаем и Россией. Несомненно, что в будущем, в рамках инициативы ОПОП, двустороннее сотрудничество может интенсифицироваться и расширить сферы взаимодействия, чтобы способствовать региональному развитию с развитием обеих сторон.

“一带一路”倡议下中国与俄罗斯经济合作的背景、现状分析研究

刘 赛
新疆大学外国语学院

“一带一路”倡议是习近平主席在 2013 年分别提出建设“新丝绸之路经济带”和“21 世纪海上丝绸之路”的合作倡议。倡议涉及亚洲、欧洲、非洲，截止 2022 年 7 月，中国已经与 140 多个国家、32 个国际组织签订了 200 多份合作文件，在多个领域取得了巨大的进展，为推动“人类命运共同体”的建设、国际共同发展、中国国际地位的提升都做出了巨大贡献。

中国与俄罗斯毗邻，受地缘政治影响。中俄有良好的外交历史背景，新时代中俄两国外交关系不断攀登新台阶，建立“中俄全面战略协作伙伴关系”签订《中俄睦邻友好条约》，21 年普京表示：中俄战略伙伴关系当前处在历史最高水平。此外，两国经济的互补性特征明显，作为世界大国，中俄经济合作不仅对于两国经济发展有巨大的贡献，而且对世界格局、全球经济发展与国际安全都具有影响。“一带一路”倡议下，中俄两国具有很大的发展潜力和广阔的发展前景。

基于以上背景，自 2013 年中国提出“一带一路”倡议至今的 9 年中，中国与俄罗斯大力开展合作，仅 2020 年，中国和俄罗斯进出口总额达合作 1081 亿美元，中国对俄罗斯直接投资存量达 120 亿美元，中国对俄罗斯直接投资净额 5.7 亿美元。2021 年中俄货物贸易额达到 1468 亿美元，同比增长 35.9%，中国连续 12 年稳居俄罗斯第一大贸易伙伴国，中俄经济合作势头良好。本文对 2013 年来“一带一路”框架下中俄经贸主要已有合作项目和在建项目（以“中国一带一路网”项目案列为主）进行了收集整理，涉及能源、资源、交通、农业、工业、电子商务等多个领域。

在能源领域：能源领域依然是两国利益交融、战略对接的重要内容。全面的能源伙伴关系也为两国能源事业的共建共赢搭建了更宽广、更高水准的平台。在天然气方面，中俄东线天然气项目（2014）是世界上最大的能源合作项目之一，是全球天然气合作重大战略性项目。截止 2021 年末，已累计输送天然气 136 亿立方米。2015 年，“西伯利亚力量”与中俄东线天然气管道联通，成为联结中俄两国的陆上能源通道。2018 年，合作投资北极地区最大的液化气天然气工程——亚马尔液化气项目，稳定供应 400 万吨液化天然气。除此，中俄合资计划投资建设阿穆尔天然气化工综合体，初步投资额为 107 亿美元。在石油方面，俄罗斯是中国进口石油的第二大国，2020 年石油进口额为 273 亿美元（仅次于沙特阿拉伯 280 亿美元）。中俄原油管道一线二线每年向中国输出 3000 万吨原油。

在交通领域：“一带一路”倡议的不断推进，交通运输设施得到不断完善。截至 2022 年 8 月，中欧班列累计开行近 6 万列，货值累计近 3000 亿美元，自开通以来，中欧班列不断扩大辐射面积和贸易数量，多式联运打通“一带一路”国际物流大通道，优化班列冷链技术和产品专线专列，增强物流针对性。为中俄贸易合作提供了物流支持。除此之外，中方与俄罗斯的交通合作建设也取得了不小的成果。俄罗斯萨马拉州将在“一带一路”框架下建设新铁路项目；中国铁建国际集团签约莫斯科-喀山高速公路项目（2020）是中企首次签约俄罗斯国家级重点高速公路项目；2020 年，山西建设投资集团有限公司与俄方签署协议，参与圣彼得堡地铁的开发和建设。

在农业领域：中国企业已在俄罗斯兴建 40 余个海外园区，其中以农业种植园区和木材加工园区为主。中俄合资企业“西伯利亚森林”计划投资 2650 万美元开发托木斯克地区的木材工业综

合体。另外，农产品专列为中俄农业合作发展提供了便利。俄罗斯出口农产品种类丰富，包括粮食作物、菜籽油、冷冻肉、鱼类、糖果等。

在工业领域：中国品牌汽车日益受到俄消费者青睐，在俄市场份额不断扩大。中国电动摩托和电动脚踏车在俄罗斯的市场畅销。哈弗汽车在«Узловая»经济特区建厂，未来将在经济特区的框架内建立电机的生产和研发中心，项目的投资额为 640 万美元。

在电子商务领域：双方签订《中华人民共和国商务部和俄罗斯联邦经济发展部关于电子商务合作的谅解备忘录》(2018)。据此，中俄双方将建成电子商务合作机制，共同推进“丝路电商”合作。

通过以上各领域的项目可知，过去几年，中国与俄罗斯的合作成绩斐然。但是，双方合作仍面临一些问题和挑战。俄罗斯国家内部对“一带一路”倡议的认同度、参与率有待提高；疫情的冲击和国际合作环境的复杂，全球经济低迷，使经济合作的国际环境恶化；双方合作领域偏向传统，在高新科技领域合作能力与水平有待加强等。

在中国与俄罗斯多领域的经济合作进程中，中俄两国的政府间与民间在政策、投资、媒体等方面都提供了大量的支持。比如，在莫斯科开展“中国(陕西)—俄罗斯经贸合作推介会”(2018)，丝路基金同俄罗斯能源公司西布尔公司交换合作促进协议(2019)。在俄罗斯开设“今日中国”栏目，俄方高层和知识分子认同度和重视度不断提高等。

随着“一带一路”倡议的推进，两国合作为中国与俄罗斯务实合作带来实实在在的利益。不断推动中国与俄罗斯“五通”发展和构建人类命运共同体理念的践行。相信未来在“一带一路”倡议下，双边合作能提高合作水准、扩大合作领域，以双方发展促进区域发展。

ФОНОВЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ ОПОП

Цяо Цзинвэнь

Факультет иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Сегодня, в условиях стремительного развития науки и техники и дальнейшей глобализации экономики, сотрудничество постепенно становится важнейшей формой развития для всех стран, а также важным фактором, влияющим на развитие национальных отношений. Страны состоят в сообществе, и ни одна страна не может находиться вонне «сообщества единой судьбы человечества».

В процессе экономической глобализации торговое сотрудничество и государственные отношения всегда оказывали взаимное влияние друг друга. Внешнеторговое сотрудничество играет огромную роль в государственных отношениях, и, в частности, важное место занимает торговля сельскохозяйственной продукцией, что делает важным анализ контекста этого сотрудничества Китая и России.

Доклад представляет собой попытку анализа географических преимуществ, природных условий Китая и России и строительства экономического коридора на основе геоэкономической теории, объясняет причины и целесообразность сотрудничества между двумя странами в торговле сельскохозяйственной продукцией, с целью выработки рекомендаций для будущих исследований, направленных на совершенствование механизмов реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Россия простирается на два континента, это наибольшая по площади страна мира с преобладанием в рельефе равнин и плоскогорий. Население распределено по регионам неравномерно, что вызвано такими факторами как климат, рельеф, уровень экономического и культурного развития территорий. В более экономически и культурно развитых регионах европейской части, где концентрируется русское население, плотность населения высокая. В Азии, которая в основном находится в холодной зоне, население более рассредоточено, разрежено и менее плотно. Кроме того, суровый климат азиатской части России затрудняет освоение сельскохозяйственных земель. Однако в России все еще существуют большие площади неосвоенных земель, которые могли бы принести России огромную экономическую выгоду. Кроме того, более развитое движение вдоль российско-китайской границы создает базовые условия для торгового сотрудничества. На суше две страны связаны не только железными дорогами, но и автомобильными трассами; на воде – реки Амур, Сунгари и Усури образуют систему водного транспорта между Россией и Китаем, что делает возможным приграничную торговлю. Наконец, российский Дальний Восток чрезвычайно богат при-

родными ресурсами, включая минеральные, лесные и биологические ресурсы, которые являются незаменимым источником сырья для промышленности Китая, создавая реальную основу для двусторонней торговли.

Северо-восточные территории Китая – Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян и Цзилинь – граничат с Амурской областью, Еврейской автономной областью, Забайкальским, Хабаровским и Приморским краями, а Синьцзян-Уйгурский автономный район – с Республикой Алтай. Эта обширная приграничная территория создает основу для сельскохозяйственного сотрудничества, предлагает кратчайшие пути для оказания помощи в освоении российских земель. Различная направленность сельскохозяйственного производства в приграничных регионах обусловили взаимодополняющие преимущества в развитии сельскохозяйственной торговли между Китаем и Россией.

В свете меняющейся международной ситуации в сентябре 2013 г. Китай предложил инициативу ОПОП, а Россия и Монголия ответили совместным строительством экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Этот проект также способствовал реализации инициативы ОПОП и создал удобную платформу для торговли сельскохозяйственной продукцией между тремя странами. Китай и Россия активно развивают двусторонние отношения и сотрудничают в различных областях для продвижения торговли, в т. ч. ключевым направлением развития сотрудничества является торговля сельскохозяйственной продукцией. Экономический коридор увеличил упрощение процедур торговли между Россией и Китаем и продемонстрировал положительную динамику в развитии торговли. Россия постоянно реформирует и модернизирует свое сельское хозяйство, постепенно смещая центр своей сельскохозяйственной стратегии на восток, где ранее население было малочисленным, условия жизни суровыми, а земля – малопродуктивной для эксплуатации, что открывает хорошие возможности для российско-китайского сельскохозяйственного сотрудничества. В то же время на цены на сельскохозяйственную продукцию повлияли стихийные бедствия и международные конфликты. В контексте ОПОП длительные и стабильные двусторонние отношения между Китаем и Россией свели к минимуму изменения цен на сельхозтовары и объем сельскохозяйственной торговли между Китаем и Россией возрос.

Благодаря повышению уровня производительности труда, сельскохозяйственное производство Китая достигло исторически рекордного ежегодного роста. Удовлетворяя собственный спрос на сельскохозяйственную продукцию, Китай продолжает экспортировать сельскохозяйственную продукцию в другие страны. Для Китая существует острая необходимость создать стабильный, безопасный и устойчивый механизм поставок сельскохозяйственной продукции. Благодаря инициативе ОПОП Китай и Россия имеют относительно безопасную и стабильную платформу для торговли сельскохозяйственной продукцией и могут продолжать сотрудничество. В определенной степени это соответствует стремлению Китая создать стабильный, надежный и устойчивый механизм поставок сельскохозяйственной продукции, обеспечивающий более эффективные гарантии для импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции в долгосрочной перспективе. При этом в последние годы импортно-экспортная торговля сельскохозяйственной продукцией России с Европой и США значительно сократилась. Китай высоко ценит свое торговое сотрудничество с Россией, и сотрудничество в области торговли сельскохозяйственной продукцией активизируется.

“一带一路”框架下中俄农产品贸易合作背景分析

乔静雯

新疆大学外国语学院

如今，科学技术迅速发展，经济全球化进一步增强，合作交流逐渐成为世界各国发展最重要的形式，同时也是影响国家关系发展的重要因素。世界各国处在一个共同体中。任何一个国家经济发生动荡，都会影响到周边国家。在这样的“人类命运共同体”中，任何一个国家都不可以，也不能袖手旁观，独善其身。

在经济全球化进程中，国家与国家之间的经济贸易往来影响两个国家的关系发展，而两个国家的关系发展反过来又会作用于国家之间的经贸往来。因此，贸易合作和国家关系之间历来是相互影响，相辅相成的。对外贸易合作在国家关系中有着巨大作用，尤其是农产品的贸易合作在此领域占有主要的一席之地。所以，两国间农产品贸易合作的背景分析显得尤为重要。

随着“一带一路”倡议的提出，各国间的关系日益密切，交流日益频繁。对于“一带一路”倡议的提出国——中国和中国最大的邻国——俄罗斯来说，更是如此。

俄罗斯位于欧亚大陆北部，地跨欧亚大陆两大洲，是世界上面积最大的国家。境内以平原

和高原为主，地势南高北低，西低东高。东部有乌拉尔山脉、中西伯利亚高原、北西伯利亚高原、东西伯利亚山地、太平洋沿岸山地等。俄罗斯境内远东地区有非常广阔的可开垦土地，由于温度、地形、经济和文化发展水平等因素，俄罗斯人口地区分布不均衡。在经济和文化发展水平较高的欧洲地区，是俄罗斯人口的集中地区，人口密度较大。而在多处于寒带的亚洲地区，人口较为分散、稀疏，密度较小。并且，多处于寒带的亚洲地区，地理环境恶劣，农业用地开发难度大。但是俄罗斯境内仍然存有大面积的未开发土地，一经开发，将会为俄罗斯带来巨大经济收益。另外，中俄边境交通较为发达为经贸合作提供基础条件。从陆路方面看，两国不仅有相互连通的铁路网，还有相邻的公路；从水路方面看，中俄之间的黑龙江、松花江和乌苏里江共同构成了水上运输体系，便利的水陆交通为边境贸易的开展提供可能。最后，俄罗斯远东地区的自然资源极其丰富，包括矿物资源、森林资源及生物资源等，正是我国工业生产不可或缺的原材料，这为开展双边贸易合作提供了现实基础。

中国作为俄罗斯的一大邻国，东北部的内蒙古自治区、黑龙江省和吉林省与俄罗斯东南部的阿穆尔州、犹太自治州、外贝加尔边疆区、哈巴罗夫斯克边疆区和滨海边疆区接壤，新疆维吾尔自治区与南部的阿尔泰共和国接壤。广阔的接壤区域为中俄两国的农业合作奠定了基础，为协助开发俄罗斯土地提供捷径，也为两国的农产品贸易提供了极大的便利。两国相邻，在一定程度上避免了农产品运输过程中所产生的问题，同时也为两国贸易合作创造了更多利益。最为重要的是，由于接壤地区农业生产重心不同，侧重领域不同，使得中国与俄罗斯的农产品贸易发展上形成优势互补。

基于不断变化的国际形势，中国提出了“一带一路”倡议，并在沿线国家中起着带头模范作用，推进实施各类项目，发挥着举足轻重的作用。除此之外，该倡议还带动了沿线国家的各项发展，推动了区域发展进程。2013年9月，中方提出共建丝绸之路经济带倡议，俄罗斯和蒙古两国积极响应，三方共同建设“中蒙俄经济走廊”。这一建设更是对“一带一路”倡议实施起到了促进作用，为中蒙俄三国的农产品贸易构建了一个便利的平台。在“一带一路”的倡议下，“一带一路”沿线国家应该积极开展多边合作，制定符合双方利益要求、顺应时代潮流和经济全球化趋势的发展战略。中俄两国通过“一带一路”的平台，积极发展双边关系，在体育、旅游、经济和政治等各个方面开展合作，以促进两国贸易发展。本文所提出的农产品贸易就是中俄两国发展的重点领域之一。三国共建的经济走廊提高了中俄两国的贸易便利化程度，在经济走廊的政策和资金支持下一步一个台阶，呈现出贸易发展的向好势头。俄罗斯不断对本国农业进行改革，提高本国农业现代化水平，同时逐渐将国内农业战略中心向先前人口稀少，生存环境恶劣，土地不易开发的东部转移，为中俄农业合作提供良好契机。同时，随着国家冲突，自然灾害多发，农产品价格受到影响，随之波动。在“一带一路”背景下，中国和俄罗斯持久稳定的双边关系，更是将价格变动对两国农产品贸易合作带来的消极影响降到了最低，并且进一步扩大中俄农产品贸易量，为中国与俄罗斯两国的农产品贸易合作提供了保障。

随着生产力水平的提升，中国的农业生产已经实现历史性的逐年增长。中国在满足了本国农产品需求的前提下，不断将农产品出口向世界各地，在这方面，中国的作用日益凸显。随着国际社会各种不稳定因素的出现，中国亟须建立一个稳定、安全、持续的农产品供应机制。因此，在农产品供应机制还没有完善的情况下，中俄的农产品贸易也会受到各种国际社会上不稳定因素的影响。在“一带一路”倡议提出后，中国和俄罗斯的农产品贸易有了一个相对来说较为安全且稳定的平台，并且可以在此框架下进行持续的贸易往来与合作。这在一定程度上与中国前期希望建立一个稳定、安全、持续的农产品供应机制的愿望相符，为两国的农产品进出口贸易提供了较为有效的保障，从而使得中国与俄罗斯的农产品贸易合作能够更加稳定地开展。近年来，俄罗斯与欧美国家的农产品进出口贸易额大大减少。作为俄罗斯的“近邻”和主要贸易伙伴——中国看重与俄罗斯的贸易合作，两国间的农产品贸易合作不断深入。

在“一带一路”框架下，本文基于地缘经济理论试析中俄两国的地理位置优势和自然环境条件、“中蒙俄经济走廊”的建设，阐述两国在农产品贸易合作的原因和可行性，希望对今后的中俄农产品贸易合作背景研究提供些许指导意义。

试论二十世纪九十年代以来俄罗斯对中国的军事贸易

李 航
西北师范大学，兰州

众所周知，俄罗斯在军事技术和武器装备方面处于国际领先水平。自 1992 年起，俄罗斯总共向 70 个国家和其他最终用户提供过基本类型的常规武器。广阔的出口市场也使得俄罗斯成为仅次于美国的全球第二大武器出口国。20 世纪 90 年代以来，俄罗斯再次向中国出口军事装备及技术，帮助中国军队装备水平发生了第二次飞跃。

俄罗斯与中国开展大规模军贸主要有以下三个原因。第一是现实需要。现实需要是指俄罗斯为了获得经济利益和中国为了更新换代装备两方面。苏联解体后，俄罗斯继承了苏联 75% 的武装力量和世界第二武器出口国地位，但此时俄罗斯国力一落千丈，连续 7 年经济年平均衰退 6.5%，工业生产衰退了 9%，1999 年萎缩至 1991 年的四分之一。如此萧条的经济环境下，俄罗斯政府无力提供资金支持武装力量，军事实力也大幅下降，苏联军事订购的许多武器被迫停产，又因冷战结束后世界武器需求明显下降，很多原来使用苏联武器的国家也改用北约武器。俄罗斯武器市场遭挤压，武器出口最不景气，一年出口额仅为 15 亿美元，跌至世界第四位。俄罗斯军事工业因国内外订单极度萎缩而面临倒闭，窘境下的俄罗斯军事工业不得不自力更生，贩卖各种先进技术装备赚取生存下去的资金。俄罗斯本身也急须赚取外汇，维持国内工业企业的生存。所以，俄罗斯为了经济利益选择了中国这个具有广阔前景的市场。1989 年，苏联总统戈尔巴乔夫访华，冰封了 30 年的两国关系恢复了正常。当时中国与美国为首的北约在军事技术方面的合作几乎完全停止，戈尔巴乔夫访华使一直处于完全中断状态下的中苏军贸拉开了序幕。当时中国军工产业和装备水平落后世界数十年，急需进行装备升级和换代。1991 年的海湾战争也对中国产生了深刻刺激，伊拉克军队在常规装备方面整体上领先中国，但只支撑了 100 多个小时。中国意识到必须大力发展军事工业和开发先进武器。所以，中国的现实需要为中俄两国军贸打开了大门。

战略态势。当今世界格局仍是一超多强。于兴卫认为“战略利益是中俄军事关系发展的基础”。中俄两国都面临着西方国家对本国战略生存环境的挤压，两国的地缘战略方向一个向东一个向西，不存在相互之间正面的冲突。中俄双方的军事技术合作不仅有助于各自国力的共同提高，还可以提升共同应对威胁的能力，走到一起是顺理成章的事情。俄罗斯主要面对的是北约东扩、独联体国家离心等战略威胁。中国主要面临台海方面的冲突与和平崛起的威胁等。不同的战略态势和相同战略威胁早已经成了两国军事合作最好的催化剂。

中俄两国有良好的历史合作积淀。中华人民共和国成立时，即加入社会主义阵营。20 世纪 50 年代，苏联向中国提供了 60 个师的武器军事装备，全面替换了几十年来各种万国牌武器有些武器处于世界先进水平，拥有米格 15 战斗机的空军装备水平甚至超过了英法空军，使中国军队装备水平发生第一次大的飞跃。至 90 年代，中国军队装备仍是以苏俄系为主或者仿制自苏俄系。所以，引进苏俄系装备也是中国军队较为熟悉的事情。

自 1990 年中苏两国签订关于向中国出售苏 27 系列战机以来，中国先后三次大规模购买俄制武器，同时持续开展高水平的中俄军事技术合作。从中俄开始军贸至今已有 32 年，这 32 年可以划分为三个阶段。第一阶段从中国引进苏 27 系列战斗机开始至购买两艘“现代”级驱逐舰为止。这一阶段中国主要以引进、接收、吸收为主。第二阶段从 1999 年引进苏 30MKK 开始至 2014 年中国订购的伊尔 76MD 全部交货完毕为止。这一阶段中俄军贸贸易额发展到顶峰，但由于多种因素，贸易额在 2010 年以后逐年下降。第三阶段从中国购买苏 35 和 S400 防空系统开始至今。这一阶段由于中国军工实力增强，中俄军贸年均贸易额为三个阶段最低。

通过以上对中俄 30 年来军贸的分析可知，没有从俄罗斯购买的这些先进作战武器，中国海空军就难以实现从第二代飞机、军舰向第三代军事打击平台的战略转变。同时在引进俄罗斯战机

и军舰的部件和生产线以后,对缩小中国军事工业与世界先进武器制造领域的巨大差别都有着不可替代的历史意义。

АНАЛИЗ НОВОГО ПРОГРЕССА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ТОРГОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ КИТАЕМ И СТРАНАМИ В РАМКАХ «ПОЯСА И ПУТИ»

Лю Мэнци

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

Под инициативой «Пояс и Путь», или «Один пояс, один путь» (ОПОП) подразумеваются «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». 7 сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил концепцию «Экономического пояса Шелкового пути» в Назарбаевском университете в Казахстане, а 3 октября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин упомянул о совместном строительстве «Морского Шелкового пути XXI века» в парламенте Индонезии. С тех пор проект ОПОП стал крупной инициативой экономического сотрудничества для Китая и остального мира.

Инициатива ОПОП быстро получила положительный отклик и в ходе развития оказал значительное влияние на экономику стран-участниц. Развитие ОПОП опирается на концепцию Шелкового пути, открытого в древние времена, и Китай будет влить новую энергию и динамизм в него и активно развивать экономическое сотрудничество с другими странами. Китай будет работать со странами вдоль ОПОП для расширения масштабов сотрудничества и стремиться к достижению безотказных дорожных связей, бесперебойных торговель, финансовых циркуляций, политической коммуникации и контактов между людьми. В рамках проекта ОПОП страны построят «Сообщество единой судьбы человечества».

Первый успех инициативы ОПОП – это постоянное участие стран-партнеров и международных организаций. К августу 2022 г. Китай подписал более 200 соглашений о сотрудничестве с более чем 100 странами и более чем 30 международными организациями. Проект ОПОП в ходе своего продвижения также получил большее международное признание. Согласно соответствующей информации, Китай подписал соглашения о взаимном признании «сертифицированного оператора» с более чем 30 странами и регионами-участниками.

Второй успех – значительные сдвиги в создании транспортной инфраструктуры вдоль ОПОП, с открытием всех железных дорог и полным внедрением новых линий в странах, участвующих в этом проекте. По данным агентства Синьхуа, число поездов морского и рельсового транспорта на новом западном сухопутном и морском коридоре достигло 20 000; за 10 месяцев после открытия железной дороги Китай – Лаос было перевезено в общей сложности 8,51 млн тонн грузов; а число поездов Китай – Европа «Чанъань» в этом году превысило 3 000. Широкий охват международных логистика привел к значительному повышению эффективности международных логистических перевозок. Эти международные транспортные объекты стали важным каналом для продвижения экономических и торговых обменов между Китаем и другими странами, а результаты, достигнутые благодаря удобной и быстрой логистике, также принесли огромную экономическую выгоду странам и регионам вдоль ОПОП.

Согласно информации, доступной в интернете, подробные результаты транспортной связности включают: в новый западный сухопутный и морской коридоры имеют выходы 75 провинций и городов в Китае, с международной железнодорожной стыковкой Китай – Европа, сеть логистики расширилась до 113 стран и регионов; эксплуатация железной дороги Китай – Лаос позволила логистическому транспорту охватить Китай, Лаос, Мьянму, Таиланд и Сингапур и т. д. Открытие в этом году железнодорожного коридора Китай – Европа из Сианя в Гамбург позволило достичь рекорда в 10 000 поездов в этом году. 82 маршрута движения поездов между Китаем и Европой могут охватить более 20 стран в Европе, это важная торговая экономическая артерия.

Се Лайхуэй, исполнительный директор исследовательского бюро ОПОП Института Азиатско-Тихоокеанской и глобальной стратегии Китайской академии общественных наук, сказал в интервью агентства Синьхуа, что строительство сети транспортной взаимосвязи ОПОП может повысить эффективность логистики, увеличить плавность торговых потоков и значительно сократить себестоимость. Кроме того, сеть транспортной взаимосвязи ОПОП также способствовала движению многих факторов производства, стимулировала развитие туризма и культурной индустрии в Китае и за рубежом, предоставляла больше возможностей для трудоустройства людям из разных стран, повышала их уровень жизни и принесла много экономических выгод местным сообществам.

Последний, непрерывно углубляется экономическое сотрудничество, по данным соответствующих органов, к августу 2022 года объем торговли Китая со странами и регионами вдоль ОПОП достигнет удовлетворительные суммы в 12 трлн долларов. Кроме того, объем нефинансовых инвестиций Китая в этих странах и регионах достигает 140 млрд долларов.

Эти новые события свидетельствуют о жизнеспособности и потенциале проекта ОПОП. Он уже обеспечил мир большим количеством товаров и услуг из разных источников, способствовал положительным международным финансовым потокам, предоставил большему количеству стран доступ к возможностям развития и позволил людям из всех стран насладиться плодами развития. Всемирный банк ранее сообщал, что последовательное развитие ОПОП может помочь вывести из бедности десятки миллионов людей по всему миру.

Эти новые достижения не могут быть достигнуты без поддержки каждой страны-участницы и каждого региона, без упорного труда и самоотверженности всех народов. И большинство людей верят, что инициатива ОПОП будет способствовать процветанию всего мира.

浅析中国在“一带一路”框架下 与沿线国家在经贸合作方面取得的新进展

刘梦琪
新疆大学外国语学院

“一带一路”分别指的是“丝绸之路经济带”和“21 世纪海上丝绸之路”。2013 年 9 月 7 日，中国国家主席习近平在哈萨克斯坦纳扎尔巴耶夫大学首次提出“丝绸之路经济带”的概念，2013 年 10 月 3 日，习近平主席在印度尼西亚议会上提到共同建设“21 世纪海上丝绸之路”。自此以后，“一带一路”项目便成为中国，乃至世界的一项重大的经贸合作倡议。

“一带一路”的提出迅速获得了各国的积极回应，该项目在发展过程中对参与国的经济产生了重要影响。“一带一路”旨在借用古代开通的丝绸之路的概念接续发展，中国会在此基础上注入新的能量与活力，与各国积极发展经济合作。中国秉持共商、共建、共享的原则，同“一带一路”沿线国家扩大合作范围，努力实现道路联通、贸易畅通、资金融通、政策沟通、民心相通。各国将在“一带一路”项目的框架下，共同打造政治互信、经济融合、文化包容的利益共同体、命运共同体和责任共同体。

在多年来的努力下，“一带一路”因为诸多国家的参与不断取得喜人的新进展。

首先，就是合作国家与国际组织的不断加入，截止 2022 年 8 月，中国已经与一百多个国家、三十多个国际组织签署了超过 200 份的合作协议。“一带一路”项目也在推进过程中取得了更多的国际认可，据有关信息可知，中国已与三十多个“一带一路”的参与国和地区签署了“经认证的经营者”互认协议。

其次，“一带一路”交通互联互通的建设取得重大的新成果，各国参与进“一带一路”项目中的铁路全线开通，新铁路线也全面落实。据新华社报道，西部陆海新通道海铁联运班列开行列次已达 2 万列；中老铁路开通运营的 10 个月内，共运输了 851 万吨货物；中欧班列长安号今年运行列次已经超过 3000 列。国际物流通道覆盖的范围越来越广，使得国际物流的运输效率也有了显著的提升。这些国际运输设施成为了推动中国与其他国家经济贸易往来中的重要通道，方便快捷的物流所取得的成果也给“一带一路”沿线国家和地区带来了巨大的经济效益。

据互联网现有信息可知，交通互联互通的详细成果有：西部陆海新通道在中国境内的辐射范围达 75 个省市，并实现了与中欧班列的国际对接，通过这条渠道，物流运输遍及 113 个国家和地区；中老铁路的开通运营，使物流运输覆盖范围越来越广，可达中国、老挝、缅甸、泰国、新加坡等国家和地区；今年，从西安发至汉堡的一趟中欧班列的开通，让中欧班列在今年达成了开行一万列的喜人成绩。有数据显示，中欧班列的运营路线已有 82 条，可辐射欧洲二十多个国家，已经成为中欧贸易往来的重要经济动脉。

中国社会科学院亚太与全球战略研究院“一带一路”研究室执行主任谢来辉曾在新华社的采

访中表示,“一带一路”交通互联互通网络的构建,能够提高物流的运输效率、增加贸易往来的畅通性,而且大大减少了中欧贸易之间的物流成本和运输时间,不仅如此,“一带一路”交通互联互通网络也促进了诸多生产要素的流动,带动了中外的旅游产业、文化产业,并为各国人民提供了更多就业机会、提高了他们的生活水平,给当地增加了许多经济效益。

最后,经济合作不断深化,据相关部门统计,截止 2022 年 8 月,中国与“一带一路”沿线国家和地区的贸易额累计达 12 万亿美元的惊人数字。除此之外,中国对这些国家和地区的非金融类投资,更是高达 1400 亿美元。

“一带一路”取得的这些新进展无不显示出该项目的巨大活力与潜力。“一带一路”项目为世界提供了更多来源不同的产品与服务,促进了国际金融的积极流通,让更多国家获得发展机会,让各国人民都能享受到发展成果。此前,世界银行曾作出相关报告,报告内容显示,“一带一路”的接续发展能帮助全球几千万人摆脱贫困。

这些新进展离不开每一个参与国和地区的支持,离不开各国人民的辛勤劳动与付出,越来越多的人相信,“一带一路”会为世界的繁荣发展作出更大贡献。

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И СТРАНАМИ ВДОЛЬ «ПОЯСА И ПУТИ»

Цяо Ян

Институт иностранных языков Синьцзянского университета г. Урумчи, КНР

После проведения политики реформ и открытости экономика Китая развивалась семимильными шагами, а построение открытой экономики стало важной стратегической инициативой для экономического развития Китая. С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) Китай достиг замечательных результатов в экономическом и торговом сотрудничестве со странами ОПОП. Однако, несмотря на быстрое развитие экономики, все еще существуют такие проблемы, как неравномерность экономического развития и неэффективное распределение ресурсов.

Во-первых, относительная отсталость сохраняется в инфраструктурном строительстве

В течение длительного времени уровень строительства инфраструктуры в азиатских странах был относительно низким, что напрямую препятствует торговому сотрудничеству между странами вдоль ОПОП. Только через создание надежной инфраструктурной сети мы можем открыть различные отрасли промышленности и технологии в разных областях, тем самым укрепляя торговое сотрудничество. В настоящее время, помимо поезда Китай – Европа, китайского трубопровода в Центральной Азии и нового сухопутного и морского коридора Китая для АСЕАН, другие торговые потоки по маршруту ОПОП опираются на традиционный морской и воздушный транспорт. Даже в рамках таких региональных организаций, как АСЕАН, которая развивалась на протяжении десятилетий, страны юга Центрального полуострова, такие как Вьетнам, Мьянма и Таиланд, имеют различные виды транспорта и очень слабую инфраструктуру, что в значительной степени влияет на торговлю между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута. По мнению некоторых ученых, инициатива ОПОП требует инвестиций в размере 1 трлн долларов США в год только в развитие инфраструктуры, что явно не по карману странам. Китай инвестировал 3,7 млрд долларов США в улучшение инфраструктуры стран, расположенных вдоль ОПОП. Незрелость инфраструктуры еще долгое время будет ограничивать торговлю между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута.

Во-вторых, модели торговли и торговые структуры являются относительно однородными и прочными

Как инициатор инициативы ОПОП, Китай с 2013 г. достиг большого прогресса в торговом сотрудничестве со странами вдоль маршрута ОПОП, масштаб торговли составил 13 трлн долларов США, демонстрируя общую положительную тенденцию. Однако с точки зрения структуры торговли ситуация далека от идеальной: торговля ведется преимущественно товарами, торговля услугами составляет всего 121,7 млрд долларов США, что соответствует лишь 9,4% от торговли товарами. В то же время только девять стран, включая Малайзию, Вьетнам, Россию, Индию, Таиланд, Сингапур, Индонезию, Саудовскую Аравию и Филиппины, имеют объем торговли с Китаем более 50 млрд долларов США, что делает торговый

обмен очень неравномерным. Так как большинство стран вдоль маршрута являются развивающимися странами основными экспортными товарами являются простые продукты переработки, такие как энергоносители и сельскохозяйственная продукция, что приводит к явлению концентрации торговли. Например, зависимость стран Центральной и Западной Азии от экспорта энергоносителей и зависимость стран Юго-Восточной и Южной Азии от экспорта трудоемкой продукции не способствуют устойчивому развитию экономики этих стран. В этом контексте на торговое сотрудничество Китая со странами, расположенными вдоль маршрута, также легко могут повлиять внешние факторы.

В-третьих, развитие торгового сотрудничества затруднено разнообразием стран вдоль маршрута

Инициатива ОПОП охватывает 65 стран и регионов в Азии, Африке и Европе, в которых проживает 63% населения мира и на которые приходится 29% мировой экономики. Разнообразие стран, расположенных вдоль маршрута, является неизбежным. Центральная Азия, Западная Азия, Центральная и Восточная Европа и Африка имеют свои собственные различные социально-политические системы, религиозные верования, культуры и цивилизации, уровни экономического развития и очень отличаются друг от друга. Многие из них – развивающиеся страны, а некоторые даже не являются членами ВТО и не имеют опыта регионального торгового сотрудничества. Различия в институциональной и правовой средах стран создает множественные препятствия для торгового сотрудничества и наращивания эффективности «пяти связей» – политической коммуникации, дорожного сообщения, торгового потока, обращения валюты и контактов между людьми.

В-четвертых, рост глобального торгового протекционизма, международные торговые правила для ускорения реконструкции

После глобального финансового кризиса страны сделали разный выбор в международной торговле, и торговый протекционизм явно усилился. Развитые страны, представленные США, Европой и Японией, и развивающиеся страны, представленные Китаем, четко разделились в вопросах реформы ВТО и новых правил международной торговли, что может привести к еще большей неопределенности в сотрудничестве в рамках ОПОП. С одной стороны, реформа ВТО является сложной задачей, поскольку США, Европа и Япония выдвинули соответствующие предложения и инициативы, а Китай, Россия и другие страны БРИКС также имеют свои собственные идеи. С другой стороны, США, Европа, Япония и другие развитые страны использовали ВТО как платформу для создания новых правил торговли, которые в большей степени представляют интересы развитых стран и являются большим вызовом для развивающихся стран. Усиление влияния торговых трений между США и Китаем также затрудняет торговое сотрудничество между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута. По мере усиления противостояния между Китаем и США на стратегическом уровне США будут усиливать свое всестороннее подавление посредством торговых войн, технологических войн, войн в сфере образования и других областях, что приведет к тому, что внешнеторговое сотрудничество Китая будет сталкиваться с большими ограничениями и негативно повлияет на доверие стран вдоль ОПОП к торговому сотрудничеству.

中国与“一带一路”沿线国家贸易合作现状及存在问题

乔 阳

新疆大学外国语学院

改革开放以来，中国经济呈现跨越式发展，建设开放型经济已然成为中国经济发展的重大战略举措。自“一带一路”倡议实施以来，中国与“一带一路”沿线国家的经贸合作取得了显著成效。但在经济迅速发展的同时，仍然存在经济发展不均衡、资源配置效率不高等问题。

一、基础设施建设比较落后

长期以来，亚洲国家的基础设施建设水平都比较低，直接阻碍了“一带一路”沿线国家的贸易合作。只有建立完善的基础设施网络，才能打通各方在不同领域衍生出不同的产业和技术，从而提升贸易合作水平。目前来看，“一带一路”沿线除了中欧班列、中国中亚管道运输、中国东盟的陆海新通道等工程外，其他贸易往来只能依靠传统的海运和空运。即使是在东盟这样已经发展几十年的区域组织内部，越南、缅甸、泰国这些中南半岛国家也有着不同的交通运输方式，基础设施十分落后，很大程度上影响到了我国与沿线国家的贸易往来。有学者统计，“一带一路”仅在基础设施建设上的投资需求就达到了 1 万亿美元/年，这显然超出了各国的承受能力，中国在“一

带一路”倡议实施后先后投入了 37 亿美元用于改善沿线国家基础设施建设。在未来较长一段时间内，落后的基础设施会制约中国与沿线国家的贸易往来。

二、贸易模式和贸易结构比较单一固化

作为“一带一路”倡议的提出者，中国与沿线国家的贸易合作在 2013 年后取得了长足进步，贸易规模已达到了 13 万亿美元，整体上呈现良好趋势。但从贸易模式看，与沿线国家开展的主要是货物贸易，服务贸易额仅有 1217 亿美元，只相当于货物贸易的 9.4%。同时，与中国贸易规模超过 500 亿美元的也只有马来西亚、越南、俄罗斯、印度、泰国、新加坡、印尼、沙特和菲律宾等 9 个国家，贸易往来十分不均衡。从贸易结构看，由于沿线国家大多为发展中国家，能源和农产品等加工简单的产品是大多数沿线国家的主要出口产品，导致贸易集中化现象比较突出。比如，中亚和西亚国家对能源出口的依赖，东南亚、南亚国家对劳动密集型产品出口的依赖，都不利于这些国家经济的可持续发展。在此情况下，也很容易让中国与沿线国家的贸易合作受到外来因素的影响。

三、沿线国家的多样化加剧了贸易合作难度

“一带一路”倡议涵盖了亚洲、非洲和欧洲等 65 个国家和地区，沿线人口占到全球总人口的 63%，经济总量占到全球经济总量的 29%，要想实现“一带一路”政策沟通、道路联通、贸易畅通、货币流通、民心相通的“五通”目标，绕不开沿线国家多样化的现实。中亚、西亚、中东欧以及非洲，有着各自不同的社会政治制度、宗教信仰、文化文明和经济发展水平，彼此间差异很大。其中有很多都是发展中国家，还有一些国家甚至还不是 WTO 成员，对于区域贸易合作缺乏经验。沿线国家的多样化，还意味着需要面临不同的制度环境和法律环境，这给贸易合作带来诸多挑战。

四、全球贸易保护主义抬头，国际贸易规则加速重构

在全球金融危机以后，各国在国际贸易中的选择各不相同，贸易保护主义明显抬头。以美欧日为代表的发达国家和以中国为代表的发展中国家在 WTO 改革国际贸易新规则等领域产生了明显分歧，这可能会让“一带一路”合作面临更大的不确定性。一方面，WTO 改革困难重重，美欧日都已经提出了相关意见书和倡议，中国、俄罗斯等金砖国家也有自己的想法。另一方面，美欧日等发达国家以 FTA 为平台，构筑起新贸易规则，更多代表着发达国家的利益，对发展中国家具有很大挑战。中美贸易摩擦影响加剧，也让中国与沿线国家的贸易合作面临更大困难。随着中美两国在战略层面对抗的加剧，美国通过贸易战、科技战、教育战等各个领域全面打压力度还会加强，这将使得我国对外贸易合作面临更多的掣肘，也会影响“一带一路”沿线各国对贸易合作的信心。

RESEARCH ON THE DEVELOPMENT OF LOGISTICS INDUSTRY IN XINJIANG UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Su Xiaoling

School of Foreign Languages, Xinjiang University, Urumchi, China

Xinjiang is located in the northwest border of China and the center of the Eurasian continent. Historically, it was a hub where many cultures met and prospered with domestic and foreign trade. The opening of ports such as Khunjerab, Korgos and Alashankou has opened a pattern of international trade between China and Central Asian countries such as Russia, Kazakhstan, Pakistan and India. Among them, the types of goods that Xinjiang imports and exports to Russia are increasing. Most of the goods that Xinjiang exports to Russia are labor-intensive products, such as ketchup and canned goods. Most of the goods imported from Russia are raw materials and processed goods such as machinery and chemicals. At present, Xinjiang has opened 17 first-class ports, which have laid a good logistics foundation for navigation and trade in Central Asia. The emerging trade mode represented by e-commerce has injected strong vitality into the development of logistics industry in Xinjiang and provided hardware support for the upgrading and transformation of logistics industry in Xinjiang. "Area" initiative to provide foreign exchange window of Xinjiang, China as the "area" of the core area, Xinjiang, China is also the important

logistics node, its substantial trade promoted the logistics infrastructure, Xinjiang, China could improve the ability of logistics services, is a combination of diverse characteristics of logistics resources, Xinjiang, China. It has cooperated with the joint development of production logistics enterprises and commercial logistics enterprises, developed modern logistics transportation tools such as aviation, high-speed rail and light rail, and built new logistics facilities such as domestic and international distribution centers, bonded parks and warehousing bases.

The logistics industry is a basic and pioneer industry supporting the development of the national economy and a new driving force to achieve high-quality economic development. The "Belt and Road" Initiative has brought unprecedented development opportunities to the development of logistics industry in Xinjiang, highlighting the importance and irreplaceability of the development of logistics industry in Xinjiang. Under the background of the construction of "One Belt and One Road", the development of logistics industry in Xinjiang, relying on the Eurasian land bridge, has initially formed a comprehensive transportation network, with Urumqi as the capital city as the core, prefectures (cities) as nodes, and border ports as links, which closely connects neighboring countries and China. As the core area of the "Silk Road Economic Belt", Xinjiang has unique resources and geographical advantages. Since the development of the western region, Xinjiang, China presents the fast economic development status, the future will be built with Urumqi economic circle is a center, with connecting the mainland, the radiation of central Asia, west Asia, South Asia highway, railway, aviation, pipeline "four one" the safety of the transportation network and the regional international trade center, export processing base, logistics channels.

The unique location advantage and strong market demand of Xinjiang determines that the development goal of China's logistics industry must be to establish a large-scale integrated logistics system facing the international. Therefore, a large number of international factors will be added in the transformation process of Xinjiang logistics industry, and many standards will complete the internationalization adaptation. At this time, Xinjiang of China will become the initiator of the reform of the inland logistics industry, and finally realize the comprehensive connection of international logistics. In Xinjiang, China logistics technology and equipment and put in service mode, both from the point of the operation ability of Khorgos port, fully embody the advanced nature of the hardware of the port, customs clearance services mode to improve efficiency, China has successively joined the TIR convention on road transport and joint modify rail transport mail international rules and precedent, It can be said that the "One Belt and One Road" policy is continuously promoting the development of international logistics in Xinjiang, China. During the epidemic, the hub function of Xinjiang international logistics trunk line has once again played an important role. The capacity of sea transportation has decreased, the freight has increased, and the air freight cost cannot meet the needs of most international trade customers. International railway freight train and international automobile transportation have become the main trunk transportation mode in Central Asia and Europe. In contrast, Xinjiang port of China undertakes the customs declaration, inspection and quarantine, inspection, transit and re-loading of all transit vehicles. Under the dual pressure of epidemic prevention and import and export, the port operates stably. One Belt And One Road policy not only drives the Xinjiang international logistics industry development in China, also along the overseas countries such as Japan, South Korea, and southeast Asia, Australia and other countries of the transportation, trade transportation cost reduce the possibility of these countries, shorten the transportation distance, the market space docking to originally had a countries and regions, the rail, sea and land, such as multimodal transport way, Will continue to stimulate more goods from overseas countries to reach Central Asia and Europe through Xinjiang ports.

Xinjiang province in China, as the core of the overland Silk Road Economic Belt, is bound to be the focus of policy skew. By the right time, the right place and the right person, in the "Belt and Road" strong east wind, Xinjiang logistics industry will be better and better!

“一带一路”倡议下中国新疆物流业发展研究

苏晓玲

新疆大学外国语学院

中国新疆位于祖国西北边陲、亚欧大陆中心，在历史上是多文化交汇的枢纽，随着国内外的贸易往来不断地繁荣发展。红其拉甫、霍尔果斯、阿拉山口等口岸的开通，开启了中国与俄罗斯、哈萨克斯坦、巴基斯坦、印度等中亚国家的国际贸易模式。其中，新疆与俄罗斯进出口的商品种类不断增多，新疆出口到俄罗斯的商品大部分是劳动密集型的产品，例如番茄酱、罐头、服装、鞋类、冻猪肉、塑料制品、果汁等；从俄罗斯进口的商品大部分是原材料和机械、化学等加工品，例如飞机发动机及零部件、汽车、钢材、铝材、有色金属、化肥、化工原料、金属制成品、原油、铁矿砂、木材等。目前中国新疆已开放 17 个一类口岸，为中亚地区通航商贸打下了良好

的物流基础。以电子商务为代表的新兴贸易模式又为中国新疆物流业发展注入强大活力，为中国新疆的物流产业实现升级转型提供了硬件支持。“一带一路”倡议为中国新疆提供了对外交流的窗口，中国新疆作为“一带一路”的核心区，也是重要的物流节点，其可观的贸易量促进了中国新疆的物流基础设施建设，提高了物流服务能力，结合了中国新疆物流资源的多样化特点，协同了生产型物流企业与商业型物流企业的共同发展，开发了航空、高铁、轻轨等现代化物流交通工具，建设了国内及国际化配送中心、保税园区、仓储基地等新兴物流设施。

物流产业是支撑国民经济发展的基础性、先导性产业，是实现经济高质量发展的新动力。“一带一路”倡议的提出，给中国新疆物流产业的发展带来了前所未有的发展机遇，凸显了中国新疆物流产业发展的重要性与不可替代性。在建设“一带一路”的背景下，中国新疆物流产业的发展依托亚欧大陆桥，初步形成了以首府乌鲁木齐市为核心，以各地州（市）为节点，以边境口岸为纽带，将周边国家与自身紧密联系起来综合交通运输网络。中国新疆作为“丝绸之路经济带”的核心区，拥有独特的资源和地缘优势。自西部大开发以来，中国新疆经济呈现快速发展状态，未来将建成以乌鲁木齐经济圈为中心，拥有连接内地，辐射中亚、西亚、南亚的公路、铁路、航空、管道“四位一体”的安全交通运输网络和区域性国际商贸中心、出口商品加工基地、物流通道。目前，中国新疆已建成乌鲁木齐出口加工区、阿拉山口综合保税区、中哈霍尔果斯边境合作中心（配套区）、喀什综合保税区、奎屯保税物流中心海关特殊监管区域和保税监管场所，初步形成中国新疆加工贸易和保税物流基地。通过区域通关一体化改革打破地区限制，能够进一步彰显中国新疆地区的区位优势，拓展物流网络。海关特殊监管区域的建立也为中国新疆制造业发展提供良好的平台，为企业建立面向欧亚、中亚的国际物流中心创造条件。

根据统计数据显示，随着国民生产总值的不断扩大，中国新疆交通运输、仓储和邮政业的增加值也呈现逐渐递增的现象。2010年，中国新疆国民生产总值为5437.47亿元，交通运输、仓储和邮政业增加值为222.47亿元，至2021年，中国新疆国民生产总值已经突破15983亿元，而交通运输、仓储和邮政业的增加值已经突破了414亿元，通过这些数字可以发现，中国新疆的物流市场规模逐年扩大，物流需求量和供给量都有显著的增长。中国新疆独有的区位优势和雄厚的市场需求，决定了中国新疆的物流业发展目标必须是建立面向国际的大规模的一体化的物流体系，因此在中国新疆的物流业转型过程中势必会加入大量国际因素，诸多标准将会完成国际化适配。此时中国新疆又将成为内地物流产业改革的启动器，最终实现国际化物流的全面贯通。中国新疆在物流技术设备和服务模式上的投入上均发挥出色，从霍尔果斯口岸的运营能力来看，就充分体现了口岸硬件设备的先进性，通关效率等服务模式不断提高，中国也先后加入了TIR道路运输公约以及联合修改铁路运邮国际规则和运输的先例，可以说“一带一路”政策在持续推动中国新疆国际物流事业在发展。疫情中，中国新疆国际物流干线的枢纽功能再次发挥出重要性，海运产能下降，运费上涨，空运成本无法满足大部分国际贸易客户需求，国际铁路班列和国际汽运成为中亚、欧洲方向的主要干线运输方式，而中国新疆口岸则承担了全部过境车辆的报关、检验检疫、查验、中转和换装环节，口岸在防疫和进出口双重压力的情况下稳定运行。一带一路政策不但驱动中国新疆国际物流业发展，还沿伸了海外国家如日本、韩国以及东南亚、澳洲等国家的运输范围，实现这些国家贸易运输成本降低的可能性，缩短运输距离，市场空间也对接到了原来未有过的国家和地区，海铁、海陆等多式联运方式，将继续刺激更多海外国家商品通过中国新疆口岸到达中亚及欧洲等地区。

中国新疆作为“陆上丝绸之路经济带”的核心地区，必将成为政策倾斜的重点。借着天时地利人和，乘着“一带一路”的强劲东风，中国新疆物流业必然会越来越好！

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ «КИТАЙ – КЫРГЫЗСТАН – УЗБЕКИСТАН» ВЛИВАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИЛУ В «ПОЯС И ПУТЬ»

Ли Линьэ

Институт иностранных языков Синьцзянского университета, г. Урумчи, КНР

15–16 сентября 2022 г. в древнем городе Самарканде (Узбекистан) состоялось 22-й саммит ШОС. Данный саммит проводился в период ускорения политических, экономических событий и событий в области безопасности в мире, и впервые с 2020 г. государства-члены ШОС встретились лицом к лицу, чтобы обсудить вопросы и принять решение о будущем направлении развития организации. Долгожданный проект «Железнодорожная магистраль «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»» также значительно продвинулся в рамках саммита, и процесс строительства будет значительно ускорен.

I. Китай, Кыргызстан и Узбекистан договорились о данном проекте

В ходе саммита Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали Соглашение о сотрудничестве по строительству транснациональных железных дорог, в котором основное внимание было уделено достижению договоренности о строительстве проекта Железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» (киргизский участок). Три страны будут совместно работать над завершением ТЭО для данного проекта, а Китайский первый институт железных дорог завершит полное ТЭО к июню 2023 г. при поддержке соответствующих органов других двух стран. При этом расходы по строительству железной дороги, будут разделены поровну, как это предусмотрено в трехстороннем соглашении о финансировании.

После подписания соглашения пресс-служба президента Кыргызстана первой выступила с высокой оценкой. По мнению киргизской стороны, это проект сократит время и расстояние перевозки грузов и повысит конкурентоспособность страны на рынке международных транзитных перевозок, обеспечивая более легкий и удобный доступ для транспортировки товаров из Китая в Кыргызстан, простираясь до Ближнего Востока и Европы. Самое главное, что этот новый железнодорожный коридор станет важной южной веткой Евразийского континентального моста, открывая доступ к рынкам Юго-Восточной Азии, Западной Азии и Ближнего Востока.

Условием реализации являются тесные и расширяющиеся отношения между Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном. Во время саммита в Самарканде китайская сторона дала новую интерпретацию развития двусторонних отношений с Узбекистаном и Кыргызстаном.

II. Развитие проекта «Железнодорожная магистраль “Китай — Кыргызстан — Узбекистан”»

Проработка проекта отражает развитие и углубление отношений между Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном. Однако его развитие не было простым.

1. Еще в 1996 г. когда Китай строил железную дорогу в южной части Синьцзяна, Узбекистан хотел, чтобы железная дорога, проходящая через Кыргызстан, соединила его с китайской железной дорогой, и китайская сторона согласилась.

2. В последние 25 лет, три страны совместно продвинули этому проекту с большими трудностями.

3. В середине сентября 2022 г. соответствующие органы власти Китая, Кыргызстана и Узбекистана подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках проекта строительства железной дороги (участок на территории Кыргызстана).

III. Значение железнодорожной магистрали «Китай — Кыргызстан — Узбекистан»

Планируемая железная дорога начнется из Кашгара – крупного города на западе Китая, и будет иметь протяженность 523 км, 213 км в Китае, 260 км в Кыргызстане и 50 км в Узбекистане, а затем соединится с Евразийским континентальным мостом и железной дорогой на Ближний Восток через железнодорожную сеть Узбекистана. Это сократит расстояние на 900 км и сэкономит около семи дней транспортного времени.

(i) Передний край открытия Китая на Запад

Эта железная дорога станет вторым путем доступа в Синьцзян из других стран, что безусловно, окажет огромное влияние на его будущее экономическое и социальное развитие: Синьцзян становится все более важным мостом и узлом для связи Запада Китая и даже всей страны с Центральной Азией, Западной Азией и Европой.

(ii) Обеспечение выгод для стран, расположенных вдоль маршрута

Данный проект будет способствовать глубокой интеграции Китая с международными рынками Центральной Азии, Южной Азии, Западной Азии и Европы, расширению транспортного охвата нового континентального моста Азия-Европа и укреплению его позиций в международном транспорте.

1. Распространяясь на запад, он образует два «современных Шелковых пути» в Европу, свяжет северо-запад Китая с Тегераном (Иран) и далее через Стамбул на Балканы, в Центральную и Западную Европу, соединив Центральную Азию, Закавказье и Европу и создав уникальные условия для дальних перевозок.

2. Станет южным маршрутом нового континентального моста Азия – Европа, способствуя обмену товарами и людьми между странами ЦА (кроме Казахстана), Западной Азии, Западной, Южной и Центральной Европы и странами Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Америки, и особенно укреплению экономических и торговых отношений с Китаем, Японией и Южной Кореей.

3. Открывает удобный, быстрый и надежный выход к морю для стран ЦА, и имеет большое значение в международной дорожной сети.

4. Как транзитная страна, Кыргызстан будет иметь много возможностей для развития своей инфраструктуры вдоль маршрута и гарантировать эффективную разработку и использование своих минеральных ресурсов вдоль маршрута. Кроме этого, строительство данной дороги откроет стране доступ к морю, превращая его в транзитную страну для логистики и транспорта, с объемом транзитных грузов в 15–20 млн тонн, а также будет способствовать развитию экономики Кыргызстана в целом.

IV. Заключение

В последние годы отношения между Китаем и странами ЦА имеют хорошую динамику, а стратегическое партнерство между Китаем и Россией в настоящее время находится на самом высоком уровне в истории, и мы можем эффективно совместно соединить проект «Пояс и Путь» с программой ЕАЭС. Мы твердо верим, что проект железной дороги будет завершен и придаст новую жизненную силу «Поясу и Пути».

中吉乌铁路为“一带一路”注入新活力

李玲娥

新疆大学外国语学院

2022年9月15-16日,上海合作组织成员国国家元首理事会第22次会议在乌兹别克斯坦古城撒马尔罕举行。此次峰会是在世界政治、经济、安全形势加速演进的时刻举行,也是2020年以来上合组织成员国首次面对面商讨问题并决定上合组织今后发展的方向,已成为26年“上海进程”中一次具有里程碑性质的盛会。备受关注的中吉乌铁路项目也在此次峰会的框架内也取得了重大进展,建设进程将极大提速。

一、中吉乌三方就铁路项目达成一致意见

峰会期间,中国、吉尔吉斯斯坦和乌兹别克斯坦签署了《建设跨国铁路的合作协议》,该协议重点就建设中吉乌铁路(吉尔吉斯段)项目达成一致。根据协议,三国将共同完成中吉乌铁路项目联合方案的可行性研究,中国中铁一院将在其他两国有关部门的支持下,于2023年6月前完成全部可行性研究工作,未来建造铁路所需费用,由三国签署的融资协议规定进行均摊。

协议签署完成后,吉尔吉斯斯坦总统新闻处第一时间发声给予高度评价。吉方表示,新铁路项目缩短了货物运输的时间和距离,该项目将提高吉国在国际过境运输市场上的竞争力,同时确保从中国到吉国,一直延伸到中东,进入欧洲的货物运输通道,更加便捷畅通。最重要的是,这一新铁路走廊会成为欧亚大陆桥重要的南部支线,打开进入东南亚、西亚和中东市场的通道。

中吉乌铁路大动脉建设得以落到实处,离不开中吉乌三国不断发展的紧密关系。撒马尔罕峰会期间,中方在会见吉国和乌国高层时,对双边关系发展作出了新的解释。中方向吉国总统扎帕罗夫表态,坚定支持该国自主选择发展道路,维护国家独立、自主和安全,反对任何外部势力以任何借口干涉吉国内政,无论过去、现在和未来,中方都是吉方可以信赖和倚重的好朋友和好伙伴。中方强调,两国要落实好中吉《中长期经贸合作规划》,中方支持实施中吉乌铁路项目,愿意推动该项目早日开工,支持更多优秀中国企业赴吉国投资,共同造福两国人民。

会见乌兹别克斯坦总统米尔济约耶夫时,中方同样表达了提升两国关系,深化各领域合作的愿望。中方认为,当前中乌全面战略伙伴关系发展已驶入快车道,两国关系的深入发展,不仅

造福两国人民，更有利于促进地区和平、发展和繁荣。

二、中吉乌铁路的发展历程

从中吉乌铁路这一关键点就可看出中吉乌三国之间关系的不断发展与深化。然而，纵观中吉乌铁路的发展历程，可谓一波三折。

1.早在 1996 年中国修建南疆铁路时，乌兹别克斯坦就希望一条过境吉尔吉斯斯坦的铁路能够将其与中国铁路相连接，中方赞同；

2.1997 年在巴黎的一次会议上，三国正式提出建设中吉乌铁路项目并签署备忘录；

3.1999 年，中国铁道部第一勘测设计院提出了该项目的南北线两个方案，三方经过反复磋商选择了北线，即喀什—吐尔尕特—卡拉苏（吉）—安集延（乌）；

4.2006 年，中国把建设中吉乌铁路中国段部分干线的计划列入了第六个社会经济发展五年计划；

5.2008 年，中国工作组最终通过铁路建设方案，随后吉尔吉斯斯坦交通和通信部长苏尔丹诺夫确认了该方案；

6.2011 年 8 月，吉时任总理阿坦巴耶夫表示，推动中吉乌铁路项目将是其 9 月 14-16 日访华并出席达沃斯论坛的首要任务；

7.2012 年 4 月吉时任总理巴巴诺夫表示，将尽快让这一项目开工建设，吉政府已将该项目列入优先建设目录；

8.2012 年 4 月，吉尔吉斯斯坦交通通信部与中国路桥工程责任有限公司签署了该项目的合作备忘录，商定在一年内完成可研报告；

9.2013 年中方编订完该报告并移交吉方，当由于吉高层决定重新考虑替代方案和符合其利益的铁路路线，导致该项目暂时搁置；

10.2015 年 12 月，从中国访问回国的吉总理萨里耶夫向媒体表示，希望中吉乌铁路项目可于 2016 年启动；

11.2018 年 6 月 7 日，中国和吉尔吉斯签署关于建立全面战略伙伴关系联合声明并表示：双方将全力推动中吉乌铁路项目相关工作，争取早日开工建设；

12.2019 年 6 月 13 日，中国和吉尔吉斯签署关于进一步深化全面战略伙伴关系的联合声明并表示：双方愿继续保持沟通，商讨技术参数，稳步推进中吉乌铁路相关工作；

13.2019 年 10 月 9-11 日，中国发改委外资司工作组赴吉尔吉斯斯坦及乌兹别克斯坦访问期间，分别与吉交通道路部、乌交通部召开工作会议，研究推进中吉乌铁路项目有关工作。国家铁路局、中铁第一勘察设计院参加会议；

14.2020 年 12 月 29 日，中国、吉尔吉斯斯坦和乌兹别克斯坦三方以视频方式召开中吉乌铁路投融资工作组会议。三方就投融资、运营模式等议题交换了意见；

15.2022 年 6 月 2 日，中国和吉尔吉斯斯坦、乌兹别克斯坦三方的交通部等主管部门和单位共同召开中吉乌铁路三方工作层视频会议，就推动中吉乌铁路项目合作深入交换意见；

16.2022 年 6 月初，正值中国-中亚五国外长会议举行之际，吉尔吉斯斯坦总统扎帕罗夫宣布俄罗斯总统普京已同意修建中吉乌铁路；

17.2022 年 7 月 28 日，国务委员兼外长王毅应邀访问乌兹别克斯坦。访问期间，中乌双方都认为推进中吉乌铁路建设的时机已渐成熟，愿加快推进项目的可行性研究。

18.2022 年 7 月份，中方首批专家已经抵达吉尔吉斯斯坦，开始前期踏勘工作；

19.2022 年 9 月中旬，中国、吉尔吉斯斯坦、乌兹别克斯坦有关部门签署了《关于中吉乌铁路建设项目（吉境内段）合作的谅解备忘录》。

三、中吉乌铁路的重要意义

规划中的中吉乌铁路，从中国西部重镇喀什出发，全长 523 公里，中国境内 213 公里，吉尔吉斯斯坦境内 260 公里，乌兹别克斯坦境内 50 公里，然后通过乌兹别克斯坦的铁路网，联通欧亚大陆桥，以及前往中东的铁路；是中国同中东，欧洲联系和运输通道中最短的一条线路！可

以缩短 900 公里的里程，运输时间节约了 7 天左右！

（一）中国向西开放的最前沿

中吉乌铁路修通后，新疆的国际通道由原来的一条变为二条。这种变化必将对未来新疆经济和社会发展带来巨大影响。新疆日益成为西部乃至全国与中亚、西亚和欧洲联系的桥梁与枢纽，成为中国向西开放的最前沿。

（二）为沿线国家送福利

中吉乌铁路项目将促进中国与中亚、南亚、西亚、欧洲国际市场的深度融合，拓宽新亚欧大陆桥的运输范围，提高新亚欧大陆桥在国际运输中的地位。

1. 向西延伸，构成两条通往欧洲的“现代丝绸之路”。该铁路将连接中国西北至伊朗德黑兰，进而通过伊斯坦布尔，到达巴尔干半岛、中欧、西欧，将中亚、外高加索和欧洲联结起来，为远距离运输提供独一无二的条件。

2. 形成新亚欧大陆桥的向南通路，促进中亚各国（除哈萨克斯坦外）、西亚各国、西欧、南欧和中欧的等国与东亚、东南亚、美洲等国家间的物资交流和人员往来，尤其是加强与中国、日本、韩国间的经贸往来。

3. 为内陆国家疏通了一条便捷、快速、可靠的出海通道，在国际路网中具有重要意义。

4. 吉尔吉斯斯坦作为过境国家，将有大量机会可以发展其沿线基础设施，保障其沿线矿产资源得到有效开发和利用，此外，中吉乌铁路的修建将为吉尔吉斯斯坦打开出海口，使吉转变为物流运输的中转国，过境货物量可达 1500-2000 万吨，还可推动吉整体经济的发展。

四、结语

近年来，中国与中亚各国关系一直处于良好态势，中国与俄罗斯的战略伙伴关系当前处在历史最高水平。我们坚信，中吉乌铁路项目一定能够建成，为“一带一路”注入新的活力。

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ВЫСТАВОЧНОЙ ИНДУСТРИИ СИНЬЦЗЯНА В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Чжан Пэнъянь

Синьцзянский университет, г. Урумчи, КНР

19 ноября 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в третьем симпозиуме по строительству «Одного пояса, одного пути» (ОПОП) и отметил, что необходимо правильно понять и осмыслить новую ситуацию, с которой сталкивается реализация инициативы. Тема времени не изменилась, мир и развитие по-прежнему доминируют, и общее направление экономической глобализации не изменилось, мы должны в полной мере использовать возможности ОПОП и реализовать «пять интеграций», то есть развитие и безопасность, внутреннее и международное, сотрудничество и борьба, запасы и рост, целое и средоточие. Как сочетать пять интеграций с практикой развития ОПОП, необходимо изучить в соответствующих секторах с течением времени.

На фоне ОПОП выставочная индустрия выделила собственные характеристики, такие как инклюзивность, четкая направленность, высокий уровень контактов и представительности, и конкурентоспособность. Выставочная индустрия – сектор и отрасль, которые непосредственно предоставляют продукцию и услуги для экономической деятельности выставочного рынка, и относится к третичному сектору. Она играет ключевую роль в развитии отраслей вдоль ОПОП, в улучшении условий занятости, во взаимном обмене культурами и мирном и стабильном развитии мира. Поэтому это новый вопрос – в новой ситуации ОПОП, как органично объединить выставочную индустрию с «пятью интеграциями», продолжать решать задачи в условиях все более сложной международной обстановки и постэпидемической эпохи.

Синьцзян расположен в центре Экономического пояса Шелкового пути и является важным окном, открывающим путь на запад. Развитие выставочной индустрии между Синьцзяном и странами, входящих в ОПОП, заслуживает большего внимания. Россия, как одна из 65 стран, входящих в экономический пояс ОПОП, глубоко вовлечена в выставочную индустрию Синьцзяна. В 2020 г. член НПКСК Ван Цзе выдвинул предложение «ускорить развитие выставочной экономики Синьцзяна и помочь строительству основной

зоны ОПОП». В последние годы, при сильной правительственной поддержке, жители Синьцзяна воспользовались своими географическими преимуществами, количество выставок в различных областях увеличивается, но все еще существует множество проблем, препятствия и угрозы. Препятствия относятся к факторам, которые могут быть устранены и решены путем научной оценки и разумных решений, например, - отсутствие вовлечения и подготовки высококвалифицированных талантов и соответствующих специалистов в выставочной индустрии Синьцзяна. Угрозы относятся к факторам, объективное существование которых трудно устранить научными методами и можно только минимизировать. Например, это разрыв между восточным побережьем и центральными городами материковой части Китая, который имеет политические, экономические, социальные, культурные, исторические и другие причины, и проявляется в различных отраслях. То есть эта проблема не может быть решена только в рамках одной лишь выставочной индустрии. В последние годы на выставочную экономику оказала значительное влияние эпидемия. В таких условиях необходимо срочно изучить, как найти новые направления, новые идеи и новые методы для развития выставочной индустрии Синьцзяна.

В нашем исследовании с помощью метода изучения литературы и метода эмпирического анализа, сравниваются выставочные модели и преимущества наиболее успешно развивающихся выставочную деятельность городов Китая (например, города, занимающие первые места по выставочной площади в 2019 г.: Шанхай, Гуанчжоу и Чунцин), анализируется история и особенности их выставочного развития, проводится обзор развития выставочной индустрии Синьцзяна, определяются проблемы в развитии выставочной экономики Синьцзяна в контексте ОПОП. В числе последних – малый масштаб и слабая сила выставок, отсутствие инвестиций со стороны мощных крупных выставочных предприятий и опытных профессионалов выставочной сферы, слабая осведомленность о создании бренда и правах интеллектуальной собственности, неразвитость выставочных маркетинговых услуг и т. д. Также выдвинуто несколько предложений для развития выставочной экономики Синьцзяна: содействие сотрудничеству предприятий для масштабирования выставочных мероприятий, активное внедрение иностранного капитала и инвестиций отечественных предприятий среднего и высокого уровня в организацию выставок, совершенствование маркетинговых услуг выставок и придание им синьцзянских характеристик, создание системы оценки уровня маркетинга, уточнение распределения функций государственных учреждений и организаторов выставочные мероприятия. Требуется наращивать значение учреждений общественного обслуживания, продолжать использовать волонтерские ресурсы, культивировать брендовые выставки, обладающие международной конкурентоспособностью, совершенствовать механизм защиты прав интеллектуальной собственности, прав и интересов экспонентов и т. д. Все это поможет Синьцзяну повысить свой региональный имидж, использовать свои региональные преимущества, а также содействовать привлекательному имиджу Китая в целом на пути развития ОПОП.

Как зеленая, безопасная, интегрированная и кооперативная индустрия, выставочная индустрия соответствует новой ситуации развития ОПОП и требованиям пяти интеграций, и способна играть важную роль в экономическом развитии Синьцзяна. Благодаря постоянной поддержке правительством экономического развития Синьцзяна и с помощью экспертного сообщества, выставочная индустрия Синьцзяна будет продолжать устранять препятствующие факторы и сужать угрожающие факторы, чтобы быть способной быстрее и лучше развиваться в контексте инициативы ОПОП.

“一带一路”背景下新疆会展业发展研究

张鹏燕

新疆大学外国语学院

2021年11月19日，习近平主席出席第三次“一带一路”建设座谈会，并发表重要讲话，习近平主席指出：要正确认识和把握当今共建“一带一路”面临的新形势，当今时代主题没有发生改变，依旧是和平与发展占主导地位，经济全球化大方向没有发生变化，我们应把握好“一带一路”机遇，并指出共建“一带一路”应当落实好“五个统筹”，即统筹发展和安全、统筹国内和国际、统筹合作和斗争、统筹存量和增量、统筹整体和重点。如何将五个统筹与“一带一路”发展实践相结合需要我们长期在相关行业领域不断探索。

在“一带一路”的背景下，会展业与会展经济更加凸显其本身的特点如：兼容并蓄、指向性强、联系性高、聚合性好、融合性大、行业竞争大等。所谓会展业是指直接为会展市场经济活动提供产品和服务的部门和行业的总称，属于第三产业。为“一带一路”沿线国家及地区沿线产业的

发展、就业环境的改善、文化的相互交流、世界和平稳定发展起到中流砥柱的作用。因此，在“一带一路”新形势下，如何将会展业与“五个统筹”有机结合，在日趋复杂的国际环境以及后疫情的时代背景下继续迎接挑战，将“一带一路”这条各国团结应对挑战的合作之路，促进经济社会恢复的复苏之路，释放发展潜力的增长之路，走的更加稳固复兴是我们面临的新的问题。

新疆位于丝绸之路经济带核心区，是中国向西开放的重要窗口。新疆与沿线国会展业的发展更应值得关注。俄罗斯作为 65 个“一带一路”沿线国之一，深度参与新疆会展，2012 年俄罗斯工商协会成为中国——亚欧博览会新的国际协办单位，并在会展期间举行“俄罗斯国家馆日”，在今后的亚欧博览会中俄罗斯继续深入在各领域的会展交流。2020 年政协委员王洁同志提出“加快发展新疆会展经济，助力‘一带一路’核心区建设”的政协提案更是引起新疆自治区政府的高度关注。近些年在国家政策的大力支持下，新疆人民利用地域优势，各个领域的会展数量和质量在不断增长，但是依旧有很多不可忽视的问题，这些问题的原因包括障碍因素与威胁因素。障碍因素是指通过科学的评估和合理的解决手段能够消除解决掉的因素，比如：新疆会展业缺乏对高技术人才以及相关专业人才的引进与培养，而威胁因素指客观存在很难用科学的方法消除，只能尽量减少其危害的因素。比如与东部沿海与中部内地城市的差距，这种差距有政治、经济、社会、文化、历史等多方面的原因，在各个行业都有所涉及，不能仅从一个会展产业解决掉根源问题。而近些年新冠疫情更是给会展经济带来了不小的冲击，在这样的背景下，亟需探究如何找到新疆会展业发展的新方向、新思路、新方法。本文通过文献考证法、实证分析法，梳理我国排名靠前的城市会展模式和优势，这里涉及到如 2019 年按照展览面积排名较前的城市：上海、广州、重庆，分析其会展发展历史和特点，阐明新疆会展业发展的概况，提出在“一带一路”背景下新疆会展经济发展中存在的问题，如：会展的规模小、实力弱，缺乏有实力的大型展览企业的投资，打造品牌意识不强，知识产权意识不强，高级专业会展人才匮乏、会展营销服务不强等，并探讨了符合新疆会展经济发展的几点建议，如：促进企业间合作推动会展规模建设、积极引入外资以及国内中高端企业的投资办展，重视对会展营销服务的研究，形成具有新疆特色的会展营销服务，同时建立营销水平评价体系，对每次的会展进行合理、科学、全面的分析，加强对相关会展人才的引进以及高校对会展业相关专业的开设和人才培养，明确政府职能与执行会展任务机构的责任分配，加强公共服务机构的作用，继续发挥志愿者精神，完善志愿服务体系，着力培育具有国际竞争力的品牌展会，健全完善知识产权相关保护机制与参展商的权益等，最终助力新疆会展业利用地域优势重塑地域形象，同时也为我国在“一带一路”发展道路上树立了良好的中国形象。

会展业作为一种绿色、安全、融合合作的朝阳产业，符合“一带一路”新的发展形势，也符合五个统筹的要求，对新疆的经济发展具有相当显著的推动作用。相信在政府对新疆经济发展的不断支持下，在政府对会展业发展的高度重视下，以及许多学者对新疆会展经济的研究梳理下，新疆会展业一定会不断消除障碍因素、缩小威胁因素，在“一带一路”倡议背景下与日益激烈的国内会展活动的市场竞争中得到更快、更好的发展。

ANALYSIS OF THE PATH OF THE DIGITAL ECONOMY TO CONTRIBUTE TO THE HIGH-QUALITY DEVELOPMENT OF THE "BELT AND ROAD"

Cai Yao

Chongqing Technology and Business University, China

Digital economy is an important "magic weapon" to promote the high-quality development of the "Belt and Road". General Secretary Xi Jinping gave instructions at the opening ceremony of the second "Belt and Road" Forum for International Cooperation: "Facing the future, we must focus on the key points, cultivate deeply, and jointly draw a meticulous and delicate "work stroke" to promote joint construction." The "Belt and Road" continues to advance along high-quality development. Therefore, high-quality joint construction of the "Belt and Road" has increasingly become the consensus of all sectors of society. In the context of the super-imposed impact of the century-old changes and the epidemic of the century, we must adhere to the digital economy

as the benchmark, implement the principle of consultation, co-construction and sharing, and continue to contribute to the "Belt and Road" Inject new momentum to jointly promote the high-quality development of the "Belt and Road" through the overall reform of the economy and the optimization and upgrading of the industrial structure.

Key words: digital economy; One Belt One Road; High-quality development

数字经济助力“一带一路”高质量发展的路径探析

蔡 尧
重庆工商大学

数字经济是推动“一带一路”高质量发展的重要“法宝”。习近平总书记在第二届“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上作出指示：“面向未来，我们要聚焦重点、深耕细作，共同绘制精谨细腻的“工笔画”，推动共建“一带一路”沿着高质量发展不断前进。”因此，高质量共建“一带一路”日益成为社会各界的共识。在百年变局与世纪疫情叠加冲击的背景下高质量共建“一带一路”，必须坚持以数字经济为基准，落实共商共建共享的原则，并不断为“一带一路”注入新的动能，以此通过经济的整体性变革和促进产业结构的优化升级共同推动“一带一路”高质量发展。

关键词：数字经济；一带一路；高质量发展